

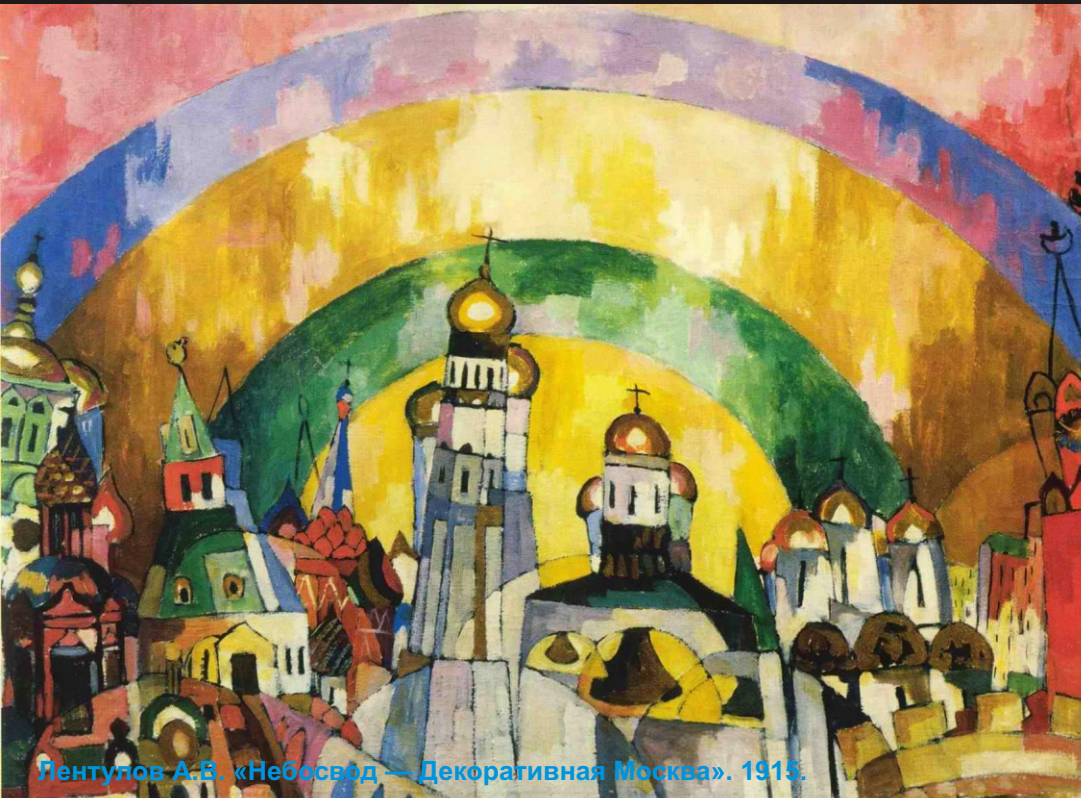

Центр стратегической конъюнктуры

Муза Д.Е.

РОССИЯ в системе

координат глобального мира
метафизика, идеология, прагматика

Лентулов А.Б. «Небосвод — Декоративная Москва». 1915.

МУЗА Дмитрий Евгеньевич

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Крымской академии наук, сопредседатель Изборского клуба Новороссии; специалист в области истории русской философии и культуры, философской антропологии и аксиологии, философии истории и глобалистики.

Новая книга известного ученого и общественного деятеля Донецкой Народной Республики посвящена важнейшим вопросам нового этапа цивилизационного самоопределения России, происходящего на фоне множатся глобальных вызовов и угроз.

В ней представлены разработки в области истории и теории русской цивилизации. Книга включает взаимосвязанные тематические блоки: «Славянофильские рефлексии», «Каков он, евразийский соблазн?», «Украина, Новороссия и Донбасс», «Немилый сердцу Запад», «Империя», «Русское будущее», которые отражают специфику исторического опыта России, генерируемого не только внешними и внутренними проблемами, но и универсальными притязаниями её исторических проектов.

Работа выполнена в жанре историософской публицистики, развивая идеи прежних работ автора: «В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв.» (2005), «Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устройство и идентичность» (2009), «Введение в глобалистику» (2010), «Константин Николаевич Леонтьев: личный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории» (2012, 2015), «Глобалистика» (2012), «Информационное общество: притязания, возможности, проблемы» (2013), «Да, жизнь лишь Веры воплощенье...». Этюды русской аксиологии» (2015).

Адресная аудитория издания — читатели, для которых Россия и её судьба — дело жизненно важное и необходимое.

ISBN 978-5-93883-280-0

9 785938 832800

Муза Д.Е.

РОССИЯ
в системе координат
глобального мира:
метафизика, идеология, прагматика

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2016

УДК1
ББК 87
М29

Муза Д.Е.

М29 РОССИЯ в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Предисл. С. Ю. Житенева; Центр стратегической конъюнктуры. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. — 232 с.

ISBN 978-5-93883-280-0

Новая книга известного ученого и общественного деятеля Донецкой Народной Республики, сопредседателя Изборского клуба Новороссии, доктора философских наук, профессора Дмитрия Евгеньевича Музы посвящена важнейшим вопросам нового этапа цивилизационного самоопределения России, происходящего на фоне множества глобальных вызовов и угроз.

В ней представлены разработки в области истории и теории русской цивилизации. Она включает взаимосвязанные тематические блоки: «Славянофильские рефлексии», «Каков он, евразийский соблазн?», «Украина, Новороссия и Донбасс», «Немилый сердцу Запад», «Империя», «Русское будущее», которые отражают специфику исторического опыта России, генерируемого не только внешними и внутренними проблемами, но и универсальными притязаниями ее исторических проектов.

Работа выполнена в жанре историсофской публицистики, развивая идеи прежних работ автора: «В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв. (2005), «Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устройство и идентичность» (2009), «Введение в глобалистику» (2010), «Константин Николаевич Леонтьев: личный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории» (2012), «Глобалистика» (2012), «Информационное общество: притязания, возможности, проблемы» (2013), «Да, жизнь лишь Веры воплощенье...». Этюды русской аксиологии» (2015).

Адресная аудитория издания — читатели, для которых Россия и ее судьба — дело жизненно важное и необходимое.

© Муза Д.Е., 2016

ISBN 978-5-93883-280-0

© Воробьев А.В. & Центр СК, оформление, 2016

Подписано в печать 20.10.2015. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,78. Тираж 100 экз.. Заказ № 108.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*. Корректор *Е.В. Феоктистова*

7720376@mail.ru Издатель Воробьев А.В.

г. Москва, ул. Профсоюзная, 140-2-36. **8(495)772-03-76**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Русская цивилизация в период глобального планетарного кризиса.....	5
Введение	11
Славянофильские рефлексии	17
Славянский мир в XXI веке: новые вызовы и перспективы.....	17
Феномен славянства в системе координат христианского суперэтнического текста и универсалий Просвещения (перечитывая А.С. Панарина).....	31
Каков он, евразийский соблазн?	50
Евразия как место встречи и диалога цивилизаций, но не арена исторических соблазнов.....	50
А.С. Панарин о структурогенезе и интригах восточного мегацикла всемирной истории.....	62
К вопросу об устойчивости Евразии.....	64
Немилый сердцу Запад	69
Глобализм как инструмент деструкции современных цивилизаций.....	69
Диалог культур и ловушка глобализации: к методологии невыученных уроков Истории.....	92
Идея ответственности и ее реализация на макро- и микроуровнях всемирной истории.....	97
О технологиях и смысле антирусской информационной войны.....	117
Тайна 11 сентября 2001 года, или Как действуют скрытые пружины американской политики.....	126

Украина, Новороссия и Донбасс	135
Некоторые соображения о цивилизационной природе Украины и ее деструкции глобализацией	135
Мысли о Новороссии как плацдарме борьбы с мировым злом.....	145
Новороссия как новый форпост глобальной духовной брани	153
Почему Донбасс русский?	161
Империя.....	169
В предвещии новой Российской империи: некоторые интуиции, наблюдения и оценки	169
Россия в поисках идеологии: от онтологического редукционизма к новой, позитивной идеологической программе	185
Русское будущее	196
«Нам предстоит заново учиться жить...»: Россия и ее судьба в духовно-патриотическом наследии митрополита Иоанна (Снычева).....	196
Роль исторической картины мира XX века и механизма памяти в воссоздании позитивного образа Великой Отечественной войны	209
Что строим на этот раз? (заметки к незавершенному спору об исторической сущности России).....	212
К вопросу о специфике и задачах православной философии образования.....	216
Заключение	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская цивилизация в период глобального планетарного кризиса

Известный ученый, много лет исследующий феномен восточно-православной цивилизации, Дмитрий Евгеньевич Муза подготовил новую фундаментальную монографию, посвященную положению России в современном глобальном и нестабильном мире. Автор исследования является последователем научной школы выдающегося русского философа, политического аналитика и культуролога А.С. Панарина, который наиболее зримо и убедительно продемонстрировал эвристический и методологический потенциал цивилизационного подхода при осмыслении эволюции современной картины мира. Авторский стиль Д.Е. Музы действительно близок панаринскому стилю мышления. Эта близость характеризуется органичным сочетанием философской рефлексии, жесткой аналитики и поэтичности в процессе анализа современных геополитических и идеологических вызовов, с которыми столкнулись российское общество и государство. Раскрывая тонкие механизмы взаимодействия цивилизаций и вчитываясь в «узоры» глобальных трансформаций, он приходит к вполне обоснованному выводу о противополоственном характере доминирования одного цивилизационного направления в развитии человечества и о тупиковом характере такого безальтернативного пути, который может спровоцировать планетарную катастрофу.

Особый интерес представляет проведенный анализ феномена славянского мира как органической составной части восточно-христианской цивилизации в историческом, политическом и социокультурном контекстах. Геополитические изменения, произошедшие и протекающие ныне в Европе, прежде всего, в ареале проживания славянских народов, за последние пятнадцать лет стали, по сути, трагической прелюдией к событиям на Украине,

которые обрушили наши надежды на безопасное и устойчивое развитие этого региона. Действительно, для разрушения славянского мира изнутри в него был инкорпорирован украинский национализм в наиболее радикальной и опасной версии — неофашистской. Американские и европейские специализированные структуры предоставили для украинских неонацистов бандеровского толка не только деньги и оружие, но и всю мощь зарубежных средств массовой информации. Натравливая друг против друга два братских славянских народа — русских и украинцев, американская политика в действительности погружает всю Европу в архаику средневековой вражды и ожесточенного противостояния народов, разделенных по национальному и религиозному признаку. Смысл этой безумной стратегии заключается в том, чтобы уничтожить вековые родовые славянские культурные традиции украинского и великорусского народов на Украине, навязав им худшие образцы политизированной западной культуры, основанной на производстве и потреблении суррогатных ценностей.

В своем исследовании автор уделил особое внимание евразийской теории, а также ее отражению в современных доктринах и воплощению в новых политических реалиях на постсоветском пространстве с учетом геополитических факторов, рассматривая евразийскую тематику в контексте взаимоотношений России, Китая, Индии и исламских государств Азии. Находя исторические основания в стремлении народов Евразии к взаимовыгодному сотрудничеству, автор обращает пристальное внимание на высокую ценность многовекового опыта совместного мирного сосуществования евразийских этносов и государственных образований разного уровня. Особенно привлекает внимание тема, связанная с торговлей и культурными контактами народов на Великом шелковом пути в античный и средневековый периоды. Более четверти века назад тема Великого шелкового пути возродилась как программа Советского фонда культуры, а затем продолжилась в качестве международного культурологического проекта под эгидой ЮНЕСКО. В то время Великий шелковый путь рассматривался как исторический и культурный феномен сотрудничества между народами Евразии, который изучали на междисциплинарной основе. Позднее эта

тема, кстати, дала импульс развитию международного туристского проекта под эгидой Всемирной туристской организацией (ЮНВТО). В настоящее время, благодаря усилиям России, Казахстана и Китая, формируется масштабная международная программа по созданию транспортного сообщения в целях увеличения торгового оборота между этими странами, которая называется «Великий шелковый путь. Торговля Азия–Европа» и проходит по тем же территориям, что и в далеком прошлом. Именно в этом и заключается, как пишет Д.Е. Муза, роль России «как собирательницы народов и цивилизаций для осуществления подлинной, а не мнимой истории». В исследовании справедливо отмечено, что народы Евразии выходят из кризиса социалистического периода с «позитивной динамикой», причем не только в экономике, но и в политической, и социокультурной сфере.

Анализируя проблемы глобализма через призму отношений, складывающихся между конкретными цивилизациями, среди которых особая роль принадлежит российской цивилизации, автор вновь и вновь обращается к теоретическому наследию А.С. Панарина, доказывая актуальность его фундаментальных трудов в настоящее время. В последние годы глобализация рассматривается многими исследователями только с точки зрения «неолиберальных идеологических презумпций», хотя в нашем распоряжении были и остаются другие, несравненно более совершенные, инструменты политического анализа. Монополизация в сфере научной методологии и не критичное отношение к теориям, которые, по сути, направлены на легализацию однополярного мира, приводят, к сожалению, к политической близорукости, к опасной деформации стратегических целей, что характерно для политики ряда ведущих государств — США и их ближайших союзников. Постоянные заявления президента Б. Обамы о том, что Соединенные Штаты Америки являются самой могущественной, богатой и высокоразвитой державой в мире, об их глобальном лидерстве в мире, являются подтверждением точки зрения автора монографии. События на Балканах, Ближнем Востоке, Северной Африке и Украине подтверждают этот вывод.

«Монологизм» Запада, природу которого раскрывает автор, делает затруднительным или, к сожалению, даже невозможным межциви-

лизационный диалог. Д.Е. Муза делает однозначный вывод: назрел конфликт ценностей и долгосрочных интересов локальных цивилизаций, который требует своего разрешения в разных плоскостях. Концептуальный поиск новых идей и форм преодоления этого глобального кризиса предполагает сотрудничество цивилизаций, что и является едва ли не самой актуальной задачей человечества и его интеллектуальной элиты, хотя именно эта задача пока не имеет, на мой взгляд, рационального решения в рамках международного права. Одна из причин заключается в том, что плохо работают все юридические механизмы Организации Объединенных Наций (ООН). К сожалению, «закон джунглей», то есть право силы в международных вопросах, постепенно становится доминирующим.

Однако есть и просвет в плане политической прогностики. Ситуация в мире медленно, но неуклонно меняется: безусловное цивилизационное и политическое доминирование становится все более шатким, что, с одной стороны, открывает новые возможности для диалога, но, с другой стороны, продуцирует чрезмерные социальные и политические риски, порождая феномен, названный А.С. Панариным эпохой стратегической нестабильности. «Прогрессирующая милитаризация мира», навязанная всем странам политикой НАТО, несет угрозу постепенного сползания человечества в третью мировую войну. Безусловно, риски велики, поэтому ответственная политика российского руководства во главе с Президентом России В.В. Путиным является спасительным фактором не только для восточно-православной цивилизации, но и для всего мира.

Взвешенная позиция России, которая является предметом анализа в книге Д.Е. Музы, вызывает иногда совершенно неадекватную реакцию, новый виток ничем не прикрытой, но хорошо скоординированной информационной войны против Российской Федерации и ее союзников. Автор монографии подробно разбирает смыслы, формы и методы «информационного нашествия», организованного западными средствами массмедиа, которое по своим масштабам напоминает опыт идеологической войны с Советским Союзом. В рамках этой информационной войны начи-

нается массированное наступление на российскую историю и культуру, национальные традиции и религиозные ценности.

Д.Е. Муза обращает внимание на информационные технологии, создающие образ врага. Однако манипулировать сознанием людей после появления «всемирной паутины» становится все труднее: с одной стороны, «сетевые войны» дают максимальный эффект, но, с другой стороны, именно сетевое общение, не признающее границ, дает каждому из нас уникальную возможность сопоставлять информацию и получать ее из различных источников. По этой причине вполне можно согласиться с автором, который, к слову, хорошо известен в интернет-сообществе, в том, что информационная война российской цивилизацией не проиграна, пока в сердцах людей живет православная вера, пока сохраняется и передается из поколения в поколение историческая память.

Чрезвычайно актуальной в этом плане представляется тема, связанная с осмыслением «цивилизационной природы Украины и ее деструкции глобализацией», искусственно навязанной украинскому обществу. Выводы автора о цивилизационных рисках для народа Украины в случае продолжения движения в сторону «западной демократии» на удивление быстро находят свое подтверждение в реальной жизни. Тоталитарный режим нынешних украинских властей, опирающийся на неонацистские силы, на глазах теряет поддержку Европы, которая, наконец, рассмотрела на территории Украины до боли ей знакомые родимые пятна фашизма, от которых она открещивалась последние семьдесят лет. При этом размышления автора монографии о подготовке к реальной войне США и НАТО с Россией и ее союзниками, безусловно, имеют серьезные основания, хотя и надежда на здравомыслие заокеанских политиков пока еще сохраняется.

В заключение следует отметить общий позитивный настрой автора, который на основании проведенного анализа приходит к выводу о том, что российская политическая и экономическая элита «вовремя почувствовала необходимость введения в жизненные ткани России-цивилизации идеологической стратегии», выразителем которой стал Президент России В.В. Путин. В результате развитие российского государства получило новое качественное

измерение, Россия начала собирать вокруг себя Русский мир. Геополитические, идеологические и социокультурные последствия этого вектора в развитии российской цивилизации сказались во всех сферах государственной и общественной деятельности в России. При этом существует множество толкований и прогнозов этого развития в России и на постсоветском пространстве со стороны ученых, общественных деятелей, политиков, журналистов и деятелей культуры. Для автора монографии является важным участие в этом процессе осмысления дальнейшего развития российской цивилизации молодых государственных образований — Донецкой и Луганской народных республик. Подкупает и вызывает чувство солидарности глубокая убежденность автора в том, что разъединенный русский народ сможет в будущем вернуть свое единство.

С.Ю. ЖИТЕНЕВ

заместитель директора Российского НИИ культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва,
кандидат культурологии
Москва, октябрь 2015 г.

Введение

Эта книга сложилась не только под впечатлением трагедии войны в русском Донбассе, памятования о неисчислимости, а часто, неоправданности ее многочисленных жертв. Верится, принесенных — на алтарь борьбы за «русский мир» — не напрасно, ибо Донецк и Луганск давно и прочно сформировали свой *православно-русский и советский идентитет*. Нужно подчеркнуть, актуально явленный в ходе *Русской весны 2014 года* и закреплённый всеми последующими акциями и событиями. Но у самого Русского Пробуждения есть предыстория, тесно связанная с историей общерусской, с ее логикой, морфологией и телеологией.

Помимо этого, работу также питали сугубо академические пристрастия: намерения понять «прогрессирующие» результаты («узоры») тех глобальных трансформаций, которые были вызваны весьма сомнительным доминированием США на мировой арене после 1991 года, и на постсоветском пространстве в частности¹. С другой стороны, они нацелены на обнаружение релевантного «ответа» России на беспрецедентный исторический «вызов» Запада.

Естественно, что для всякого научного и мировоззренческого поиска необходимо достаточное основание. Для изучающих столь непростой, но значительный предмет, как русская цивилизация в ее динамике, — тем более. Оно, на мой взгляд, содержится в словах Н.А. Нарочницкой: «Конечно, *мы, русские, всегда будем спорить о своей истории*. Наверное, мы бы перестали быть русски-

¹ Здесь уместно сослаться на недавнюю аналитику и прогностику американских экспертов Дж.Ф. Даннингема и О. Бэя, которые показали, что сегодня мир представляет собой мозаику из горячих точек планеты — Юго-Восточная и Южная Азия, Средний и Ближний Восток, Африка, Европа, Южная Америка и Мексика. Нашлось в ней место и России, которая — несмотря на все свои внутренние слабости и привходящие риски (часть которых — из стран ближнего зарубежья, но большая и самая опасная часть — из дальнего), сможет восстановить свою экономическую стабильность, демократию, и при этом проведет небольшие «по размаху военные действия в ближнем зарубежье». См.: *Даннингем Дж.Ф. Самые горячие точки XXI века. Как будут развиваться события*. М.: Эксмо, 2014. С. 412.

ми, если бы не дискутировали о том, например, кем был Иоанн Грозный. *Потому что нам небезразлично нравственное содержание власти и истории*»¹ (курсив мой. — Д.М.).

В этой связи целесообразно заметить, что эти бесконечные споры проистекают из-за совершенно уникального и слабо формализуемого метафизического опыта русской истории. Здесь, во-первых, как оказывается, важна не только когнитивная стратегия его конституирования, но и перверсия русского «практического разума»: «у ней особенная статья — / в Россию можно только верить» (Ф.И. Тютчев); во-вторых, его фактура распределена в трансцендирующих актах по «сакральной вертикали» и носит подчеркнуто чудодейственный характер: «чудо русской истории» (архимандрит Константин <Зайцев>); наконец, сама направленность русской истории, ее эсхатологическая заостренность (Н.А. Бердяев), замыкают весь бытийно-познавательно-ценностный контур.

Итак, подводя читателя к теме данной работы, хочу предложить структуризацию опорного понятия — «метафизический опыт истории», который соотнесен с Россией как «самостоятельной мощной духовной субстанцией» (Ю.В. Мамлеев), так и с «российской мощью духа» (Д.С. Самойлов), т.е. становящейся субъектностью.

Между тем, эксплицитно у этого метафизического опыта есть несколько измерений: *пространственное, темпоральное, эсхатологическое* (структура, образуемая при встрече топоса и хроноса, но при заостренной на конечном / бесконечном модусах деятельности субъектов). Все они, как мы знаем, конвертированы в дисциплинарные матрицы: гео- и хронополитику, пространственное мышление и хронософию, логику и историософию последней битвы добра со злом.

Но самое, пожалуй, важное измерение, лежащее в знаменателе всех вышеуказанных — это *субъектное*, которое сопряжено с устойчивым сознанием и реализацией цивилизационной миссии России в мире². Сознания, имеющего ряд непростых системных

¹ Нарочницкая Н.А. Сосредоточение России. Битва за русский мир. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015. С. 60.

² Муза Д.Е. Интеллигенция: между цивилизационной миссией и гражданским согласием // Интеллигенция: вчера и сегодня (сравнительный анализ) / Науч. ред. проф. И.И. Кальной, проф. А.В. Горбань. Симферополь: ИТ «Ариал», 2014. С. 261–278.

модусов и таящихся в них фигур интенциональности, а значит, и сущностной определенности: «закон» и «благодать», «Москва — Третий Рим», «государство правды», «государство рабочих и крестьян», «Континент-Океан», «Остров Россия», «Цивилизация Россия», «Русский мир»...

Но как оказывается по большому историческому счету, без его *разрешимости в общую смысловую формулу* никакая системодинамика нашей цивилизации не может быть адекватно очерчена и усвоена. В этой связи в спорах иосифлян и нестяжателей, бояр и опричников, славянофилов и западников, большевиков и меньшевиков, евразийцев и атлантистов можно усмотреть тот общий пунктир, который проходит сквозь века и эпохи.

Тем не менее, сегодня все чаще о нем говорят в терминах «воли»¹, «проективности»², «элитизма» / «контр-элитизма»³, особой геоэкономической целесообразности, воплощаемой в конструкции и идеологии БРИКС (саммит в Уфе 09.07–10.07.2015).

¹ Предназначенной для преодоления весьма болезненного цивилизационного запаздывания, состоящего в несоответствии «нашей внутренней зрелости» — «нашему самосознанию». См.: *Аверьянов В.В.* Империя и воля. Догнать самих себя. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2014. С. 4.

² Следует напомнить, что А.А. Зиновьев усматривал в мировом эволюционном процессе два варианта проектирования, приведшие к соответствующим социальным переломам: коммунистический и западнический. Но если первый был естественным стремлением к социальной справедливости и стал привлекателен на многих стран и континентов, то второй разметил «искусственное русло» истории, в которое страны и народы начали загоняться если не физически, то манипулятивно. См.: *Зиновьев А.А.* Логическая социология: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 594–595.

По ходу замечу, что А.И. Фурсов в своей конспирологии показал истоки тройственного субъекта (банкиры, масонские ложи, спецслужбы), цели (британское накопление и британская гегемония) и метод (проектно-конструкторский подход) в событии Французской революции и тех кругах, которые она дала миру. См.: *Фурсов А.И.* De Conspiratione: Капитализм как заговор // De Conspiratione. О заговоре. Сборник монографий. 3-е изд. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. С. 100–109.

³ В позднем творчестве А.С. Панарина сделан один важный акцент: Россия как община, создавшая и культивировавшая социальный консенсус, а затем прошедшая через чудовищный либеральный эксперимент, намеренно метивший в первую величину и упразднивший вторую, сейчас — на витке возврата к себе — остро нуждается в элитах, способных согласовать смыслы, несомые христианским суперэтническим текстом и проектом Просвещения, в т.ч., в его советской редакции. См.: *Панарин А.С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.

Однако интрига момента как раз сосредоточена в том, что мы чувствуем, переживаем, думаем, рефлекслируем, волим, ценим, далее, во что верим как в запредельную и неисчерпаемую данность бытия: а) «цивилизацию Россия»; б) «корпорацию Россия»; в) глобальную мегакорпорацию Запада?¹ Их соотношение ныне таково, что Россия логикой своего имманентного поведения, как и поведения на международной арене, выпадает из структуры и функций мегакорпорации Запада и перестраивает свою региональную энергетическую и военную корпорацию — в полноценную цивилизационную субъектность.

В принципе у этой системной трансформации есть достаточные основания. На первый взгляд они связаны с *переходом от доктрины «европейского выбора»* (обозначенной президентом В.В. Путиным на Петербургском саммите «Россия — ЕС», май 2003 года) — к доктрине «евразийства» (2007 год — настоящее время), к ее официальному признанию и закреплению. Так конституировались Таможенный и собственно Евразийский союз, была сделана ставка на реиндустриализацию с учетом новаций 5–6-го технологических укладов. Но и этого оказалось мало: нужен рывок в сторону 7-го технологического уклада, который по своей сути будет социально-гуманитарным укладом².

При этом развертывание данной перспективы не может быть только альтерглобалистским, но в первую очередь с ее помощью мы должны решать стратегические задачи: а) воссоздания русского «всечеловека» (Ф.М. Достоевский); б) регенерации соборно-ориентированного бытия; в) пролонгирования традиционной для нашего общества культуры, имеющей сотериологическое, духовозрастающее назначение.

Собственно, поиск этих величин и составляет вектор данной работы. При этом автор отдает себе отчет в том, что разработка

¹ Как показал А.Г. Дугин, мы все соучаствуем в процессе трансформации встроеной в «Глобальную мегакорпорацию Запада» — «корпорации Россия» — в вожделенную и искомую величину под названием «Цивилизация Россия». См.: Дугин А.Г. Украина: Моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015. С. 453–459.

² См. напр. интервью профессора Лепского В.Е. об этом предмете: www.ntsr.info/science/reviews/1796.htm.

предметно и практически близкой проблематики уже имеет место. К примеру, осуществляемая в створе создания «Пятой империи»¹ или «Четвертого Рима»². Но, думается, все нынешние культурно-политические вариации, как бы они эффективно ни выглядели, упираются в *проблему цивилизационной природы России*, посильная версия которой нашла свое отражение в данном тексте.

Помимо указанных измерений метафизического опыта ныне нами востребован опыт войны, который в своей фактуре трагичен и тем нетривиален, поскольку он напрямую затронул единство судеб народов Кавказа и Закавказья, молдаван, украинцев, русских и белорусов, народов, составляющих «симфоническую личность» нашей цивилизации.

В этой связи нужно вспомнить, что Фридрих II как-то высказался в пользу того, что военный опыт должен быть изучен, обобщен и применен к актуальным задачам. А он, не нравится кому-то это в Вашингтоне или Брюсселе, выступает опытом собирания народов в тело неоимперии — «евразийской империи», и как оказывается — для реализации собственной партии на «евразийской шахматной доске» (З. Бжезинский), и шире — в мировом политическом пространстве и времени.

¹ Дефинитивно «Пятая империя» такова: «Пятая империя далека от жестокого централизма предшествующих имперских формаций. Она — многоукладна, полифонична, полицентрична. Она — «сетевая Империя»... Распространяется вширь, привнося свою сущность в каждый поселок и околоток. Но и стремится ввысь, наращивая «вертикаль власти» — не только с помощью дурного администрирования и подавления, а с помощью концептуальных представлений об управлении сверхсложными, сверххрупкими объектами, к которым принадлежит общество... Лидер Пятой Империи, ее некоронованный император — духовный вождь, моральный арбитр, просветитель и «Отец Нации». Великой интуицией, сверхслухом и сверхзрением угадывает сокровенные чаяния народа, переводит их в коллективное действие, в желанное «общее дело». См.: *Проханов А.А.* Симфония «Пятой империи». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 66–67.

² Дефинитивно «Четвертый Рим» выглядит как конструкция, в которой: «Строительство... должно начинаться с нового знания — вначале было Слово. Это знание должно опираться на наследие предков всех эпох нашей истории — и на переосмысление этого опыта, включая опричнину. Сюда входит, прежде всего, инвентаризация катастроф и поражений..., четкое определение вечных и временных врагов России и русских с пониманием, что самый опасный враг всегда внутри». См.: *Фурсов А.И.* Опричнина в русской истории — воспоминание о будущем или кто создаст IV Рим? // *Калашиников М. и др.* Новая опричнина, или Модернизация по-русски. М.: ФОЛИО, 2011. С. 134.

Подытоживая сказанное, можно говорить о том, что Россия, русская цивилизация в ее евразийском формате и прицельной прагматике, обладает поистине неисчерпаемым опытом своего противоречивого, но в целом трансцендентно-ориентированного становления, о котором Андрей Белый живописал:

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе и кольца Сатурна,
И Млечных путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!¹

Собственно, ниже и будет дан набросок этого опыта, вмещающего в себя славянофильскую и евразийскую темы, деструктивную роль Запада в нашем цивилизационном самоопределении, феномены Украины, Новороссии и Донбасса в современном кризисе, имперскую палингенессию и русское будущее.

¹ *Белый А. Родине // Белый А. Стихотворения. М.: Книга, 1988. С. 463.*

Славянофильские рефлексии

Славянский мир в XXI веке: новые вызовы и перспективы*

Заявленная тема имеет подчеркнутую значимость. Во-первых, теоретическую, поскольку идеи Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, св. Николая (Велимировича), прп. Иустина (Поповича), Е.С. Троицкого, Р. Марковича, И.А. Чароты, З. Милошевича, Ф.В. Лазарева, В. Меденицы, Д.О. Денисова и др. о мировоззренческо-ценностном единстве славян и единстве их исторической судьбы — по-прежнему актуальны и востребованы. Во-вторых, политика В.В. Путина, Б. Тадича, отчасти А.Г. Лукашенко, направленная на укрепление славянского единства в контексте развертывания динамического хаоса, идущего из-за океана через европейские центры силы.

Однако острое выносимой на обсуждение проблемы имеет вполне очевидные формат и интригу. Он, как мне кажется, задан Н.А. Нарочницкой: «О судьбе славянства и России можно рассуждать, лишь выйдя за рамки наскучивших клише о правах человека и вселенской демократии. Меньше всего демократии сегодня именно в международных отношениях. Разве под флагом прав человека и демократии не идет откровенный передел мира, разве на неудобные режимы не сыплются бомбы, разве не готовится расчленение суверенного государства в центре Европы, все еще претендующей на учительство?»¹ И хотя эти вопросы были поставлены после сокрушительного удара Запада по СФРЮ, «демократического» расчленения югославской гражданской нации, они не потеря-

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Где ти је држава Каине? Будућност словенских држав. 3 приредio Зоран Милошевић. Шабац: Центр Академске речи, 2015. С. 69–81.

¹ Нарочницкая Н.А. Славянский мир — осевое пространство Евразии // Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. С. 273.

ли своей актуальности. Прежде всего потому, что в них содержится указание на главный «вызов» современности: демонтажа прежнего миропорядка, его односторонней делегитимации и создание в Евразии зон повышенной напряженности и конфликтов. Этот «вызов» обращен и к славянам, поскольку их исторические судьбы в очередной раз поставлены в зависимость от игры на «великой шахматной доске». Причем игры, если следовать пресловутому «Публичному закону 86–90» — «Резолюции о порабощенных нациях», вполне оправданной, поскольку Америка и ее союзники обязались — во что бы это ни стало — освободить «порабощенные нации» в пространстве Евразии от диктата России. Само же «освобождение» хотя и началось при распаде СССР, его образцово-показательный сюжет был реализован на Балканах, в СФРЮ.

Но вслед за 1999 годом, о котором точно сказала поэтесса Вера Левинская:

Бомбят Белград.
И потрясенный мир
Осознает, что прозвучали залпы
Прощального салюта. Умерла
Иллюзия о мудрости Европы,
Расстрелян миф о Западе, и все
Вдруг поняли, как мы дисгармоничны
На этой нашей маленькой Земле,
Планетке, что взрастила чудо жизни,
Но не умеет сохранить его.
Различны люди расою и видом,
Обычаями, знаниями, судьбой,
Религией, достатком и мечтами —
И разница порой рождает рознь.
К несчастью, нам ошибки — не в науку.
И не умея излечить болезнь
Неравенства, мы, словно врач неумный,
Лишь отрезаем то, что заболит.
Сегодня нож — ракета, ну а завтра
К чему придем?..

Ракеты уж в пути.
Как драконы реющие,
Самолеты на бреющем —
Что такое?!
Все ближе рев!
— Ах, они же стреляют,
Мама!
Они нас догоняют?
Я боюсь!
Где мы? Куда мы?
Дай в тебя я уткнусь!..
Успокоить
Нет у матери слов¹,

наступил черед России. Точнее, ее южных земель — Украины, где в феврале 2014 года был осуществлен государственный переворот. Последний как раз и был нацелен на отрыв украинского народа от семьи славянских и народов Евразии, и искусственное его введение в ЕС. Отсюда, думается, проистекает реакция жителей Новороссии...

Такая экспозиция ведет нас к внесению концептуальной определенности в происходящие глобальные процессы. Итак, завершение «холодной войны» и *переход от биполярности — к униполярности* поставил ряд новых вопросов, среди которых главным является вопрос о новой глобальной архитектуре международных отношений, и, что естественно, ее легитимации мировым сообществом. Разумеется, задаваемых США и Западом в целом, как победителями, причем за право форматировать *мир в его западоцентрической иерархической версии*² и давать ему направление

¹ Левинская В. 1999 год. // www.slobodan.ru/board.

² В данном пункте важно мнение А.А. Зиновьева о том, что «глобальный человек» возможен «не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, т.е. отношения социального, экономического и культурного неравенства». См.: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С. 623.

Причем этот процесс определяется законом организации больших масс людей, или «объективной тенденцией к вертикальному структурированию стран и

движения. Так в оборот вошло понятие «стратегического мирового порядка», сконструированного американской реалистической политологией, во многом в противовес *Ялтинско-Потсдамскому мировому порядку* (1945).

Необходимо напомнить, что именно он породил новые территориальные границы в самой послевоенной Европе (в частности, разделившие Восточную и Западную Германии), упразднил колониальную систему, узаконил передел мира между двумя блоками — Западным во главе с США и Восточным во главе с СССР, подвиг мировое сообщество к реформированию Лиги Наций в ООН¹. Закрепление такого положения дел состоялось в Хельсинки — «Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе» (1975). В нем, между прочим, были утверждены системообразующие принципы:

- суверенного равенства;
- уважения прав, присущих суверенитету;
- неприменение силы или угрозы силой;
- нерушимость границ;
- территориальной целостности государств;
- невмешательства во внутренние дела государств мира;
- мирного урегулирования споров;
- равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой;
- сотрудничества между государствами;
- добросовестного выполнения обязательств по международному праву.

Но процесс «холодной войны» как военно-политического, экономического и культурного противостояния между блоками сошел на нет благодаря объективным тенденциям превосходства Запада и неадекватной деятельности М.С. Горбачева. Результат — это известные Мальтийские соглашения и соглашения в Рейкьявике, которые, по сути, явились первым шагом в деструкции Ялтинско-

народов». См.: *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С. 623.

¹ Был создан Совет Безопасности ООН, наделенный полномочиями решать любые проблемы, неизбежно возникающие в мировых делах. Но в 1999 году он не сумел воспрепятствовать агрессии США и НАТО в суверенную Югославию.

Потсдамского международного порядка. По мнению С.Н. Бабурина этот процесс завершился в Мадриде, на саммите НАТО в 1997 году. Среди его основных результатов значатся:

- 1) СССР перестал существовать как геополитическая реальность;
- 2) прекратила свое существование ГДР;
- 3) прекратила свое существование СФРЮ;
- 4) Афганистан, после вывода с его территории советской армии, погрузился в хаос;
- 5) после двух войн в Ираке весь регион живет в режиме гражданских (этнических и религиозных) войн;
- 6) США активно поддерживают отторжение Японией российских Курильских островов;
- 7) территория «компетенции» НАТО заметно выросла, в т. ч. за счет государств с иной традицией и культурой¹.

Следовательно, после этих «договоренностей» на высшем уровне можно говорить о новом этапе конституирования мирового порядка. Основными его чертами являются:

- безоговорочное признание США сверхдержавой, на политические, экономические и культурные каноны которых сориентированы все остальные участники процесса «окончившейся истории»;
- идея о том, что весь мир — зона стратегических интересов сверхдержавы, а значит, никакие национально-государственные границы не являются вечными, ресурсы (природные и людские) — принадлежащими только национальным государствам;
- институциональное оформление (в виде «мирового полицейского» — НАТО) идеи глобальной безопасности и осуществление реалистической установки «принуждения к миру» всех неугодных Западу.

Но этот порядок несет в себе ряд системных изъянов, прежде всего связанных с правами человека, которые так рьяно и последовательно отстаивает Запад, возглавляемый США, по всему миру. США, как известно, попирая букву и дух Устава ООН², пытаются

¹ Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2010. С. 710–711.

² В статье 1 Устава ООН «Цели и принципы» не оговорено предпочтение тем или иным религиозно-философским идеям и общественно-политическим системам, а тем

силой навязать правила внутреннего (демократического) распорядка нациям и народам, не говоря уже об их практике судить и наказывать¹. В конце концов, позиция США определяется лояльностью / нелояльностью конкретных государств к их международной политике. Но то же происходит в стране высокой демократии: под лозунгом противодействия терроризму власть США предприняла комплекс мер, направленных на ужесточение внутреннего режима².

Разумеется, все это делается вопреки аксиомам международного права. Поэтому, как верно замечает Н.А. Нарочницкая: *«важнейшей концептуальной и методологической вехой должны стать отделение подлинного демократизма в понимании прав человека от либерально-тоталитарного «ценностного нигилизма» и жесткое противодействие двойным стандартам»*³ (курсив мой. — Д.М.). Проще говоря, «новый мировой порядок» зиждется на нравственной и ценностной неопределенности, которая может сыграть злую шутку с его создателями. Но главное, с многоцветием общественных укладов и культур.

На практике же мы видим следующее. Войны, проведенные США и их союзниками по НАТО в Югославии, Афганистане и особенно, — Ираке⁴, казалось бы, должны были упрочить как сам порядок, так и главенствующее положение «одинокой сверхдержавы». Но ожидания никак не оправдались: в центре Европы под протекторатом США и НАТО создано нарко-террористическое госу-

более «демократия» не определена как универсальный идеал (!). См.: Основные факты об Организации Объединенных Наций. М.: Весь мир, 2005. С. 5–6.

¹ Вспомним американские тюрьмы «Абу-Грейб» и «Гуантанамо».

² Так, после 11 сентября 2001 года президент США Дж. Буш-младший уполномочил Агентство национальной безопасности вести электронное наблюдение за собственными гражданами. О международном расследовании деятельности администрации США в событии 11 сентября во Всемирном торговом центре и его результатах см.: *Къеза Дж. Zero*. М.: Трибуна, 2008.

³ *Нарочницкая Н.А.* Права человека и мировая политика: концепции и реальность // *Нарочницкая Н.А.* Русский мир. СПб.: Алетейя, 2007. С. 171.

⁴ По мнению словенского философа С. Жижек, ключевой фактор нападения на Ирак состоял в следующем: «использование Ирака в качестве предлога или показательного примера для установления координат «нового мирового порядка», для утверждения права Соединенных Штатов на нанесение превентивных ударов, и, тем самым, возведение их в статус единственной глобальной полицейской сверхдержавы». См.: *Жижек С.* Ирак: История про чайник. М.: Праксис, 2004. С. 15.

дарство «Республика Косово», а на Ближнем Востоке развернуло свою деятельность «Исламское государство Ирака и Леванта»...

Далее события развивались еще драматичнее, если не сказать большего. Коалиция западных держав, возглавляемая теми же США, и их ближневосточные сателлиты (Саудовская Аравия и Катар) организовали целую цепочку цветных революций — в Тунисе, Египте, Ливии. Следующий шаг — организация асимметричной войны в Сирии, которую предлагается рассматривать в качестве газово-нефтяной прелюдии к третьей мировой войне¹. Или, как минимум, энергетической блокады ряда самостоятельных акторов в сегодняшних мировых делах — России, Китая, Ирана и Германии².

Так на наших глазах реализуется концепция «управляемого хаоса»³.

Но за всем этим, тем не менее, угадывается сценарий демонтажа России, как главного протагониста в продвижении глобальных форм и стандартов жизни на постсоветском пространстве. А именно: тотального слома ее государственности и создания на ее территории структур из «стальных пещер» на фоне «серых зон». Общей же интригой для государств, сопряженных с Россией (да и с самой Россией) историческими, культурно-цивилизационными, энергетическими, экономическими и демографическими узами, являются «цветные революции». Последние артикулированы как неклассические технологии по продвижению набора ценностей либеральной демократии (свободы личности, свободы прессы, свободы политической деятельности, свободы равных выборов и т.д.) в разряженном постсоветском пространстве (отсутствие общей идеологии, национализм и регионализм)⁴.

Если взять реальную альтернативу современности — переход к многополярности⁵, то она во многом пока представляется эфемер-

¹ См.: *Эль Мюрид*. Если завтра война. «Арабская весна» и Россия. М.: Книжный мир, 2013. С. 52–58.

² *Мусин Марат, Эль Мюрид*. Сирия, Ливия. Далее Россия! Что будет завтра с нами. 2-е изд., перераб. и доп. / Пред. А.А. Проханов. М.: Книжный мир, 2014. С. 74 и сл.

³ *Дергачев В.А.* «Управляемый хаос» // dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/19/26.html (08.01.2015).

⁴ *Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб.: Алетейя, 2013. С. 9, 10.

⁵ История, как и природа в современном научном мировоззрении, все чаще и ча-

ной. Так, организация G20, т. е. создание формального дискуссионного клуба наиболее представительных государств всех континентов (=искомой мировым сообществом полицентричности), — остается подконтрольным США проектом. Об этом красноречиво говорит последний саммит двадцатки в Брисбене (Австралия), где всерьез не обсуждались вопросы международной безопасности, глобальной экологии и продовольственной проблемы, демографического перехода и образования и т. д., но зато была подвергнута обструкции Россия и ее Президент по вопросу идентичности Крыма и Востока Украины.

Естественно, — за правдивую позицию в отношении государственного переворота на Украине в феврале 2014 года, возвращения Крыма в состав Российской Федерации, проведения Украиной т. н. АТО в Донбассе и оказания последнему гуманитарной помощи Россией, сбитый украинскими вооруженными силами малазийский Боинг...

Такова фактография.

При этом ничего странного в поведении США нет, если учесть логику развала СССР и бывшего социалистического лагеря. Как точно показала в своем исследовании «Россия и последние войны XX века» К.Г. Мяло, бескровный и мирный демонтаж — это миф и не более того. Иначе говоря, в Прибалтике и в Приднестровье, в Закавказье и на Кавказе, наконец, на Балканах просматривается один и тот же сюжет, работающий на лишение России и ее исторических союзников каких-либо шансов на самобытное историческое творчество. Однако спецоперация США и их сателлитов в Югославии стала своеобразным шаблоном: «в июне 1999 года Клинтон предложил использовать балканскую «модель умиротворения» в сход-

ше трактуется через принцип разнообразия. В естествознании разнообразие рассматривается на трех уровнях организации живого: генетическое разнообразие, видовое разнообразие и экосистемное разнообразие. Применительно к истории также нужно исходить из того, что она — полиархична, полицентрична, полилинейна, разнообразна как в плане морфологии, так и телеологии. Вспомним, что уже у Н.Я. Данилевского данное положение было возведено в мировоззренческий принцип: «Прогресс... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях». См.: *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. СПб.: СПб.ГУ; Глагол, 1995. С. 92.

ных ситуациях в любой точке мира. Заявление живо комментировалось тогда в «горячих точках» на постсоветском пространстве — в Ереване и Баку, Тирасполе и Кишиневе, Сухуми и Тбилиси»¹.

Это мнение согласуется с аналитикой покойного российского политолога А.С. Панарина: «Продвижение НАТО на восток, вплоть до прямого вторжения в постсоветское пространство, — и все это после ликвидации Варшавского договора — это, разумеется, новый взлом статус-кво. Объявление Украины, Закавказья, Средней Азии зоной «американских национальных интересов» — это, несомненно, продолжение стратегического наступления после того, как холодная война окончена. Претензия на полный контроль российской внутренней политики — это установление оккупационного режима в стране, добровольно сдавшейся и могущей, следовательно, рассчитывать на лояльность победителя. После всех этих событий для меня лично не оставалось никаких сомнений в том, что новая война непременно перерастет в горячую, с использованием всех методов военного поражения. Мир слишком велик для того, чтобы управляться одной-единственной страной; кроме того, такие характеристики, как полицентризм и многообразие, являются необходимой предпосылкой выживания человечества. Тот, кто посягает на это, тем самым объявляет миру войну не на жизнь, а на смерть.

Единственное, в чем я ошибся, это сроки перерастания мировой войны, ведущейся нетрадиционными способами поражения (посредством «мягких военно-политических технологий»), в настоящую, горячую войну. Это произошло даже раньше, чем я предполагал, — в период нападения на Югославию. Тот факт, что агрессор начал не с мягкой периферии мира, где порог начала военных действий всегда оценивался как достаточно низкий, а с Балкан, с центра Европы, сразу же свидетельствовал о «серьезности» его намерений: он рискнул на шаг с необратимыми последствиями. Нападение на Югославию с принудительным привлечением европейских союзников означало, что США не потерпят никакого суже-

¹ *Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М.: Вече, 2002. С. 126.

ренитета Европы в стратегических вопросах: ее дело — беспрекословное повиновение, требуемое только в разгар войны»¹.

Но самое важное состоит в другом: в деструкции суверенных государственных образований, проводимой победителем в «холодной войне», наблюдается определенная структура: информационные флуктуации и создание нужного общественного мнения, затем разогрев этнических конфликтов, и наконец, силовая операция без мандата ООН². Только после этого в зону искусно срежиссированного конфликта допускались миротворческие силы ООН... Поэтому К.Г. Мяло утверждает: «Демонический миф о Сербии, созданный западной пропагандой, утверждает, что единственной причиной кровавого разворота событий на Балканах в последнем десятилетии XX века стало «великодержавное» ее стремление любой ценой удержать стремящиеся к сецессии части федерации. Это, в общем-то, совершенно естественное для любого государства стремление само по себе было сочтено чудовищным преступлением; однако в тень были задвинуты факты, говорящие, скорее, об обратном, — о том, за что в Югославии многие укоряли и до сих пор укоряют Милошевича, — о недостатке упорства в отстаивании целостности Югославии, что многие наблюдатели объясняют тайным стремлением лидера Сербии «скорректировать» границы рыхлой СФРЮ и сделать ее более компактно-сербской»³.

Однако сербский трагический сюжет должен быть воспринят в общей логике дестабилизации «осевого пространства Евразии», а именно — геополитической и цивилизационной связности Балкан — Приднестровья (Молдовы) — Украины — Беларуси — России — Кавказа. Напротив, перед нами стратегия по формированию «евразийской дуги (пояса) нестабильности», которая выражается в локальном и транслокальном конфигурировании политического вещества. Нисколько не отрицая глобальной и региональной рис-

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. М.: Алгоритм, 2003. С 3.

² На эту логику в свое время обратил внимание бельгийский журналист Мишель Коллон. См.: Коллон М. Нефть, PR и война. М.: Крымский мост — Д9, 2002.

³ Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М.: Вече, 2002. С. 127.

когенности других «дуг нестабильности», например, созданных США и их сателлитами в контурах исламской цивилизации (африканско-ближневосточный-азиатский пояс, имеющий и реперные точки в виде Албании и самопровозглашенной «Республики Косово»), в Японском море и Корейском полуострове, в северо-западной части Южной Америки и потенциально — в Центральной Америке, подчеркну: именно дуга, организованная на постсоветском пространстве и Балканах, образуют основную интригу современности.

В пользу этого тезиса говорит взвинченная индуцируемость конфликта, в который прямо втянуты США (после признания Б. Обамы факта поддержки второго майдана в Киеве, плюс поставки ему летального оружия), ЕС (после всех «миротворческих форматов» по проблеме Донбасса), иные государства (с США и ЕС, поддержавшие санкции против России), Россия (не оставившая русский Донбасс наедине с киевской хунтой, устроившей т. н. АТО, а по сути — геноцид оппозиционного населения Востока Украины), а непрямо — многие акторы международных отношений, включая ООН, НАТО, ОБСЕ и т. д. На повестке дня — новое районирование Евразии, но по лекалам Вашингтона. Последнее означает военное, политические, экономическое и культурно-информационное присутствие Запада в не-западном цивилизационном пространстве.

Естественно, что ни Россия, ни другие постсоветские республики, далее, Турция, Иран, Китай не согласятся с идеей их геополитического ослабления в обмен на лживые посулы о правах (индивидов и наций), демократии, рынке без границ, пост-христианских ценностях... Красноречив тут пример Грузии эпохи Саакашвили. А на деле — с новыми «цветными революциями», госпереворотами, развязыванием гражданских конфликтов и т. п.

Представляется, что решение проблемы консолидации славян¹ перед обозначенным «вызовом» лежит не в гуманистической², а в пневматологической плоскости. Остановлюсь на этом подробнее. В свое время святитель Николай Велимирович указал на причины

¹ Потенциально — Греции, в силу победы на парламентских выборах антиевропейской, идеологически автохтонной партии «Сириза».

² *Гламочанин* *Ј.* Срби ствараоци најчоловечијег друштва. Београд: Ј. Гламочанин (Dis public), 2010.

распада сербского народа. Во-первых, это пренебрежение *феоудулией*, т. е. служения сербов Богу во имя небесной Сербии, являющееся высшим смыслом и оправданием их исторического бытия. Во-вторых, проявлением *четырёх версий «партизанства»* — интеллектуального, морального, политического и экономического¹. Собственно, отступление от своего и культивирование чужого стало главными причинами исторических трагедий славян.

Напротив, апеллируя к наследию Карагеоргия, владыка акцентировал внимание на *этерии* (содружестве, союзе) балканских народов. Потенциально — «византийском содружестве наций» (Д. Оболенский), по своему формату и содержанию представлявшем евразийскую цивилизационную общность с ее показателями социокультурного универсализма.

Но самое удивительное состоит в том, что правота этого взгляда (о православном фундаменте социальных связей между славянами, без которого нельзя продлить бытие восточнохристианской цивилизации) подтверждается на наших глазах. В частности, обращением к народу Новороссии, ведущего освободительную войну против украинских фашистов. Приведу «Письмо народу Новороссии» полностью:

«Мы едины, братья мои и друзья мои. Я ваш и вы — мои. И у всех у нас есть один источник, одно начало — единый Отец. Все светлое, прекрасное и честное, что есть в нашей жизни, происходит от Него и в Нем укореняется».

Дорогие братья! Над Нишем, сербской столицей времен Первой мировой войны, возвышается холм Чегар. Его история — это история сердца, которое бьется только ради одной вещи — свободы Отчизны. На нем в 1809 году сербы защищали свою веру и свободу от турок, заплатив за это наивысшую цену — положили свои головы, зная, что этим строят фундамент для сво-

¹ *Святой Николай Сербский*. Сербский народ как раб Божий. М.: Паломник, 2010. С. 119–121.

боды своего народа и своей Родины. И их головы были буквально использованы для строительства. Турки вмуровали головы вместо кирпича в уникальный памятник — Башню из черепов, которая до сих пор свидетельствует об их вере, мужестве и решимости.

Глядя на фотографии с вашей родины, фотографии вашей борьбы, страданий и жертвы ради Честного Креста, который вы поместили между собой и неприятелем, мы не можем не сравнить вас с нашими героями с Чега-ра. Так же, как когда-то они, вы сегодня вписываетесь в книгу вечности, в книгу жизни. Ваша борьба такая же, как и их, ваше сердце так же, как и их, бьется ради свободы. И точно так же, как они когда-то обороняли свои пределы, семьи и все Православие, так обороняете и вы сейчас: ваша борьба является нашей борьбой.

Жизнь под оккупацией тех, кто хочет изменить сознание народа, вещь гораздо более разрушительная, чем война. Вы остались верны идеалам своих предков в то время, когда многие изменили этим идеалам. Сегодня во многих странах гораздо легче изменить, чем остаться преданным. Изменяют сегодня и главы государств, и патриархи, и митрополиты. И вот сейчас Православию опять изменили руководители в Киеве, и вы правильно решили не покоряться изменникам. Так же и Исидор, митрополит Киевский и Всея Руси в 1439 году предал Православие, подписав Унию с Папой, но русский народ с этим никогда не согласился. Так же и мы не соглашаемся в Сербии на унию с Ватиканом, к которой нас подвигают такие церковные владыки, как Исидор, мы не соглашаемся с тем, что Косово и Метохия — это другое государство, страна с исламскими и натовскими стандартами жизни, хотя это и подписали представители белградской власти в Брюсселе. Нам предстоит долгая борьба, и вы ее начали.

Сегодняшние идеологические враги желают опочить все самое ценное и самое нравственное в на-

роде, захватить природные ресурсы, чтобы свободные люди стали рабами. Для этого мировые промоутеры гей-парада напали на Киев и Косово. И хотя эти две области временно оккупированы, свободные люди Донбасса омрачили злорадство оккупантов своей любовью к правде и истине. Нам, любящим русский православный народ в том числе и за Киев, где покровитель нашего братства святой Досифей Нишский изучал богословие, особенно тяжело сознавать, что этот город сейчас находится под управлением нехристиан. Но вы сегодня — надежда и подтверждение того, что противостояние злу возможно.

Дорогие братья! Каждый день мы с вами мысленно и в наших молитвах. До нас доходят страшные картины, но ваша решимость сильнее всего. Ваша победа будет и нашей победой. Ваш героизм придает нам силы и уверенности, что и мы выдержим, потому что и Сербия сейчас под оккупацией и нашествием врагов. Наши братья в Косове и Метохии испытывают то, что было предназначено вам, и поэтому больше всего мы хотим, чтобы вы выдержали и победили. Флаг свободы из Новороссии будет развеваться и над Сербией. Поэтому помяните нас в своих молитвах. Вознесенные из окопов и рвов, руин и сожженных домов, ваши молитвы сейчас ближе к Господу. Пусть Господь воскресший, молитвами всех святых русских и сербских даст вам силу выдержать, победить и достичь Царствия Небесного!¹.

Св. Священноисповедник Досифей Нишский и Загребский.

Как видим, в этих словах выражена вполне определенная позиция, проливающая свет на перспективы славянства: несмотря на возрастающую агрессивность Запада, ведомого США, нелегитимное (монологическое) установление PAX AMERICANA, в т. ч. за счет предательства некоторыми элитами и частью народа ценно-

¹ Цит. по: www.srpska.ru/article.php?nid=24423 (01.02.2015).

стей славянства, сами славянские народы еще сохранили духовно-сущностное понимание причин и характера собственных поражений. Но главное, — они понимают и готовы реализовывать условия, форму и цель побед. Это Вера, Правда, Служение. Еще проще — *верность бессмертию*.

Феномен славянства в системе координат христианского суперэтнического текста и универсалий Просвещения (перечитывая А.С. Панарина)*

Обширное наследие профессора А.С. Панарина содержит целый ряд тематических блоков (политическая культура и политическая антропология; Евразия как культурно-исторический феномен; общая драматургия Истории, ее мегациклизм; архитектоника и структуродинамика глобального мира, а также нацеленная на них прогностическая оптика; специфика и исторический маршрут православной цивилизации; архетипизм и судьба русской культуры), среди которых феномену славянства повезло значительно меньше. Означает ли это, что, будучи по своим мировоззренческим и ценностным приоритетам, с одной стороны, сторонником евразийства, а с другой, — цивилизационщиком, ищущим новые универсальные формулы развития человечества после явного поражения проекта модерна¹, он исключил из поля зрения славянскую тематику?

Отвечая на этот вопрос, нужно заметить: ничуть. Напротив, метаисторические построения А.С. Панарина не просто подразумева-

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения: Сборник статей / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 115–127.

¹ Выразившегося не только в наступлении эпохи контрмодерна, т.е. демонстрации социокультурных завоеваний модерна, но и явной архаизации международных отношений, что, согласно А.С. Панарину, закреплено в хантингтоновской формуле «столкновения цивилизаций».

ли акт обращения к наследию славянофилов (впервые не только заговоривших на славянскую тему, но и предпринявших некоторые практические шаги по объединению славян), а значит — и к теме славянства, но предполагает ее уточнение и дальнейшее развитие в контексте понимания общеисторической роли России и славянства.

Об этом свидетельствует та методологическая презумпция, которую ученый почерпнул у панслависта Н.Я. Данилевского и «разочарованного славянофила» К.Н. Леонтьева, сделав ее опорой своего исторического мышления. А именно: «Великие русские консерваторы-антизападники Н. Данилевский и К. Леонтьев постоянно предупреждали против вестернизации — культурного выравнивания человечества по единому шаблону»¹. Напротив, «цветущая сложность» в развитии ансамбля мировых цивилизаций, предполагающая полиархичность, полилинейность и культурную самобытность цивилизаций — вот тот мировоззренческий кластер, с которым работает А.С. Панарин. Подчеркну, концептуально переосмысливая и дополняя его, российский ученый следует в русле отечественной цивилизационной теории и тех задач, которые она ставила и решала.

Тем не менее, общая схематика Истории, ее имманентные интриги, хотя и не всегда явно, предполагали дескрипцию феномена славянства, обнаружение и фиксацию тех или иных, — с привязкой к динамике исторического процесса, — ценностно-мотивационных оснований бытийной конструкции славянских народов, а следовательно, подразумевали такие исторические величины, как «Россия», «Евразия», «византийское наследие», «славянско-тюркский цивилизационный синтез» и т.д.

Тем не менее, это положение нуждается в пояснении. В философско-исторической концепции Панарина речь идет о христианстве и Просвещении как двух фундаментальных (не только по отношению к материи, но и к самому духу Истории) идейно-мировоззренческих комплексах, задавших формат, логику и векторность развития большей части человечества. Но в отличие от таких теоретиков исторического процесса, как К.М. Кантор или

¹ Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. С. 51.

А.А. Зиновьев, позиция А.С. Панарина заявлена и реализована в иной аксиоматике и дискурсивности.

Для того чтобы понять это, нужно обратиться к идеям названных авторов. Так, в своей статье 1990 года К.М. Кантор высказал предположение о наличии в мировой истории двух «парадигмальных проектов» — христианского и марксистского¹. Последующая их экспликация дала достаточно неожиданные по своей двусмысленности результаты. Любопытно, что несколько ранее, в 1980 году, к подобной точке зрения пришел А.А. Зиновьев: «марксистский социальный проект нового общества есть явление грандиозное, сопоставимое с социальным успехом христианства»². Правда, у Зиновьева марксистский социальный проект объявлен в принципе идеологическим, а не научным, следовательно, от него нельзя было ожидать разительных социальных успехов. Его функция вообще символическая: он призван не строить новое общество, но освящать саму деятельность по строительству. Кроме того, коммунистический проект имеет своего протагониста — западнизм, т.е. проект альтернативной социальной эволюции человечества, с его особой глобализационной логикой и форматом «сверхобщества». Последнее заинтересовано в упразднении социально-главных эволюционных альтернатив — советской (русской), исламской и китайской, в т. ч. за счет начатого 11 сентября 2001 года активного фазиса «горячей» войны...

У Кантора же каждый из двух проектов имел идеологическую основу, — античный гуманизм — в первом случае, и возрожденческий гуманизм — во втором, но и разные инструментальные программы. Нашупав их единый сущностный признак³, Кантор, нужно отдать ему должное, не остановился в исследовании парадигматики истории. В его следующей работе⁴ были сформулированы важные

¹ Кантор К.М. Два проекта всемирной истории // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 76–86.

² Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность // Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. С. 18.

³ Причем, оба проекта, согласно К.М. Кантору совпадают в телеологии: «Марксизм, как и христианство, является идеологией освобождения человеческой личности». См.: Кантор К.М. Два проекта всемирной истории // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 84.

⁴ Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историсофия проектизма. М.:

для понимания онто-структуры истории соображения. Во-первых, К.М. Кантор предлагает различать социокультурную эволюцию человечества как процесса спонтанного, ибо за ее «структуру», ход и направленность ответственно сознание, и собственно историю, как формируемую и направляемую самосознанием интригу человеческого существования по нравственным азимутам. Во-вторых, что принципиально важно для нашей темы, духовное самопроектирование и самосовершенствование в истории — вещь достаточно важная, и история определяется именно тем, насколько наполнены / истощены духовные ресурсы человечества на конкретных исторических этапах и конкретных регионах.

Таким образом, трансисторическая логика такова, что духовные притязания выводят человечество — к самообнаружению — не так часто. Таковых, согласно Кантору, по-настоящему структурирующих, нормативизирующих и определяющих русло истории, три: 1) религиозный парадигмальный проект — учение Христа; 2) эстетический парадигмальный проект — раблезианство; и 3) научный парадигмальный проект — учение К. Маркса. Причем каждый из них изменяет ход социокультурной эволюции, задавая новое качество социальным отношениям, фактуре человеческой деятельности и общению, в перспективе — надчеловеческой¹.

На этом фоне следует еще раз подчеркнуть, что усилия А.С. Панарина были сосредоточены на разработке им собственной карти-

Языки славянской культуры, 2002. Т. 1: Общие проблемы.

¹ Любопытно, что в дальнейшем К.М. Кантор несколько скорректировал свою позицию в направлении признания иных вариантов проективности, в том числе, — глобальной. В частности, речь идет о: 1) «гитлеровском замысле глобализации»; 2) «глобализации по рецептам неоллиберальной политики США»; 3) «сталинском» варианте глобализации; 4) варианте «глобализации образа жизни США»; 5) идеи глобализации А. Эйнштейна. При этом К.М. Кантор сохраняет пальму первенства за Марксовым — научным проектом объединения человечества на основе изживания «родимых пятен капитализма» и развитии «черт коммунизма». Поэтому он настаивает на первенстве России в построении первого варианта глобализации (=прорыв к социализму), а значит и ей, с учетом опыта диалектики «капитализма» и «социализма» США, опять придется выводить человечество на столбовую дорогу истории. См.: *Кантор К.М.* Глобализация? — Да! Но какая? // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 25–37.

ны мира, формат которой — Большая история, имеющая биполушарную (Восток — Запад) структуру, мегациклическую (инновационно-космически-и-антропологически сообразную) логику, и в идеале предполагающую нелинейную траекторию исторического процесса за счет равноправного (диалогового) конкурса мироустроительных проектов, идущих от живого творчества цивилизаций. Иначе говоря, общая драматургия Истории включает в себя славянскую тему (с включенными в нее этничностью, конфессиональной картой, мифом и логосом, голосом и чувством, но главное, энергетикой, образуемой мотивационными и ценностными предпочтениями и объективациями).

Применительно к феномену славянства, его представленности в панаринской картине мира исторического, целесообразно говорить о его становлении в рамках восточного (476–1492) и западного (1492–1999) мегациклов. Но что, спрашивается, служит достаточным основанием для дескрипции данного феномена, объясняющего его дифференцированную (восточно-западную) этническую, культурную и политическую развертку, равно как и антропологические сюжеты?

Подсказкой тут служит перекрестное обращение мыслителя к христианскому суперэтническому тексту и прописям проекта модерна, а затем и выработке их соответствующих транскрипций, разбросанных в нескольких его работах — «Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)» (1994), «Реванш истории» (1998), «Россия в циклах мировой истории» (1999), «Искушение глобализмом» (2000), «Глобальное политическое прогнозирование» (2000), «Православная цивилизация в глобальном мире» (2002), «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (2003), и изданными посмертно «Русская культура перед вызовом постмодернизма» (2005), «Народ без элиты» (2006), «Правда железного занавеса» (2007).

Собственно, прочтение этих текстов выявляет момент позиционирования феномена славянства в дуальной системе смысловых координат — христианство / модерн, а затем социокультурных завоеваний, порожденных в ходе объективации их мировоззренческих принципов и идеалов. Хронологически эта

постановка проблемы относится к середине 1990-х, к яркому проявлению «американской доминанты» в мировых делах.

Однако, для того чтобы уловить ход панаринской мысли в отношении славянства, вовлеченного в ритмы распада соцлагеря и образования новых геоисторических конфигураций, вначале нужно обратить внимание на антитезу «атлантизм» — «евразийство», которую политически и цивилизационно придется разрешать России и другим славянам. Атлантизм — модель, завершающая проект модерна в его парадоксальной редакции: оно снабжено эликсиром здравого смысла, апелляцией к эмпирической стихии, т.е. демократизмом, а также спецификой «великого учения» с его миро-выпрямляющей (миро-потрясающей) задачей. Последнее, т.е. западничество, означает присутствие в данной модели, как впрочем, и в модерновом проекте как таковом, искусственной иерархичности («современные» и «несовременные» общества, впрочем, имеющей корни в более ранней дихотомии «цивилизация» — «варварство»¹). Отсюда — практика насильственного осчастливливания сверху как собственного гражданского общества, так и тех обществ, что были избалованы в качестве традиционных. К сожалению, именно западничество правило бал в России в начале 1990-х, реализуя свои духовно-политические установки. И это обстоятельство не могло не волновать ученого.

Своеобразными альтернативами идущим с Запада и изнутри России западническим «модернизационным» импульсам могут быть, полагал ученый, евразийский и Третье-Римский проекты. Разумеется, они рассматриваются на фоне обрушения большого исторического пространства, которое было собрано и отформатировано благодаря большим идеям и в котором происходило становление целостностей цивилизационного порядка.

Собственно, «Евразийский проект, согласно Панарину — это постмодернистский проект, ратующий за «реванш провинции»,

¹ На полях замечу, что дихотомия «цивилизация» — «варварство» имеет цивилизационный смысл, поскольку включена в культурный код Запада и реплицируется в проекте модерна в новых формах. В частности, в форме «демократического» расизма, который основывается на убеждении что «демократия имеет свой цвет кожи и свой тип ментальности», свойственный «белому человеку».

реабилитацию ценностей укоренения. В его смысловой структуре просматривается позиция непреходящего и самоценного многообразия. При этом евразийская тема, как тема подчеркнута интегративного порядка, обрисована достаточно отчетливо: «Основой духовной интеграции народа Евразии должна быть не идеология, а особый цивилизационный «текст», в котором евразийская общность выступает как «общность судьбы, подтвержденная историей и географией нашего континента»¹.

Поэтому естественно, что А.С. Панарин мучительно ищет ответ о генезисе, фактуре и интенционалах русского цивилизационного текста, к которому судьбически-структурно причастны славяне. Отсюда проистекает апелляция к идее Третьего Рима, наследие которого не освоено² и требует своего переоткрытия для продолжения самобытного историотворчества.

Но нужно заметить, здесь Россия представляет собой как с точки зрения оснований (гетерогенный западно-восточный узор), так и с точки зрения цивилизационного творчества (циклическая неустойчивость ее исторической поступи, инверсионные повороты то к Востоку, то к Западу) антиномическую величину. Иначе говоря, русская, а вслед за ней и славянская экзистенция может быть осмыслена как напряженная межцивилизационная и межкультурная динамика, пре-

¹ *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1994. С. 253.

² Любопытно, но А.Дж. Тойнби как «внешний наблюдатель» исторической динамики России нашел, что именно византийский духовный импульс, глубоко проникший в цивилизационное сознание и трансэпохально определивший ее изменчивый социокультурный строй. «Полагая, что их (представителей русской цивилизации. — *Д.М.*) единственный шанс на выживание лежит в жесткой концентрации политической власти, они (представители «творческого меньшинства» цивилизации. — *Д.М.*) разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собранных в единую сильную державу». Важно и другое: «Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновлял фасад — сначала Петр Великий, затем Ленин, — но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня (работа А.Дж. Тойнби издана в 1948 году. — *Д.М.*), как и Великое княжество Московское в XIV веке, воспроизводит характерные черты средневековой Восточной Римской империи». См.: *Тойнби А.Дж.* Цивилизации перед судом истории // *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. Сборник. М.: Прогресс; Культура; СПб.: Ювента, 1995. С. 113–114.

образованная во внутренний код культуры и, следовательно, воспроизводящая полярные идентичности. В дополнение к этому Панарин закладывает в свою конструкцию представление о внутреннем западничестве и восточничестве (и их носителях), которые по-разному реагируют на внешние и внутренние «вызовы» Истории.

Однако его собственный посыл, более четко отредактированный в более поздних работах, и прежде всего в «Православной цивилизации», связан с поиском формулы «Русской идеи в Евразии», которая бы синтезировала национальные и регионально-цивилизационные ценности и общецивилизационные критерии эффективности — социально-экономической, научно-технической, политической жизни¹. А синтез таковых, как и переоткрытие перспектив Истории, возможен при реабилитации христианства и Просвещения, их парадигмального сочленения. Собственно, этому предмету посвящена разрабатываемая позже метапарадигма — «Пушкинская парадигма» в русской истории и культуре, о которой речь позже.

Сейчас же нужно обратить внимание на эскиз Евразии, набросанный с учетом двух искушений — «искушения этноцентризма» и «искушения хроноцентризма». Естественно, что парад суверенитетов (центробежные тенденции), а на деле обернувшийся поиском новых цивилизационных ниш, коснулся и славян. В первую очередь — Украины, элиты которой перестали устраивать старые имперский и советский цивилизационные синтезы. Но критерии, по которым осуществлялся отказ от общего исторического пути, — западнические (технологические, экономические и социальные). Поэтому понятен пафос, с которым мыслитель ратует за восстановление консенсуса между нациями и народностями, социальными слоями и группами, интеллигенцией и народом, которые на основе общего христианского и просвещенческого наследия породили пространство и время больших смыслов. Но самое, пожалуй, важное заключается в том, что отношения с Украиной, как и с «внутренним Востоком», не могут быть нейтральными: «Это будут отношения непримиримой вражды, либо неразлучного союза, дружбы»² (!).

¹ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1994. С. 166–167.

² Панарин А.С. Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в

Наряду с восточным, в судьбах западного и южного славянства также наметились изменения. На повестке дня в 1990-е — смена исторического маршрута за счет размежевания с прежними ценностно-мотивационными основами цивилизационного строительства и его результатами. Так, они рассчитывали на центральноевропейскую перспективу, заданную фактором объединения Германии и конституированием ЕС. Без сомнения, «трезвый» расчет недавних участников социалистического лагеря строился на идее восхождения к «западному Абсолюту», к его социальным достижениям, среди которых — экономическая целесообразность, правовое огораживание индивидуума, «демократия свободы», техноуниформизм. При этом вопрос о том, являются ли эти достижения индикаторами повышающей или понижающей фазы мегацикла, ими даже не ставился. Напротив, объявлено, что «установлен баланс между ценностями и необходимостью»¹. Более того, после фукуямовской версии финализма истории все то, что не связано с аксиосферой и телеологией, западной либеральной цивилизацией объявляется неконкурентным.

Опасения, продиктованные сужением поля исторических перспектив, еще и еще раз заставляют задумываться о генезисе и формах цивилизационной альтернативистики. В «Реванше истории», «Глобальном политическом прогнозировании», а также в учебнике по «Философии истории» альтернативистика представлена в систематическом виде с явной акцентуацией на мировоззренческих и духовных аспектах. Данный пункт логичен, поскольку имплицитно ищет новые формационные идеи.

Для южного и западного славянства, ринувшегося в ЕС после травмы опыта тоталитаризма², складывается предельно парадок-

Евразии // *Панарин А.С.* «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФ РАН, 1996. С. 112.

Насколько прав оказался Панарин, мы смогли убедиться в этом году, после второго майдана, государственного переворота и начала войны с Донбассом. Потенциально — с Россией, но при прямой идейной, военной и финансовой поддержке США и ЕС.

¹ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. С. 740.

² Тем не менее, советский проект оценивается мыслителем в амбивалентных ракурсах. С одной стороны, в нем реализована Прометеева гордыня (технический логос), воплощенный в ГУЛАГе; с другой стороны, просвещенческие нор-

сальная ситуация. Европа, пригласив их в свой «европейский дом», но пройдя несколько волн американизации, не может предложить славянам ничего, кроме «условий, продиктованных МВФ, и идеологии либерализма»¹. Другое дело, если славяне с их «постиндустриальным потенциалом» могут быть задействованы в работе по цивилизационной дивергенции с Америкой, а также в деле выстраивания новой, более самодостаточной формации Европы.

В связи же с поиском и реализацией общеисторических альтернатив А.С. Панарин вполне обоснованно заявляет о различии двух типов сознания: геополитического (часто питающегося надуманными конструкциями, укорененными в дохристианских и допросвещенческих) и цивилизационного (представляющего собой квинтэссенцию универсалистских ожиданий человечества, заданных христианским обетованием и просвещенческими идеалами). Собственно на цивилизационное сознание, одновременно восприимчивое к логике универсальной Истории, к искомому единству человечества и творческисозидающее собственно цивилизационные синтезы, надцивилизационные институты и нормы, мыслитель и возлагал свои главные надежды. Так и только так преодолевается «искушение хроноцентризмом» и открывается творческое будущее.

Но их осмысление и презентация велись мыслителем на фоне завершающегося западного (модерного) цикла истории, который своими вполне очевидными итогами имел технократический волюнтаризм, культурный редукционизм, гуманитарный нигилизм. Причем этот финализм модерна и его фигуры² осмысливались в очень откровенных терминах. А иначе быть не могло, ведь финансовый кризис 1998 года и агрессия против суверенной Югославии в 1999 году обнажили суть притязаний западной цивилизации на

мы равенства и справедливости, реализованные в практике строительства социального государства.

¹ *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. С. 374.

² Фигура превосходства Запада отрицает саму парадигматику Просвещения, что выражено в концепции «догоняющего развития». Последняя, при ее реализации не западными народами, а также славянами, сформировала комплекс неполноценности и вины.

продолжение роли пионера Истории при полном исчезновении исходного формационного импульса. Роли безответственной и антигуманной. Между тем, она проявляет себя в капсулировании настоящего, в создании «самодовольной современности».

Подвергая ревизии «отвращение к будущему», столь характерное для западной цивилизации, А.С. Панарин находит три основных мотива, питающих таковое. Во-первых, это победа Запада в «холодной» войне. Во-вторых, пространственно-временная дилемма, суть которой состоит в отказе от «внутренней цивилизационной перестройки» после «нежданных геополитических приобретений», в т. ч. на постсоветском пространстве и Балканах. В-третьих, столкновение трех великих архетипов западной культуры — античного (языческого), иудейского (ветхозаветного) и христианского, обернувшееся элиминацией христианства¹ и реанимацией потребительско-гедонистического принципа². Собственно, этими интригами предопределен вариант нового рая на Земле, культивируемого Западом в виде «экономикоцентрического монизма»³.

Думается, что особый интерес А.С. Панарина к нигитологической специфике общества потребления как раз и вызван намерением показать тупиковость этой формации и на ее фоне найти те большие идеи, которые могли бы обеспечить столь необходимый сейчас формационный сдвиг.

Собственно, здесь и в ряде других работ мы находим панаринскую редакцию проблематики общества потребления, которая опирается как на выводы французских социальных мыслителей Ж. Фурастье, Ж. Дюмазедье, Ж. Эллюля и А. Турена, так и на собственную аргументацию. Она связана с теми сюрпризами, которые таит в себе феномен глобализма. Его методологическая расчлененность на макро-, мезо- и микроуровневые структуры, с обязательной последующей «сборкой» в общеисторическую картину, дает шанс не упустить самого главного.

¹ Вычеркнутого из идеологического блока Конституции ЕС (!).

² Заложеного в диаспорной жизни иудеев в виде приспособительско-адаптационных стратегий и в некотором отношении в гедонизме эллинов.

³ *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М.: Издательство МГУ, 1999. С. 170–174.

Для нашей темы здесь важны антропологический и социальный аспекты, без всякого сомнения увязываемые с формулировкой и реализацией исторических проектов. При реконструкции панаринского наследия очевидна контрверза между идеологически организованными тотальными структурами и ценностно организованным жизненным миром. В т. ч. обслуживанием цивилизационными институтами — наукой, технологией, экономической системой (рынком), школой и культурными индустриями — размножающегося на Западе и за его пределами вида *homo consuming*.

Думается, что такая редакция проблемы «система — жизненный мир», заявленной еще Э. Гуссерлем, подхваченной феноменологической социологией и коммуникативной теорией, не случайна. Понижающий тип знания (который сродни веберовской модели ценностной рациональности) как раз и позволяет усмотреть несоответствие между образующими идентичность ценностными вершинами человеческого (в пределе — космического) духа и функционально-предметным, формализованным, ценностно-нейтральным социальным тоталитаризмом и манифестирующей его культурой.

В этой связи процитирую А.С. Панарина: «Парадокс позднего модерна (или постмодерна) состоит в том, что в нем реабилитация человеческого тела произошла вопреки христианскому канону. Телесность и чувственность реабилитированы и эмансипированы не потому, что признаны носителями более высоких начал, а, напротив, вопреки и в противовес этому. Это все равно как если бы реабилитация преступника совершилась не потому, что он раскаялся, а, напротив, именно потому, что зарекомендовал себя преступником по призванию. В практике постмодерна не личность выступает интерпретатором собственного тела, формируя его по духовному и социальному заданию, а, напротив, тело выступает интерпретатором личности, раскрывая ее асоциальные «тайны». Но важно и другое: «Именно за эти тайны постмодернисты, вслед за неофрейдистами, и возлюбили телесность и чувственность. В какой-то степени это означает возврат к языческим установкам Ренессанса. Ренессанс раскрыл буржуазность как *чувственность* и заложил программу раскрепощения чувственности. Реформация взялась эту чувственность обуздать. В результате в западную культуру была заложена антиномия: изна-

чально социальную чувственность надо было подчинить моральному долгу, по природе ей чуждому» (курсив. — *А.П.*)¹.

Похоже, что с этой антиномией западная цивилизация не справилась, при этом тиражируя данную модель в глобальном контексте. Нужно отметить, что этот важный посыл А.С. Панарина вполне подтверждается положениями современной цивилизационной теории. Так, в любопытной работе британского исследователя Н. Фергюсона сформулирован тезис о решающей роли потребительской ориентации в конституировании как облика самого Запада, так и незападных цивилизаций. Здесь находим: «...все достижения западной цивилизации — капитализм, наука, верховенство права и демократия — сводятся к шопингу»². Не случаен и тот лозунг «Пролетарии всех стран, одевайтесь!», который выражает глобальную социальную тенденцию, — тенденцию «потребительской терапии».

Но в связи с этим, еще и еще раз возникает вопрос об ответе России и славян на данный «вызов», подменивший гражданские свободы — свободной чувственностью. Философ полагает: «Русская культура, опирающаяся на православную традицию, задала совсем иную программу социализации чувственности. Во-первых, человеческая чувственность понимается как находящаяся по эту, а не по ту сторону культуры и нравственности. Следовательно, требуется, выражаясь словами Фрейда, не реактивное подавление чувственности, в духе кантианской этики долга, а ее сублимация — подключение ее энергетики к нашей нравственной воле. Во-вторых, сама эта сублимация — дело не одной только религиозной морали и аскетики, но всей культуры в целом. Культура должна быть изнутри, без цензурного принуждения пронизана нравственностью, подобно тому, как сама наша чувственность не безблагодатна, пронизана духовными энергиями и подвластна им. Поэтому в русской культуре не могла зародиться радикальная программа высвобождения репрессированной чувственности, которая родилась на протестантском Западе. У нас чувственность изначально никто не закабалял: наша чувственность скорее «сентименталь-

¹ *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 314–315.

² *Фергюсон Н.* Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 340.

на», чем брутальна и асоциальна, и в этом смысле всегда выступала союзницей нравственности. Программа освобождения репрессированной чувственности пришла в Россию с Запада...»¹.

Тем самым перед нами — явная попытка возвращения к метарассказу, заявка на преодоление кризиса духовной власти и выход к перепрочтению и реинтерпретации восточнохристианского суперэтнического текста. Разумеется, с целью соблюдения критериев «строгости священства и вдохновительного пророчества».

В этой связи вспомним о примечательном вопросе, который волновал мыслителя: «Способна ли построить царство христианская душа?» и соответствующем развернутом ответе (в журнальном варианте этот материал был назван характерно: «Когда время славянофильствует»²).

Ответ на этот вопрос вполне корректен: «Славянофильство рассматривает Россию как воплощение определенного типа мировой идеи — православия, а эмпирические судьбы страны — в соотнесенности с судьбами этой идеи. Не у всех представителей славянофильского течения эта линия выдерживается достаточно четко и последовательно; многим случалось сбиваться на почвенническое самобытничество и апологетику национального опыта. Но эти уклоны и болезни славянофильство успешно преодолевало, готовя нашей культуре настоящее задание: выработать, на основе творческого цивилизационного анамнезиса — «припоминания» опыта материнской цивилизации, — свой стиль жизни, свой тип праксиса, свои варианты ответа на общие для всего человечества вызовы истории»³.

Но главный «вызов» здесь (помимо груза глобальных проблем) все же состоит в наступлении контр-модерна, т.е. последовательном сворачивании и удалении смыслогенерирующих аспектов Просвещения, а также стоящего у его истоков христианства. По большому счету на этой основе выстраивается

¹ Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 315–316.

² Панарин А.С. Когда время славянофильствует // Москва. 2001. № 11. С. 146–151.

³ Панарин А.С. Способна ли построить царство христианская душа? // Славянофильство: pro et contra. 2-е изд. СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. С. 919.

контр-стратегия гуманитарного идеализма, нацеленная на избличение провозглашенного и культивируемого по всему миру «социал-дарвинистского реализма»¹.

Представляется, что она реализована в двух работах — «Православная цивилизация в глобальном мире» и «Русская культура перед вызовом постмодернизма». Начнем со второй работы.

В ней содержатся важные терминологические и концептуальные уточнения, по-новому проливающие свет на «модерн», «Просвещение», «русское Просвещение» и т.д. Помимо того, именно здесь более четко даны дескриптивная и нормативная части восточнохристианского текста, эксплицированы его исторические притязания. Наконец, и это важнейшая заслуга мыслителя, предложена «пушкинская парадигма» русской культуры².

Для понимания тезиса А.С. Панарина процитируем работу: «Наш классик — создатель современного русского языка и культуры — был представителем подлинного Просвещения и учил мыслить универсалистски, без применения к Европе, России и остальному человечеству каких бы то ни было двойных стандартов. Его основной презумпцией — а это и есть основная философская презумпция европейского Просвещения — было убеждение, что никаких роковых ментальных и расовых преград для приобщения всех народов без исключения к вершинам современного прогресса и знания не существует: человечество имеет единую судьбу, единую историческую перспективу»³. Но сама эта перспектива могла возникнуть как импликация той перспективы, которую провозгласило и сделало мировоззренческой и практической нормой христианство.

Между тем, такая парадигма хотя и заявлена в рамках литературного процесса и литературной критики, была экстраполирована на общекультурные, а также идеологические и политические процессы в России. Ее назначение — привести бытие государства

¹ Она реализована в книге «Стратегическая нестабильность в XXI веке».

² По аналогии можно сказать о синтезе христианского и просвещенческого текстов в Сербии (Вук Стефанович Караджич, Петр Петрович Негош) и Болгарии (Петко Славейков, Любен Каравелов, Христо Ботев).

³ *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. С. 5.

и общества, верхов и низов, традиционализма и новаторства, «старого» и «нового» — к единому *modus vivendi*.

Собственно христианско-просвещенческий импульс, инициированный А.С. Пушкиным, отвечал критериям логосности греков, христианскому обетованию и прогрессистской установке Просвещения. Иное дело — западное Просвещение, которое изначально находилось в ситуации «напряженного, чреватого конфликтами диалога с буржуазной торгово-мещанской средой, подпираемой протестантской этикой (что говорит о его гетерогенных основаниях). И если «Модерн есть перманентная способность к переменам, к критическому самоизменению на основе беспокойной, обращенной на себя рефлексии»¹, то как получилось, что на его, модерна, пике — разум (западной цивилизации) — провалился в архаику, выталкивая славян и иные народы после победы в «холодной войне» во 2-й и 3-й миры, плюс легитимировал рынок в его гедонистическо-потребительской ипостаси, как единственную достойную площадку социального развития? Или, что глубже: новое столкновение *рыночного проекта* и *проекта Просвещения* обязательно ведет к победе закона спроса-предложения (рыночного монизма) над творческими законами духа (культурно-цивилизационной дискретности человечества)?

Столь ригидное вопрошание имеет достаточное основание в виде запуска «золотым миллиардом» (1-м миром) процессов деиндустриализации, рыночного отбора², деконструкции и профанации незападных культурных традиций³, дегуманизации всех искус-

¹ Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. С. 23.

² В качестве ремарки здесь напрашивается признание финансового спекулянта Дж. Сороса: «Их (рынков. — Д.М.) назначение — предлагать участникам альтернативы, а участники не обладают совершенным знанием. Это делает рынки, в особенности финансовые, принципиально нестабильными. Далее, рынки не предназначены для того, чтобы заботиться об общественных нуждах, таких как соблюдение закона или поддержание порядка, защита окружающей среды, обеспечение социальной справедливости, а также стабильности и здоровой конкуренции на самих рынках...». См.: Сорос Дж. Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса. М.: Альпина бизнес букс, 2008. С. 69.

В таком случае спрашивается: зачем вообще нужна подобная система?

³ Здесь уместно обратить внимание на то резонное замечание Н.А. Нарочницкой: «...не пора ли признать, что упадок христианского мира случился не по вине лишь российского большевизма и «советчины». См.: Нарочницкая Н. За-

ственно отлученных от Прогресса народов. И хотя выходов из этой тупиковой ситуации видится три: 1) американоцентричный модерн; 2) реакция «обиженной периферии» в виде «стилизованной архаики»; 3) реинтерпретация модерна с учетом «новых кризисов и вызовов», на самом деле миру необходим именно последний вариант, поскольку «и обессиленная природа, как и обессиленная культура, более в долг не дают»¹. Проще говоря: Запад реализует контр-модерн, закрывая природные и культурные ниши бытия для иных участников исторического марафона.

Поэтому философ замечает: «Полноценными соучастниками творческой реинтерпретации модерна должны стать те страны периферии, которые, во-первых, объективно заинтересованы в том, чтобы возможности модерна не были законсервированы за избранным меньшинством, а во-вторых, в том, чтобы перекосы сложившейся системы модерна были как можно скорее выровнены. Решение этих задач предполагает возвращение, в целях критического пересмотра, к «первичной программе» модерна, заложенной в известное историческое время в Западной Европе»². По сути, эту программу он и видел в качестве главного задания для русской интеллигенции конца XX — начала XXI вв. и, естественно, для себя лично.

Представляя лучшие традиции русской философской мысли, А.С. Панарин в книге «Православная цивилизация в глобальном мире» писал: «Что касается нас, то мы оспариваем сами эти (рыночно-глобалистские. — *Д.М.*) правила — наше чувство справедливости, наша христианская сострадательность заставляет их отвергать. Лежащей в основе западной морали успеха презумпции доверия к сильнейшему — наиболее приспособленному — мы упрямо противопоставляем нашу презумпцию доверия к слабейшему. В этом наш исторический и метаисторический мистицизм, вполне вписывающийся в Христово обетование нищих духом, ко-

глядывая в завтра // *Аксюциц В., Нарочницкая Н., Недоступ А., Дмитрий Смирнов, протоиерей.* Русский мир: О нашей национальной идее. М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2014. С. 79.

¹ *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. С. 42.

² *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. С. 41.

торые наследуют землю»¹. Однако фиксацией данного положения философ не ограничивается, а идет дальше — в сторону обнаружения главного исторического *credo* русского человека, русской цивилизации и, потенциально, славян.

Оно выражено словами: «Если бы мы могли спасти себя в одиночку — как особый избранный ареал, — мы бы перестали быть христианами. Наше спасение совпадает с законами спасения мира — следовательно, не нам от него отворачиваться и противопоставлять себя остальным в духе парадигмы «конфликта цивилизаций». Наш конфликт с современностью, приватизированной победителем, — это борьба за все человечество, за творческое время, которое противостоит милитаристской агрессии пространства и открывает горизонты *иначе возможного*»² (курсив. — А.П.). И далее, аргумент из православной сотериологии, выраженный на языке философско-исторического дискурса: «Законы православного бытия таковы, что мы не можем открыть «иное» для самих себя — оно не приватизируемо. Только открыв его для других, мы имеем шанс обрести его для себя»³.

Таким образом, прочтение панаринских текстов под углом зрения существования феномена славянства в бинарной системе координат — христианского и просвещенческого привело к уяснению того, что Реванш Истории возможен при участии России как хранительницы сокровищ православного Востока и заветов Просвещения. Именно она, за счет гетерогенно-гомогенных основ своего бытия, способна инициировать и создание полноценного «евразийского союза», и если это понадобится, — союза славянского. Но также должны оформиться частные «союзы» России и Китая, России и Индии, России и стран, входящих в мусульманскую цивилизацию. Собственно, это мы наблюдаем на примере усиления роли БРИКС в международных отношениях.

¹ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 490.

² Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 492.

³ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 492.

Само же конституирование союзных отношений, по мнению А.С. Панарина, предопределено этикоцентризмом культурных традиций этих цивилизаций. Они принципиально отличны от главных стимулов цивилизации модерна (постмодерна) — наживы и страха. Их информационные коды содержат т. н. моралистический монизм, или систему космо-, эко- и культуроцентричных координат, обеспечивающих относительно стабильную поступь бытия. Иначе говоря, они подчиняют экономическую, техническую и собственно социальную деятельность людей такой исторической драматургии, в которой совесть и ответственность, прилежание и солидарность — суть инварианты.

Каков он, евразийский соблазн?

Евразия как место встречи и диалога цивилизаций, но не арена исторических соблазнов

Основоположник евразийства князь Николай Сергеевич Трубецкой, чье 125-летие со дня рождения отмечается в этом году, в своей программной статье «У дверей. Реакция? Революция?» писал: «Европейская идеологическая дорога, прямая линия справа налево, пройдена до конца: не только вся она приводит в тупик, но и нет на ней ни одной точки, на которой можно было бы остановиться. Ее надо бросить всю, целиком, окончательно — и искать новую. Мы, русские, должны прежде всего отказаться от европейских форм политического мышления, перестать поклоняться идолу (к тому же чужому) «формы правления», перестать верить в возможность идеального законодательства, механически и автоматически гарантирующего всеобщее благополучие, словом, должны оставить взгляд на человеческое общество как бездушный механизм, — взгляд, на котором основаны все современные социально-политические идеологии. Не в совершенном законодательстве, а в духе, создающем и укрепляющем государство через быт и устойчивую идеологию, следует искать идеал»¹ (курсив мой. — Д.М.).

Разумеется, речь в этом рассуждении шла о «мире России-Евразии», сполна вкусившей идеологических ядов «романогерманцев и европейской цивилизации», но остро нуждавшейся, пройдя большевистскую Голгофу², в новом идеократическом проекте.

¹ Трубецкой Н.С. У дверей. Реакция? Революция? // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 325–326.

² Отношение кн. Трубецкого Н.С., к большевизму, в отличие от иных евразийцев, было вполне определенным: «Большевизму, как всякому порождению духа отрицания, присуща ловкость в разрушении, но не дана мудрость в творчестве». См.: Трубецкой Н.С. Мы и другие // Трубецкой Н.С. История. Культура.

Собственно, не является секретом и то, что другой идеолог и в значительно большей мере практик построения Великой Евразии — Петр Николаевич Савицкий в своей программной работе «Евразийство как исторический замысел» также ратовал за отталкивание от Европы (Запада): «По мнению евразийцев, европейский демократический строй как таковой решительно неприменим к условиям России. Евразийцы не отрицают, что в европейской обстановке он может являться годным решением. Но в том-то и заключается *качество России как особого мира*, что в России обстановка иная. Там, где широко развитой этатизм и «плановое хозяйство» есть жизненная реальность, в государственной жизни должна существовать определенная «константа», некоторый стержень, который давал бы устойчивость жизни государственного целого»¹ (курсив мой. — Д.М.). И далее: «Такой «константой», по мысли евразийцев, и должна являться организация ведущего строя, образованного на идеократических началах и снабженного определенными конституционными правами...»² Словом, перед нами «философия организационной идеи», явленной на повестку дня не только в пореволюционное, но и в наше время. С той лишь разницей, что у советской России и России нынешней — отличная конфигурация друзей / недругов в плане поддержания ее евразийского проекта, нацеленного на открытие «новой социальной эпохи».

Но хотим мы того или нет, но «открытие эпохи» предполагает особый метафизический ключ, о характере которого существуют самые разнообразные мнения: от *сотериологических* (Л.Н. Гумилев) — до *прагматических* (В.Л. Цимбурский).

Например, «последний евразиец» Лев Николаевич Гумилев, автор оригинальной этногенетической концепции, прямо указывал на принцип полицентризма, в т.ч. «евразийского полицентризма» как главную опору в деле созидания Евразии. Его «евразийский тезис» звучал так: «Надо искать не столько врагов — их и так

Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 361 (курсив. — Н.Т.).

¹ Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 108.

² Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 108.

много, а *надо искать друзей*, это самая главная ценность в жизни. *И союзников нам надо искать искренних*. Так вот, тюрки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами»¹ (курсив мой. — Д.М.).

Далее, следует указать, что Вадим Леонидович Цимбурский, достаточно продуктивно развернувший «островную» метафору в исследовании России, ее геополитического положения и хроноисторических циклов, в итоге склонялся именно к ее евразийской энтелехии. Его версия «великой идеи», «утопии» состояла в следующем: «Такая идея должна бы сделать упор не на пространство, как было часто в российской историософии, а на время. Не на «связывание хранины континента», не на «мосты между Востоком и Западом», не на «евразийский диалог культур», а на *самоосуществление России во времени*, на благоустройство и упрочнение российского «Китежа» в сменяющихся годах и десятилетиях, *на будущих возвращениях России со своего «острова» в мир Евразии* тогда, когда такое возвращение для России будет необходимо и (или) благоприятно»² (курсив мой. — Д.М.).

Наконец, живой неоевразийский классик наших дней и политик, по сути поднявший над Россией стяг Евразии — Александр Гельевич Дугин, как-то верно заметил: «В многополярном мире для России есть место, *есть степень свободы, есть возможность отстоять свой выбор, но Россия должна стать чем-то большим, чем она сама, сверх-Россией, Россией-Евразией, ядром демократической Евразийской империи*»³ (курсив мой. — Д.М.).

Своеобразным же итогом этих значительных конструктивистских прорывов можно признать тезис о роли Личности в Истории и вытекающую из него методологию Лидера Евразии.

¹ Гумилев Л.Н. «Скажу вам по секрету: если Россия и будет спасена, то только как евразийская держава...» // Гумилев Л.Н. Всем нам завещана Россия. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 326.

² Цимбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Цимбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 42.

³ Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. С. 101.

По версии Александра Андреевича Проханова на наших глазах состоялась персонификация бытийных устремлений России-Евразии. Разумеется, она ассоциируется с именем Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. В его деятельности мы видим, с одной стороны, усилия, направленные на разгром «метафизической машины», «либеральной мегамшины», прицельно бьющей по русской цивилизации; а с другой — именно по его инициативе был обнародован и начал реализовываться «евразийский проект», этот залог будущей Евразийской империи¹. Более того, *«Создание Евразийского союза становится возможным, ибо движение тяготеющих друг к другу евразийских пространств, стремление друг к другу искусственно разобщенных евразийских народов соединяются с на этот раз с экзистенциальной волей Путина...»*² (курсив мой. — Д.М.).

Итак, этот краткий обзор современных концептуальных решений показал: поиск дружественных связей, общей для России и народов Евразии временной перспективы, самополагание России в качестве ядра «демократической Евразийской империи», наконец, делегирование Президенту России подчеркнуто мессианской функции, — составляют общий сюжет политико-культурной жизни сегодня. Сюжет идеократический. Но как это ни покажется странным, у подобного сценария есть немало недругов, желающих либо его редукции, либо упразднения.

В таком случае важно понять претензии недругов евразийства, методично посылающих свои инвективы в адрес сторонников «Абсолютной Родины». Поэтому есть смысл кратко затронуть историю вопроса, а затем перейти к реалиям сегодняшнего дня.

Хорошо известно: у евразийцев-классиков нашелся внутренний оппонент, до поры до времени разделявший их установки. В своей инвективе под названием «Евразийский соблазн» Г.В. Флоровский ставил на вид «духовное опрощение» всего замысла: «Евразийцы сознают себя «третьим максимализмом». В действительности, ко-

¹ Проханов А.А. Мессианство Путина // Проханов А.А. Русский вихрь. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 194.

² Проханов А.А. Евразийский союз от Тегерана до Мурманска // Проханов А.А. Русский вихрь. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 104.

нечно, ни один из этих притязаемых максимализмов подлинным максимализмом не был — ни черный, ни красный, но новоявленный черно-красный. Ибо все это «максимализмы» *средств, не заданий...* С евразийской точки зрения человек всегда «выражает», никогда не творит. И потому вся задача общественного устройства сводится к тому, чтобы каждый выражал не самого себя, не свою обособленную самость, но то высшее «соборное» целое, к которому он органически и кровно принадлежит. Каждый должен превратиться в «*орган высшей соборной личности*»¹ (курсив. — Г.Ф.).

Последнее требование вообще выступает инвариантом в евразийских конструкциях классиков: «Образующий государство «народ» представляет собою прежде всего такого «естественного», «родового человека» или совокупность различных его видов»²; «Всякий индивидуум есть свободное и своеобразное выражение «первичной», т.е. ближайшей к нему, соборной личности или социальной группы»³. Если к этой формуле добавить мнение неоклассика: «Человек есть воплощение народа и земли»⁴, то можно считать ситуацию разрешенной в пользу евразийцев. Но есть одно «но», которое ускользает из программных пунктов многих теоретиков и иногда ставит в тупик, казалось бы, маститых историков⁵. Речь идет об общем для евразий-

¹ Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Мир России — Евразия: Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 366, 367.

Между прочим, эта инвектива Флоровского бьет мимо, поскольку евразийцем П. Сувчицким четко было показано: «В противовес причинным построениям научного материализма и коллективистической идеологии социализма, утверждающим, первый — полную преемственность любого жизненного вида и феномена и, вторая — регулирующая человеческое массовое взаимодействие, на основе все уравнивающих законов борьбы и обмена, — религиозная культура утверждает вдохновенное начало личности (!). См.: Сувчицкий П. Эпоха веры // Исход к Востоку. М.: Добродетель, 1997. С. 80.

² Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 443.

³ Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России — Евразия: Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 120.

⁴ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. С. 271.

⁵ Здесь нельзя не упомянуть «случай Мединского». Он заключается в фиксации «факта» паразитирования на идее исключительности России «всех, кому не лень»: С.Г. Кара-Мурзы, ратующего за советскую власть; А.Г. Дугина, развивающего концепцию Евразии; А.А. Проханова, призывающего к строительству «Пятой империи». См.: Мединский В.Р. Скелеты из шкафа русской истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 264.

ских народов духе, его интенциях, его заданиях (см. выше упрек Г.В. Флоровского). Его, как минимум, можно выразить словами В.Г. Распутина: *«Если соберем волю каждого в одну волю, — выстоим! Если соберем совесть каждого в одну совесть, — выстоим! Если соберем любовь к России каждого в одну любовь, — выстоим!»*

И странно, что «равнодействующая всей совокупности человеческих личностей» (П. Сувчицкий) почему-то упорно ускользает из поля зрения критиков евразийства. В т.ч. современных, причем как «внешних наблюдателей», таких как Л. Люкс, так и «внутренних», например, Е.П. Чудинова.

Но прежде имеет смысл задать контекст антиевразийства, отрицающий Евразию как полюс самобытных цивилизационных, а не только геополитических устремлений. Он естественным образом восходит к американскому геостратегу Зб. Бжезинскому. Последний в своей «Великой шахматной доске» был недвусмысленен: «На этой огромной, причудливых очертаний шахматной доске, простирающейся от Лиссабона до Владивостока, располагаются фигуры для «игры». Если среднюю часть можно включить в расширяющуюся орбиту Запада (где доминирует Америка), если в южном регионе не возобладает господство одного игрока и если Восток не объединится таким образом, что вынудит Америку покинуть свои заморские базы, то тогда, можно сказать, Америка одержит победу. Но если средняя часть даст отпор Западу, станет активным единым целым и либо возьмет контроль над Югом, либо образует союз с участием крупной восточной державы, то американское главенство в Евразии резко сузится. То же самое произойдет, если два крупных восточных игрока каким-то образом объединятся»¹.

При этом «скелетомания» удивительным образом связана с отсутствием самобытной социально-аксиологической перспективы бытия России: «Якобы только в России это есть, а нигде больше в мире этого нет. Что же у нас столь потрясающего отыскалось? Итак, во-первых, это общинность и соборность. Ну, что такое «общинность», более-менее нормальный человек понять без толкового словаря Даля еще может, а вот «соборность»? Честно говоря, перерыв кучу источников и даже написав на эту тему специальную главку, я, каюсь, сам толком не понял, что же это такое». См.: *Мединский В.Р. Скелеты из шкафа русской истории*. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 264.

¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 48.

Иначе говоря, еще в 1990-е Збиг ориентировал американскую и европейскую политику, а за ней и политику стран бывшего соцлагеря и бывших республик СССР на вхождение в «расширяющуюся орбиту Запада».

При этом любые конфигурации России, Китая, Индии, исламских государств трактовались как угроза американским национальным интересам. Разумеется, эта конструкция (по-американски) монолитной шахматной доски противоречит *принципу евразийского полицентризма*, четко артикулированного еще П.Н. Савицким, а развитого Л.Н. Гумилевым¹.

Но истории суждено было регенерировать в Евразии мощную автотонную интеграционную политику (Евразийский союз, ШОС, энергетические проекты «Сила Сибири» и «Южный поток», проект «Нового шелкового пути»). Естественно, что такое переформатирование востребовало евразийскую тему с ее супранациональным, положительно-комплементарным и взаимодополняющим принципами.

На этом фоне вполне логично звучат стенания немецкого историка Леонида Люкса: «Слабость нового евразийства — в том, что оно так и не сумело добиться широкого признания. Речь идет лишь об отдельных элитарных кружках — совершенно так же, как это было в 1920–1930-х гг. Для русских националистов евразийская идея чересчур абстрактна, то же можно сказать и о большинстве интеллигентов в исламских республиках бывшего СССР». Итог: «При всей своей оригинальности программа евразийства, судя по всему, вновь обречена на провал»².

То, что эта «прогностика» имеет смысл, мы сумели убедиться на уровне эмпирии: в октябре 2000 года было принято решение о

¹ «Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира. Иберия и Китай — то же самое, и т.д. Центров много, число их можно подсчитать по сходству ландшафтов». См.: Гумилев Л.Н. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 24–25.

² Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // Люкс Л. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. С. 160–161.

создании Евразийского экономического сообщества (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), что само по себе отвечало интересам этих стран, а не посулам европейских и американских политических элит. Практика же сегодняшнего дня, идущая в направлении усиления и трансформации союза в мощный континентальный узел, также говорит сама за себя. К примеру, очень важен рамочный договор между Россией и Китайской народной республикой, подготовленный и подписанный во время торжеств по случаю 70-летия Великой Победы.

Однако нелепому мнению Л. Люкса можно противопоставить квалифицированное и более взвешенное мнение французского специалиста по России — Э. Каррер д'Анкокс: в своей книге «Евразийская империя» (2005) она проводит мысль о евразийско-европейской природе империи Романовых и советской империи. Но и этого мало, она настаивает на новой евразийской интеграционной тенденции, что инвариантно историческому бытию России: «Пытаясь стать великой державой, заявляя о своей и «мусульманской», и европейской природе, Россия, как кажется, сплачивается вокруг идей, развивавшихся в первые десятилетия XX века создателями концепции евразийства, подчеркивающими двойственный характер этой «единственной евразийской державы», естественной посредницы между Европой и Азией, Западом и Востоком»¹.

Еще более витиевато и пафосно рассуждает об интересующем нас предмете современный литератор Елена Чудинова. Не будучи оригинальной в постановке вопроса о характере исторического бытия Московского царства («А что это там такое, вклинившееся между ними?», т.е. Киевской Русью и империей Романовых), она, как ей кажется, находит удачный ответ. Он в следующем: «Это историческая предшественница «красных», Московская Русь. Невеликая Московия, продукт первой волны варварства — нашествия татаро-монгол. Обезитившаяся, деградировавшая, утратившая технологии и ремесла, построившая первую домну на 150 лет

¹ Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2007. С. 330.

позже других европейских народов. Живущая за железным занавесом № 1. Вместо естественных династических браков (они же — инструмент регулирования международных отношений) в Москву стали стадами сгонять невест на царские смотрины. Ну а по Сеньке и шапка. Главный герой этого времени — Иван Грозный, человек-коядец, лицемер и предположительный, заметим, потомок Мамаю. Случайно, что ли, сегодняшние «имперцы» отмаршировывали под лозунгами «новой опричнины»? В каком-то смысле монголо-татар можно назвать первыми коммунистами, если определить их как первую варварско-инородную экспансию¹.

Претензии к Московскому царству, как говорится, системные, ну и заодно ко всем причастным — «красным», евразийцам, имперцам. Словом, всем тем, кто мешает «Эху Москвы» разноситься по необъятной Евразии.

Но если господин Л. Люкс усматривает в «евразийском соблазне» родимые пятна фашизма (напр., сопоставляя евразийцев — Н. Трубецкого и П. Савицкого, Г. Вернадского и Н. Алексева с представителями консервативной революции в Веймарской республике — А. Меллером ван ден Бруком, К. Шмиттом, Э. Юнгером², то у госпожи Е. Чудиновой не только евразийцы А. Дугин и Г. Джемаль, а с ними русский националист Е. Холмогоров объявлены врагами России, ибо несмотря на свое старообрядчество, исламскую идентичность и приверженность русским ценностям — все они враги фашисты³. Мелькают на страницах ее статей и книг также имена А. Проханова и М. Леонтьева... Разумеется, в негативной аксиологической рамке. Понятно, вызревших в «логове» Грозного царя и московском ресторане «Опричник».

Однако франкофонная леди, горячо любящая Россию, напрочь забывает о выводах русских историков XIX–XX вв. относительно

¹ Чудинова Е.П. Похищение Европы. Исламизация и капкан толерантности. М.: Вече, 2012. С. 224–225.

² Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // Люкс Л. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. С. 136 и сл.

³ Чудинова Е.П. Похищение Европы. Исламизация и капкан толерантности. М.: Вече, 2012. С. 230–246.

Ивана IV и его деятельности по строительству, хотя и не без серьезных издержек¹, евразийского по сути «Государства правды». Так, еще С.Б. Веселовский, которого трудно упрекнуть в красно-коричневой ангажированности, показал: в трудах Н.М. Карамзина (он обратил внимание на то, что Курбский не заметил опричнины), К.Д. Кавелина (он пытался показать, что при помощи опричнины Иван Грозный открывал дорогу «безродным талантам, в интересах государства оттеснял на второй план бездарных представителей родовой знати»), С.М. Соловьева (он противился отнятию у Грозного «славы важных дел»), С.Ф. Платонова (он показал общий характер Московского государства, работу «правительственного механизма» и элементы международных отношений)².

Помимо того, если вспомнить фундаментальные разработки советско-российского историка Р.Г. Скрынникова, посвященные этой эпохе, то все становится на свои места. Следуя принципу объективности в историческом знании, а он проливал свет на все темные стороны становления Московского царства, ученый констатировал: «При Грозном Россия превратилась в мировую державу, ставшую после падения тысячелетней Византийской империи главным оплотом православной религии»³. Естественно, при заявленном тезисе никто не сбрасывает со счетов саму технологию власти, а именно, полномасштабные реформы Ивана IV и опричнину. Именно последняя расколола феодальное дворянство (т.н. государев двор) на две противостоявшие друг другу половины — «земский двор» и «особый двор». И по большому счету, вопрос только в том, какая из них на самом деле несла государеву функцию? Тем более что сам Грозный царь выступал за их равновесие (!)⁴, в том числе созвав и проведя «собор примирения» (1547/1549)⁵.

¹ Наряду с проложенными путями в Нижнее Поволжье, Урал и Сибирь, была неудача в 25-летней Ливонской войне, лишившая Россию «нарвского мореплавания».

² *Веселовский С.Б.* Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: АИРО–XXI, 2008. С. 188–214.

³ *Скрынников Р.Г.* Крест и корона: Церковь и государство на Руси в IX–XVII вв. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 316.

⁴ *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. С. 11.

⁵ *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 158 и сл.

Все сказанное выше, тем не менее, порождает и мета-вопрос: все объединители России в рамках евразийской платформы (от Грозного — до Путина) пользовались ли некоторой доминантой, позволяющей не только «сшивать» пространства, но и приводить к новой форме и интенсивности взаимовыгодные контакты между народами и цивилизациями?

Как это ни покажется странным критиками и отрицателям евразийства, такая доминанта существует. Это сформулированное П.Н. Савицким положение о *внутриконтинентальных притяжениях*. Оно гласит: когда обмен для внутриконтинентальных производителей и потребителей становится выгодным без посредства мирового рынка, тогда притяжения обретают силу и смысл. Его математическая формула соответственно такова:

$$Z < X+A+B+Y,$$

где Z — стоимость провоза единицы товара от производителя к потребителю внутри континента (без морских коммуникаций);

$X+A$ — стоимость перевозки того же товара через «мировой рынок» (X — стоимость сухопутной перевозки до порта, A — стоимость морской перевозки);

$B+Y$ — стоимость ввоза продуктов «мирового рынка» на континент (B — стоимость морской перевозки, Y — стоимость сухопутной перевозки от порта до потребителя)¹.

Естественно, что сейчас, восстанавливая «Великий шелковый путь» и ряд других проектов, а также реализуя идею импортозамещения, возникшую на фоне санкций Запада, Россией и ее евразийскими союзниками востребована эта формула. В особенности с момента старта полноценного Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана с 1 января 2012 года. Именно тогда Президент России В.В. Путин ясно дал понять: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на ба-

¹ Савицкий П.Н. Континент-океан // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1998. С. 409.

зе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз.

Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими как ЕС, США, Китай, АТЭС — обеспечивать устойчивость глобального развития¹.

Однако приведенная выше формула таит в себе и некоторую эвристику: помимо «внутриконтинентальных экономических притяжений» (о которых речь), обмен также возможен и желателен как культурный феномен, поскольку Евразия — богатейший в этническом и культурном планах континент. Континент, на котором славянские, тюркские и угро-финские этносы — в ходе тысячелетних контактов — продемонстрировали «положительную комплементарность».

Собственно, эта мысль коррелирует с высказанной Г.В. Вернадским идеи трехсоставности евразийской государственной формы, которая слагается из технико-экономического, духовно-нравственного и правового элементов². Сама же сфера духовно-нравственных отношений выступает в следующем виде: «Евразийцы открыто признают, что *их государство одухотворено великими религиозными и нравственными задачами и не может быть равнодушно к добру и злу*. Евразийское государство совершенно открыто стремится к развитию и процветанию евразийской культуры, поэтому оно не может не отметить того, что культуре этой враждебно, и не может не способствовать проведению в жизнь всех начал, из этой культуры вытекающих»³. Среди них, нужно заметить, образование и воспитание народов, через просвещение —

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // izvestia.ru/news/502761 (27.07.2015).

² Вернадский Г.В. Евразийство и коммунизм // Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 337.

³ Вернадский Г.В. Евразийство и коммунизм // Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 336.

вовлечение их в реализацию идеократического общества, неизвестной истории Востока и Запада конституирование полноценной симфонической личности.

В этом и видится та фундаментальная роль, которая отведена России как собирательницы народов и цивилизаций для осуществления подлинной, а не мнимой истории.

А.С. Панарин о структурогенезе и интригах восточного мегацикла всемирной истории*

Известно, что А.С. Панарин выдвинул и отстаивал гипотезу биполушарной структуры истории и соответствующих логике ее развития восточно-западных (1000 и 500-летних) мегациклов. Кроме того, он отталкивался от вертикально-горизонтального распределения социокультурного «вещества» и движения духовных энергий по осям: Север — Юг и Восток — Запад. Наконец, он видел (в соответствии с установками цивилизационной теории) структуру истории как взаимодействие цивилизационных миров.

«Замкнувшийся круг модерна» или переход западных социокультурных ценностей в свою противоположность («контрмодерн»), поставили перед незападными цивилизациями задачу духовно-нравственного реформирования истории. Иначе: в переходе исторической инициативы от Запада к Востоку.

Причем в знаменателе западного мегацикла значились не либеральная демократия, права человека, технократия и рынок, «новый Эдип» и мораль успеха, а «онтологический нигилизм, индивидуализм и репрессия». Проще: груз милитаристских, социально-экономических, технологических, демографических, ресурсных и экологических проблем.

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: «Этничность, религия, политика» (Материалы Ливадийских чтений — 2014, Харакского форума — 2014). Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. С. 183–185.

Именно они, в виде «вызовов» со стороны западной постхристианско-постпросвещенческой технологически-рыночно урбанистской цивилизации, обращены к мусульманской, индо-буддийской, конфуцианско-даосской и православной цивилизациям. «Ответ» этих цивилизаций ожидает быть разным, в зависимости от сохранности базисного суперэтнического текста, состояния «символического капитала» и комплементарной истории идейно-ценностной мотивации. Проще: способности цивилизаций — в лице «творческого меньшинства» — найти внутренние духовные средства для реформирования истории.

При этом понятие «Восток», по А.С. Панарину, включало в себя «периодическую систему элементов восточного опыта»: конфуцианского, даосского, индуистско-буддийского и исламского. Главная проблема Востока — породить общий синтетический язык для реформации истории (=перевода ее интриги в неутилитарный, неэмпирически-потребительский и неминалистический фазис).

На этом пути особую роль должна сыграть Россия как евразийская цивилизация, соединяющая в себе структурно-осевые координаты Континента. Именно она способна инициировать (на основе культурного наследия цивилизаций Востока, а затем и политической прагматики) создание полноценного «евразийского союза». Но прежде должны оформиться частные «союзы» России и Китая, России и Индии, России и стран, входящих в мусульманскую цивилизацию.

Само же конституирование союзных отношений, по мнению А.С. Панарина, предопределено этикоцентризмом культурных традиций этих цивилизаций. Они принципиально отличны от главных стимулов цивилизации модерна (постмодерна) — наживы и страха. Их информационные коды содержат т.н. моралистический монолог, или систему космо-, эко- и культуроцентричных координат. Иначе говоря, они подчиняют экономическую и техническую деятельность человека более гармоничной модели бытия, где совесть и ответственность, прилежание и солидарность — суть инварианты.

Кроме того, исследуя природу России как цивилизации (напр., «Православная цивилизация в глобальном мире» (2002), «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (2003), и изданная посмертно

но «Русская культура перед вызовом постмодернизма» (2005)), он пришел к еще более эвристичным выводам.

Определяя ее как православную цивилизацию, русский философ и политолог нашел, что поиск адекватного «ответа» на атлантизм (западничество) связан с анамнезисом и герменевтикой базисного восточнохристианского (византийско-болгарско-древнерусского) суперэтнического текста. Именно этот текст содержит необходимые реалистические установки: космологические, антропологические и социальные. В нем заложен принцип творческой аскезы (противоположный гедонизму потребителей) и упование на конечное торжество «униженных и оскорбленных» (оставленных Западом вне истории). Но главное, он содержит нравственно-волевою идею «переоткрытия» единства человечества, общую для всех судьбу и ответственности за нее: «законы православного бытия таковы, что мы не можем открыть «иное» для самих себя — оно не приватизируемо. Только открыв его для других, мы имеем шанс обрести его для себя».

Иначе говоря, духовный ресурс православной цивилизации — это евангельская этика и сотериология, нацеливающие на универсальную культурно-историческую перспективу.

Таким образом, структура и интриги восточного мегацикла содержат не только творческие сюрпризы, обращенные к Истории, но они заставляют Историю реплицировать тот диалогизм, который и есть адекватная форма исторического бытия.

К вопросу об устойчивости Евразии^{*}

Кажущаяся абстрактной задача евразийской устойчивости, сформулированная в 1923 году князем Н.С. Трубецким в форме закона разнообразия культур, остается актуальной и поныне¹. Но она

^{*} Впервые опубликовано в соавторстве с Е.Б. Ильинович: The 16th International Symposium on Advanced Intelligent System. Seoul, 2015. P. 313–315.

¹ Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 327–338.

предполагает ряд пунктов, которые нужно обсудить применительно к новым реалиям.

Для уяснения системной динамики мировых процессов необходим учет не только лежащих в их основе трех (стандартных) величин — *экологии, социума и экономики*; но которая включает в себя и такую величину, как *сфера культуры*¹. Иначе говоря, концептуально нужно говорить о «четырех основах» развития и искомой устойчивости в масштабе планеты и отдельно взятых регионов.

При этом сотрудник Римского клуба Томас Шауер, предлагающий эту версию, настаивает на культурной устойчивости, что вообще подразумевает «сохранение мирового культурного разнообразия»². Думается, что сама по себе эта идея верна, но она требует иной методологической акцентуации. На наш взгляд здесь можно говорить о том, что культурный аспект «четырёхосновной» версии является наиболее фундаментальным, поскольку он связан не только с идеалами, ценностями и нормами той или иной культуры, но и вполне определенными установками культурного сознания, которые требуют — как никогда ранее в человеческой истории — своей объективации.

По большому историческому счету культурогенез и культурное развитие корреспондируют с ноосферогенезом и ноосферным развитием, ищущим единство и релевантный гомеостазис.

В этой связи нам хотелось бы сослаться на мнение двух авторитетных ученых — Л.Н. Гумилева и Г.Д. Гачева.

Так, «последний евразиец» Л.Н. Гумилев показал, что Евразия — это огромный и географически неоднородный континент, вместивший за многовековую историю большое количество «частных» этнических историй. Они, между прочим, заметно разнятся в вопросе освоения этносами ландшафта Евразии: русские осваивали поймы речных долин, финно-угорские народы — водораздельные пространства, тюр-

¹ Шауер Т. Информационные технологии и проблемы устойчивого развития // Социально-экономические проблемы информационного общества / Под ред. д.э.н., проф. Л.Г. Мельника. Сумы: Университетская книга, 2005. С. 359–360.

² Шауер Т. Информационные технологии и проблемы устойчивого развития // Социально-экономические проблемы информационного общества / Под ред. д.э.н., проф. Л.Г. Мельника. Сумы: Университетская книга, 2005. С. 359.

ки и монголы — степную полосу, палеоазиаты — тундру. Тем не менее, рассматривая историю освоения этого континента, Гумилев находит в ней несколько вариантов его объединения, всегда более выгодного, чем разъединение. Прежде всего, в рамках разработки вопроса о биосферно-социальной устойчивости.

Тем не менее, всякое объединение предполагает выработку ключевой культурной доминанты. Согласно Гумилеву, объединителями Евразии поначалу выступили кочевники-гунны, потом тюрки, создавшие свой каганат от Желтого до Черного морей. Третья попытка принадлежала монголам, которыми руководил Чингис Хан и его последователи. Четвертая попытка объединения выпала на долю самих русских племен, с которой они справились как никто до них: Евразия приобрела свои собственные очертания: от Карпат до Тихого океана, от Памира до Северного Ледовитого океана. Но эта грандиозная историческая задача была осуществима в два этапа и развивалась в пределах двух «попыток» рождения русского суперэтноса. По Гумилеву в отечественной истории дважды возрастал уровень (пиковые значения) пассионарного напряжения: в киево-русский период, с XI по XIII ст., включая историю падения Новгорода в XV веке, и в период Московского царства, который растянулся до наших дней¹.

Если эта гипотеза правдоподобна, то естественен вопрос о том, что же могло служить основанием интеграции этносов в суперэтнос и стабилизации отношений с «вмещающим ландшафтом», которая развернулась на просторах Евразии?

Известно, что при создании российской («евразийской») империи в ее составе оказались русские и финно-угорские племена, тюркский этнос и монголы. Принцип их объединения — соборность предполагал универсальную перспективу: «Евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности прав каждого народа на определенный образ жизни»². Но образ жизни, нужно подчеркнуть, санкционированный право-

¹ Гумилев Л.Н. От Руси — до России: Очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992. С. 252–253.

² Гумилев Л.Н. От Руси — до России: Очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992. С. 255.

славием, позволил развить «положительную комплементарность» всех племен, вошедших в «тело» суперэтноса, в состав «симфонической личности» (П.Н. Савицкий).

Здесь следует вспомнить, что под комплементарностью (положительной или отрицательной) ученым подразумевалось ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов этнических коллективов, определяющее деление на «своих» и «чужих». Явление комплементарности лежит в основе этнического разделения людей, так как появлению любого этноса предшествует образование групп людей (консорций), объединенных взаимной симпатией, позволяющей этим людям поддерживать постоянные, и притом тесные взаимоотношения и вырабатывать общую линию поведения.

В доказательство этого положения можно опереться на концепцию Г.Д. Гачева, который в специальном исследовании показал, что евразийский космос кочевника, земледельца и горца в принципе не имел имманентных противоречий. «Виной» здесь была все та же мировоззренчески-этическая доминанта: «Так сложилось веками, что русский человек свыкся трудиться не столько движимый своей охотой к зажиточности (он привык довольствоваться малым, как и свойственно мудрому: Сократу, Декарту, Ивану — «Дураку»), но исполняя наряд организующей воли Державы»¹. Сама же «Держава» — суть культурно-исторических практик народов, их фронтального ценностного отношения к мировым процессам.

Данная мысль вполне согласуется с гумилевской: «в Евразии политическая культура выработала свое, оригинальное видение путей и целей развития»².

Дабы пояснить это, сделаем небольшое отступление. Корректно, думается, говорить об оригинальности евразийского, «срединного» пути применительно к индустриальной эпохе, равно как и начавшемуся постиндустриальному переходу. Для этого рассмотрим основные этапы евразийского индустриализма. Согласно Б.Н. Кузыку, евразийская цивилизация прошла путем:

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. С. 342.

² Гумилев Л.Н. От Руси — до России: Очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992. С. 255.

1) *промышленного переворота*, утверждения капитализма и подъема науки, культуры и образования, плюс зарождения социальных противоречий и общенационального кризиса (1861–1914);

2) *цивилизационного кризиса* и его преодоления в рамках социалистического варианта развития ценой крайнего напряжения всех сил общества практически по всем направлениям общественного развития (1915–1964);

3) *либерального реформирования индустриального социализма* с последующим распадом цивилизационной общности — СССР и поиском стратегических альтернатив (1965–2010)¹.

Причем характерно, что этот этап отмечен позитивной динамикой роста населения, производительности труда, объема ВВП: доля численности населения России в общей численности населения мира возросла с 8,2% до 9,3%, в мировом ВВП с 7,9% до 9,1%².

Сегодня же, в условиях скольжения к постиндустриальной социоформе (с ее «новой экономикой», а именно доминантным финансовым сектором над реальным сектором, пятым-шестым технологическим укладом, новым разделением труда), Евразия испытывает немалые трудности, прежде всего, связанные с отторжением абстрактной, надысторической моделью «универсалий либерализма» и созданием автаркичного технологического, промышленно-финансового кластера, в основе своей как раз имеющего евразийский социокультурный код. В этом отношении продуктивными видятся идеи евразийского патернализма и лоббизма³, которые релевантны культуре вековых совместных труда и инициатив.

И сегодня, в условиях нарастания социально-политической турбулентности, инициированного американской глобальной (либеральной) антисистемой, в Евразии важно сохранить большое социальное государство, в котором именно культурные, а не сугубо рыночные или сугубо политические императивы определяют формы и направление развития.

¹ Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 247.

² Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 271.

³ Дугин А.Г. Конец экономики. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 126–127, 129–131.

Немилый сердцу Запад

Сгинь, Запад, — Змея и Блудница...

Н. КЛЮЕВ

Глобализм как инструмент деструкции современных цивилизаций*

В 2000 году издательство «Русский национальный фонд» выпустило книгу А.С. Панарина «Искушение глобализмом», ранее выходящую в журнальном варианте под названием «Агенты глобализма». За эту работу автор получил Солженицынскую премию. К ней, что вполне объяснимо проявлением интереса к идейному противнику, обращалось американское научное общество.

Тем не менее, в этой пока недостаточно оцененной работе был высказан целый ряд фундаментальных положений, касающихся генезиса и логики развертывания глобализма, который очерчен как идеологическое основание новой реальности — «мировой цивилизации обмена». Кроме того, обозначена и особая познавательная ситуация, в которой находятся все те, кто пытается расшифровать структуродинамику глобального мира.

Проще говоря, бытие «цивилизации обмена» нуждается в тонких аналитических и оценочных процедурах, которыми в полной мере не располагает современное социогуманитарное знание. Собственное методологическое усилие А.С. Панарин направляет на «выявление истинного отношения складывающейся идеологии глобализма к ценностям классики модерна — демократии, равен-

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Под общ. ред. проф. Е.Н. Мошелкова, проф. О.Ю. Бойцовой и проф. В.Н. Расторгуева; науч. редактор А.В. Никандров / МГУ имени М.В. Ломоносова. Философский факультет. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. С. 216–237.

ству, прогрессу»¹, что само по себе (истинное отношение) образует *смысловое ядро актуальной и потенциальной исторической картины мира*.

Но методологический прицел, предложенный Панариным, более конкретен и емок, поскольку подразумевает не просто разоблачение нынешнего субъекта глобальных трансформаций — западной цивилизации, его глобальной стратегии в отношении иных цивилизаций, но демонстрацию иных маршрутов исторического развития. «Наша задача сегодня состоит в том, чтобы лишить злонамеренность новейшего глобального хищничества «алиби» объективности и непреложности и вскрыть субъективное своеволие и своекорыстие там, где нас призывают видеть одну только предопределенность. Глобальный порядок, как и все остальное в мире, имеет альтернативные варианты и сценарии; наше человеческое достоинство состоит в том, чтобы по возможности отстоять наиболее гуманные и справедливые из них и отбить поползновения нового хищничества, стремящегося прибрать мир к рукам под лозунгом «киного не дано»².

Напротив, настаивал русский философ, христианство и модерн (его идейно-мотивационный экстремум — Просвещение) обеспечили человечество *принципом единой общечеловеческой судьбы*, дав определенную надежду всем без исключения цивилизациям.

Сегодня, обращаясь к мировым делам, но фокусируя внимание на панаринских наблюдениях, оценках и выводах, нужно отметить чрезвычайную актуальность критики А.С. Панариным «объективности» глобальной социоформы (во многом легитимированной и научным сообществом, и «Ватиканом западнизма» в виде актуальной, детерминистски обосновываемой исторической картины мира), плюс разработку потенциальной, синергетической по своей сути исторической картины мира.

Однако если более-менее завершенный набросок второй был дан в книге «Реванш истории» (1998), то картину мира, в которой глобализм служит аксиологическим ядром PAX AMERICANA, мы

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 12.

² Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 12.

находим в «Искушении глобализмом» (2000), а далее, в итоговой работе «Стратегической нестабильности XXI века» (2003).

Прибегая в данной статье к реконструкции и сопоставлению обеих картин мира, я намереваюсь уточнить позицию А.С. Панарина применительно к нынешнему историческому разлому. А именно: показать принципиальную научную точность и моральную правдивость его позиции, которая обязана быть востребована именно сейчас — на этапе обострения глобальных противоречий и острых региональных конфликтов. Прежде всего, на Ближнем Востоке и на Украине.

Сказанное ставит перед научным сообществом задачу — корректной транскрипции идеологического дискурса глобализма, который несет в себе — помимо деформированных представлений о демиургической роли Запада в мировом цивилизационном процессе и отсутствии таковой у иных обществ и сообществ, — отчетливую функцию исторического целеполагания, впрочем, определенную и реализуемую отнюдь не демократическими процедурами (!). К сожалению, такая позиция остается невостребованной (за исключением работ Зеленкова А.И., Зиновьева А.А., Казина А.Л., Лазарева Ф.В., Нарочницкой Н.А., Расторгуева В.Н., Степанова А.Д., Субетто А.И., Фурсова А.И., Къеза Дж., Ляруша Л., Робертса П.К., Тодда Э.), что создает неопределенность в работе экспертных сообществ и сказывается на реальной политической практике¹.

Отсюда — желание прояснить понятийно-аксиоматический уровень, ведь сам глобализм, не говоря уже о глобализации, в ряде случаев определяются весьма поверхностно и наивно. Так, в солидном энциклопедическом издании глобализм был артикулирован как «междисциплинарное исследование новых условий эволюции жизни на планете, связанных с общими тенденциями развития цивилизации, теми противоречиями глобального масштаба, субъектом которых выступает человечество в целом...»².

Словом, у отдельных исследователей имеет место непонимание и путаница обсуждаемого предмета, ведь *глобализм как идеологи-*

¹ Этот вопрос можно интерпретировать как вопрос о рыхлой политической культуре.

² Мунтян М.А. Глобализм // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т.1. С. 533.

ческий фактор, направляющий движение миросистемы, задающий формат и логику социокультурного развития, должен быть исследован в его субъектной, целевой и ценностной ипостасях. В противном случае и глобализм как сверхидеологию, а не междисциплинарную область знаний о глобальном мире (!), и глобализацию как совокупность интеграционных процессов на основе глобализма, взятую в ее нынешних формах и главных интригах можно воспринимать лубочно и не более того. У Панарина он артикулирован как «глобальный гнозис»...

К примеру, в той же статье М.А. Мунтяна (без ссылок) воспроизводится пассаж из известной работы О. Тоффлера «Третья волна» (1980): «Глобализм представляется чем-то большим, нежели идеология, служащая интересам ограниченной группы людей. Национализм говорил от лица нации, глобализм выступает от лица всего мира. И его появление представляется эволюционной необходимостью — ступенью к «космическому сознанию»¹. При этом здесь некритично воспроизводится та часть цитаты, в которой сделано ударение на универсальном характере наступившего глобализма, этой всемирно-исторической «парадигмы» мысли и действия.

Правда, в переизданной в 2010 году «Новой философской энциклопедии» статья Мунтяна претерпела некоторые изменения. Здесь глобализм «растворен» в глобалистике, появилось упоминание об О. Тоффлере, а предшественниками глобализма объявлены П. Тейяр де Шарден и В.И. Вернадский².

В конце концов, если бы такое определение соответствовало действительности, то нужно было бы (как *min*) закрыть глаза на

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 522.

² Мунтян М.А. Глобализм // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 533.

Тем не менее, отождествление ноосферных проектов П. Тейяра де Шардена и В.И. Вернадского с глобалистской сверхидеологией неправомерно, поскольку религиозный, научный и идеологический компоненты — в первом случае, и научный и идеологический — во втором, выстроены на определенном мировоззренческом базисе, в то время как глобализм в его англо-саксонском варианте имеет иные акценты и прерогативы. См. напр.: Ноосферный проект социоприродной эволюции: поиск алгоритмов устойчивости (коллективная монография) / Отв. ред. проф. Д.Е. Муза. Донецк: ДонНТУ, Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ, 2014.

теорию¹ и практику антиглобализма (многочисленные акции в местах проведения саммитов «семерки», «восьмерки», «двадцатки», МВФ, ВТО, НАТО и т.д.) в течение последних двадцати лет, в рамках которого существуют альтернативные варианты глобализации, проекты гражданской самоорганизации с иным, не англосаксонским «лицом»².

Между тем, глобализм уже осмыслен и оценен как западными, так и отечественными интеллектуалами. Хотя в различной степени проникновения в сущность предмета и ее отражения концептуальными средствами.

¹ Подробнее см.: Антиглобализм. Сборник докладов и статей форума «Векторы антиглобализма». М.: Форум «Векторы антиглобализма», 2002.

При этом, под антиглобализмом понимается предельно широкий и идеологически пестрый феномен современного мира, в рамках которого происходит отрицание политических, экономических и культурных завоеваний глобальной капиталистической мир-системы, конституированной и легитимированной Западом. Иначе говоря, антиглобализм стремится к торпедированию фундаментальных институтов западной цивилизации — рынка, дискриминационного этнического разделения труда, финансового сектора, ТНК, военной машины (НАТО), культурных форм и стилей, но главное, самодовлеющего буржуазно-потребительского образа жизни. Разумеется, для этого нужны соответствующие инструменты, среди которых есть рациональные, так и иррациональные. К первым нужно отнести идеологические конструкции, ко вторым упование на стихийную энергию масс.

Тем не менее, основными идейными источниками антиглобализма являются: 1) неомарксизм; 2) экологизм («зеленое» движение); 3) феминизм; 4) молодежная идеология (возникшая и реализовавшаяся в форме контркультуры); 5) анархизм.

² Понятие альтерглобализм, его содержание связано с альтернативными глобализационными проектами, опирающимися как на принципиально новые идейные комплексы, так и на ресурсы ранее не востребуемые или не получившие достаточной социокультурной легитимации. Поэтому альтерглобализм иногда расценивается как интеллектуальное явление, способное к генерированию иных стратегий, не связанных с социально-экономическим тупиком, в который завела человечество западная цивилизация.

Естественно, альтерглобалистские проекты на сегодня имеются: у Китая; Индии; ряда государств — Турции, Ирана, Пакистана, представляющих исламскую цивилизацию; у Аргентины, Бразилии и Венесуэлы, стремящихся выразить чаяния Латиноамериканской цивилизации; наконец, у России. См.: *Муза Д.Е.* Прологомены к созданию интервальной модели истории // Академия знаний. Научный журнал / Под. ред. Ф.В. Лазарева. Симферополь: МАДН, 2010. № 3. С. 44–51.

Вместе с тем, наибольшую ценность в реестре альтернативных проектов сейчас представляет объединение БРИКС, в формате диалога определившие иную архитектуру мирового порядка с уникальными транзитивными, финансовыми и культурными институтами. Но главное, с более конструктивными для всего человечества азимутами.

На поверхности он предстает в качестве идейно-политического комплекса, доктринально фундированного неолиберализмом и служащего мировоззренческим и методологическим оправданием капиталистически-имперской экспансии в масштабе планеты¹. На ином уровне понимания показано, что именно он организует «глобальный человек» «не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, т.е. отношения социального, экономического и культурного неравенства»². Но если прибегнуть к аналитике А.С. Панарина, то все видится более сущностно-прозрачно: «Глобализм, опирающийся на не имеющую отечества диаспору международного финансового хищничества, грозит миру откатом: в экономике — от производительного принципа к спекулятивно-перераспределительному, ростовщическому; в политике — от плюралистической системы международного равновесия, базирующейся на принципе национального суверенитета, к беззастенчивому диктату носителей “однополярности”»³.

Как видим, именно в последнем варианте указаны субъект, а также экономическая и политическая проекции его планетарных притязаний. Помимо того, глобализм здесь ключ к пониманию феномена глобализации, и едва ли наоборот.

Дабы подтвердить правоту этой гипотезы, обратимся к дискуссии глобализации, используя ракурс *contradictio in contrarium*.

В этой связи любопытно затронуть концепцию отечественного ученого-глобалиста А.Н. Чумакова. Во-первых, ему принадлежит любопытная идея о создании «стереоскопической теории глобализации», которая бы включала в себя замыкание в одно целое трех составляющих социального развития — культуры, цивилизации и

¹ *Steger M.* Globalism: The Great Ideological Struggle of the Twenty-first Century. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2008.

² *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С. 623.

Причем этот процесс определяется законом организации больших масс людей, или «объективной тенденцией к вертикальному структурированию стран и народов». См.: *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С. 623.

³ *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 11.

глобализации¹. Во-вторых, он выделил и описал пять этапов глобализации, призывая понимать под нею многоаспектный *естественноисторический процесс* становления в масштабах планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей, охватывают все его основные сферы и проявляются тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса и социально-экономического развития². Этапы эти таковы: 1) с первой половины XVIII в. до 20-х гг. XX в. (мир замкнулся *географически*, в общих чертах — *экономически* и в значительной степени — *политически*); 2) 20–60-е гг. XX столетия (мир полностью замкнулся *экономически* и *политически*, а также стал замыкаться *экологически*); 3) 1960–1980 гг. (мир замкнулся *экологически* и стал замыкаться *информационно*); 4) конец 1990-х — настоящее время (мир замкнулся *информационно* и, возможно, замкнется *цивилизационно*); 5) гипотетический (произойдет *идеологическое, социокультурное, морально-этическое, ментальное* замыкание мира, а человечество сложится как единая целостность)³.

¹ Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2006. С. 13–18.

² Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 305.

Нисколько не отрицая наукоемкость этого определения, подчеркну тот факт, что оно не учитывает реальной природы цивилизаций, их культурные системы и исторические проекты. Проще говоря, А.Н. Чумаков отталкивается от предпосылки об исходной целостности человечества, а также науке, технике и экономике как судьбоносных факторах в его развитии. Насколько корректны подобные экстраполяции по отношению к развивающимся и отсталым странам, — вопрос риторический. Сам же А.Н. Чумаков, думается, ставит под сомнение свое собственное определение, конкретизируя четвертый этап глобализации. Ведь «цивилизационное замыкание» возможно там и тогда, где и когда будет создана равнодействующая из культурных кодов всех существующих цивилизаций. Но последнее пока невозможно из-за существующей разницы их культурных потенциалов.

Подробнее об этом предмете: Муза Д.Е. В поисках ценностных оснований для диалога современных культур // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты: Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева / Под общ. ред. Н.М. Мамедова, А.Н. Чумакова; Ответ. ред. А.А. Гезалов, И.Р. Мамед-заде. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. С. 165–176.

³ Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 368–405.

Несомненно, такая схема представляет научный и мировоззренческий интерес, но она отражает унитарно-стадиальную логику развития истории, которая представляет весь процесс в свете некоторого счастливого («гарантированного») конца. Но факты, увы, ей противоречат, как они противоречили философско-историческим схемам просветителей, Г.В.Ф. Гегеля, О. Конта, К. Маркса, У. Ростоу, О. Тоффлера...

Спрашивается: почему?

Скажем, если вдруг китайская цивилизация займет лидирующее положение в XXI веке, переформатирует историческое пространство и придаст новое направление ходу истории? Кроме того, спрашивается, захотят ли народы Запада, Латинской Америки, Африки нового замыкания мира, причем по китайскому идеологическому, социокультурному, моральному и ментальному образцам? Или всем актерам нужно будет признать правоту притязаний русской цивилизации, всегда тяготевшей к опеке «униженных и оскорбленных»? Или же будет ли вообще инициирован диалог о главном: об общей перспективе развития дискретного человечества, которая подготовлена христианством и Просвещением? На эти вопросы подобная линейная схема ответа не даст, поскольку нужны интервальные и синергетические средства описания реальности и прогнозирования ее развития.

В некотором отношении здесь может оказать свою услугу плюралистическое видение глобализации, точнее, представление *о множестве глобализаций*, имеющих право на реализацию в мировом пространстве и времени. Так, болгарский ученый В. Проданов отстаивает идею восьми глобализаций и конфликтном характере их совместного развертывания. Он указывает на: 1) ультралиберальную глобализацию, продвигаемую ведущими ТНК; 2) американизированную глобализацию; 3) азиатизированную глобализацию, олицетворяемую Китаем; 4) исламизированную глобализацию; 5) этатистско-консервативную глобализацию; 6) регионализированную глобализацию (ЕС, НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР, КАРИКОМ); 7) альтерглобализацию; 8) социал-демократизированную глобали-

зацию¹. Этот конкурс проектов, тем не менее, способен порождать конфликты, в т.ч. из-за неспособности ООН и других международных организаций контролировать идеологическую эволюцию человечества. В таком случае, глобализация имеет еще одно измерение, а именно субъективное.

В мировой литературе, посвященной феномену глобализации, иногда действительно различают объективную и субъективную стороны глобализации. При этом *объективная* — это возрастающая взаимозависимость национальных экономик, социальных систем и политических факторов, наконец, культурных практик, обнаруживаемая на фоне замыкания мегаобщества на окружающую среду, фактичность которой не зависит от какого-либо субъекта нынешнего этапа истории; *субъективная* — это планомерная деятельность *глобальных элит* (мирового правительства) против незападных цивилизаций, государств, точнее — большинства населения земли, с целью захвата глобальных планетарных ресурсов, инструментов глобального администрирования и общего управления мировыми процессами.

Причем сейчас происходящих, главным образом, на основе *неолиберальных идеологических презумпций*, проводником которых служит США и атлантическая цивилизация, хотя в XX веке мир испытал на себе и *левую идеологию глобализма*, которую олицетворял СССР и соцлагерь. В знаменателе, как мы знаем, торжествует неолиберализм.

Следует заметить, что обозначенная субъективная сторона почему-то находится в тени, хотя ряд исследователей указывают на факты и тенденции, свидетельствующие об управляемости процессом глобализации со стороны мировой олигархии. В частности, здесь нужно сказать о «мировом парламенте»² и «мировом

¹ Проданов В. Восемь глобализаций и конфликт между ними // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика — 2011»: «Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления». Москва, 18–22 мая 2011 г. / Под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина: В 2 т. М.: МАКС-Пресс, 2011. Т.1. С. 75–77.

² Американский чиновник и исследователь этой проблемы Г. Как сообщает о заседаниях «Мировых политических форумов» (1995–1999), «мирового парламента» (Рим, 4–5 ноября 2000 года). Среди делегатов этих мероприятий были

правительстве»¹, в компетенцию которых входит разработка общего политического сценария развития мира (в т.ч. подготовка Мировой Конституции), экологических, социальных и культурных проблем, в т.ч. «глобальной духовности».

Однако Александр Сергеевич Панарин ставил проблему в иной плоскости и значительно более остро: «Его носители на Западе — в сущности, те же этнические провинциалы, которые не хотят общечеловеческого будущего; их глобализм не идет дальше присвоения глобальных (планетарных) ресурсов алчным меньшинством «избранных», считающих все остальное человечество не достойным этого богатства. *Глобальные ресурсы для узко эгоистических интересов меньшинства — вот настоящее кредо «глобализма», о котором здесь идет речь»*² (курсив. — А.П.).

При этом масштабирование проблемы рекрутирования в «глобальную элиту» простирается на территорию России и постсоветских государств. В частности, философ выделил тут следующее: «Новая либеральная идеология не просто заняла поле научного коммунизма, но и очистила это поле от «примесей» обычного здравого смысла, осторожности и житейского благодушия. В результате появилось «молоко волчицы», и те, кто вскормлен им, окажутся способными на многое. Вот основные ингредиенты этого идеологического напитка.

папа Иоанн Павел II, бывший президент СССР М.С. Горбачев, финансист Дж. Сорос, заместитель Генсека ООН М. Стронг, верховный комиссар ООН по правам человека М. Робинсон, королева Иордании Ноор, бывший госсекретарь США К. Пауэлл, председатель Фонда Рокфеллеров С. Рокфеллер и др. См.: *Как Г. Глобализация. На пути к всемирному завоеванию*. СПб.: Руфь, 2005. С. 332–348.

¹ Сошлюсь на работу ассоциированного директора амстердамского Транснационального института, президента парижского Центра по наблюдению за процессами глобализации Дж. Сюзан: *Сюзан Дж. Доклад Лугано*. Екатеринбург: Ультра-Культура, 2005. Здесь, между прочим, говорится о радикальной перестройке многих государств, а также системы международных отношений. Моделью этой перестройки, по-видимому, будет та, которая использовалась в Англии во время «огораживания», т.е. лишения тысячи мелких фермеров земли и создания «текущего» населения. Поэтому есть смысл прислушаться к главному выводу книги: *«Либеральная, основанная на рынке система в настоящее время не обеспечивает счастья, комфорта и необходимой безопасности для большинства человечества; и она не будет обеспечивать их и для прогнозируемой численности населения в будущем»*. Сюзан Дж. Доклад Лугано. Екатеринбург: Ультра-Культура, 2005. С. 100, 102 (курсив мой. — Д.М.).

² *Панарин А.С. Искушение глобализмом*. М.: Эксмо, 2003. С. 16.

1. Новая апокалиптика: вера в то, что конец истории близок и человечество присутствует при последней схватке либерального добра с антилиберальным злом — схватке, исход которой, разумеется, предрешен.

2. «Формационное» высокомерие: капитализм американского образца выдается за высшую историческую формацию, заведомо превосходящую все предыдущие. Она автоматически наделяет своих представителей суперменскими качествами в любых возможных измерениях: решающим превосходством в экономической области, в административной и военной организации, в культуре. Люди этой формации возвышаются над всеми остальными, словно Гулливер в стране лилипутов. Большая часть этих лилипутов — злодеи и недоумки, носители бацилл «агрессивного традиционализма», меньшая — недотепы, нуждающиеся в опеке, защите и наставничестве». И далее: «Ментальная структура, лежащая в основе «победоносной» либеральной идеологии, напоминает структуру американского «супербоевика», где супермены окружены злодеями и страшилами, но в победоносных схватках с ними не получают и царапины. (Что за собой скрывает это неприятие царапин: предельное самомнение или предельную неспособность к жертвенности?) В этом пространстве нет места для малейшего проявления обычных человеческих ситуаций и чувств — оно технократически враждебно жизни.

3. Непреодолимая тяга к подтасовкам и «припискам». Уже в советской страсти к припискам, к «выведению мужского результата» таилось сочетание разнородных страстей и «стилей». Проявлением низкого стиля было стремление получать незаслуженные премии, повышение в должности и другие поощрения. Проявлением высокого стиля была «формационная» гордыня: советский человек не может работать и действовать плохо. Американский этос сохраняет эту дуальную структуру, доводя ее до экстатического состояния»¹.

Тем самым А.С. Панарин подводит нас к идее глобальных кочевников, этого нового субъекта, поставившего себя в экстраординарную позицию, а на деле отказавшегося от некогда привычных

¹ *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность XXI века. М.: Алгоритм, 2003. С. 7.

культурно-исторических (цивилизационных, национальных, ценностных) привязок.

Насколько он был (в общем и целом) прав показали события возвращения Крыма, «русская весна» в Донбассе и Новороссии в целом. Западные санкции как раз заставили кое-кого искать свою (глобальную) нишу, в который раз потокая цивилизационной «правоте» Запада и цивилизационным «слабостям» России, но не служить (мотивированно и твердо) интересам русского народа и целостности Русского мира. То же самое можно сказать о нынешней киевской «власти», прямо управляемой из «вашингтонского обкома». При этом сделавшей свой собственный народ заложником большой геополитической игры, сценарий и роли в которой прописаны не на ул. Банковой и ул. Грушевского.

Но такая поведенческая матрица агентов глобализма указывает на их приверженность финализму истории, имеющего энтелехию в пространстве, в котором отсутствуют адекватные формационные решения, касающиеся как ресурсных «пределов роста», так и алгоритмов доступа к ним (всего человечества — в макроисторическом, и народа — мезоисторическом масштабах). Отсюда эффект «милитаризации мышления». Но здесь уместен объективный критерий: «милитаризм — свидетельство дефицита культурно-исторического творчества, дефицита, порождающего отчаяние, предельную неустойчивость и всеобщий авантюризм»¹. Не это ли мы наблюдаем в действиях нескольких последних администраций США, ЦРУ, Пентагона, равно как и в сирийском и в украинском театре глобальной гражданской войны, где «Исламское государство Ирака и Леванта» — с одной стороны, а Коломойские и Ляшки — с другой, видят решение «проблемы Сирии» и «проблемы Донбасса» исключительно в карательных операциях.

Но вернемся к обсуждаемому предмету — глобализму и глобализации. В данном пункте обнаруживается, что у А.С. Панарина был союзник, правда, с иными мировоззренческим *credo* и теоретико-методологическими пристрастиями.

¹ *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. С. 16.

Согласно А.А. Зиновьеву, глобализация — это «самая грандиозно спланированная и постоянно планируемая в деталях и управляемая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управлением им в своих интересах»¹. Война, считал Зиновьев, вошедшая в новую фазу после 11 сентября 2001 года², приобрела гротескные черты: первой фазой глобализации была «холодная война» и целенаправленное разрушение СССР, второй — война с мусульманским миром (выразившейся в целой цепи цветных революций — в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, а теперь развернуло свою деятельность «Исламское государство Ирака и Леванта»), а третьей (уже спланированной и подспудно реализуемой) — война с азиатским коммунизмом, который олицетворяет современный Китай.

Помимо этого А.А. Зиновьев эмпирически зафиксировал антропокод «западоида». Так, основными чертами «западоидности» являются: практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкурентной борьбе, изобретательность, способность к риску, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху в деле, склонность к добросовестности в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими, способность к самодисциплине и самоорганизации³. Как видим, часть черт — привлекательны, а часть — отталкивающи. Однако эмпирически достоверно, что вторые перекрывают первые.

Так, например, смысл жизни западоидов сводится в конечном счете к двум пунктам: 1) добиваться максимально высокого жизненного уровня или хотя бы удержаться на достигнутом; 2) добиваться максимальной личной свободы, независимости от окружающих и личной защищенности⁴. Но эти пункты внутренней

¹ Зиновьев А.А. Мир и мы // Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М.: АСТ, 2009. С. 249.

² Зиновьев А.А. Мир и мы // Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М.: АСТ, 2009. С. 259–260.

³ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 47.

⁴ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 356.

организации, повторяюсь, имеют и внешнюю проекцию. Именно расшифровав ее, можно надеяться на понимание «нового мирового порядка», «глобализации» и «глобализма», механизмов социальной самоорганизации и суператтрактора Запада.

Итак, западное общество в ходе своей эволюции выработало три суммарных мотива своего жизневоспроизводства и развития: 1) принудительно высокий жизненный стандарт большинства населения, для которого этот стандарт зависит от личных усилий; 2) стремление к фактической (а не только юридической) личной свободе, к независимости от окружающих граждан и к защищенности от жизненных невзгод; 3) стремление к покорению планеты как средству первых двух мотивов¹.

Конечно, обсуждение глобализации в таких (панаринско / зинovieвских) терминах несколько непривычно, тем более для академической науки. Но весь парадокс состоит в том, что глобализм на сегодня не имеет равных по идейному и практическому оснащению соперников, а значит, мир, хотим ли того или нет, пребывает в режиме монолога торжествующего Запада и остальной части человечества.

Дабы этот промежуточный вывод не повис в воздухе, перейду к варианту усиленной аргументации.

Итак, глобализм, воспринимаемый как мондиализм и рыночный фундаментализм, ультралиберализм и индивидуализм, произрастающие из аксиосферы англо-саксонской и западноевропейской культур, выступает той проблематизирующей мировую динамику идеологией, специфика которой нуждается в уточнении. Обращение к данной проблеме назрело постольку, поскольку большая часть государств, членов бывшего соцлагеря, сломя голову ринулись в «цивилизованное сообщество» (евроатлантические структуры, единую Европу, НАТО, Всемирную торговую организацию и т.д.), забывая при этом, что культура, социальность и социокультурная идентичность, способствовавшие становлению и сохранению их уникальных форм, обязаны быть соизмеримы с посылами глобализации.

¹ *Зинovieв А.А.* Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 313.

Иными словами, в мире назрел конфликт ценностей, выступающий в двух масштабах: между цивилизациями и «внутри» каждой из них. Но именно этот конфликт (его транскрипция) был основным теоретическим интересом А.С. Панарина.

Между тем, на такую смелость в западной социальной науке решались не многие. Напротив, нередко вуалировались глобальные тенденции и скрывались пружины глобального противостояния.

Есть смысл проиллюстрировать этот момент на примере разрабатываемой Ж. Аттали мондиалистской концепции¹, ранее изложенной в книге «На пороге нового тысячелетия»². Причем французский автор сегодня едва ли не самый откровенный ревнитель глобализма и формационного творчества западной цивилизации. Именно об этом свидетельствует его последняя прогностическая работа, где подведен также и своеобразный итог предыдущим, более чем двадцатилетним размышлениям, дает развернутые аппроксимации на макро- и микросоциальные изменения глобального мира. Она ценна как своей конкретикой, так и градиентами смысла глобализма и глобализации.

Общий замысел автора сводится к тому, чтобы показать глобальный тренд (на 50 лет вперед и далее) не в свете привычных объяснительных средств — «невидимой руки» рынка (А. Смит), «хитрости разума» (Г. Гегель), «метафоры роста» (эволюционизм), «железных законов истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс), «ситуативной логики» (К.Р. Поппер), «геополитических законов» (К. Шмитт, А. Мэхэн, Х. Макиндер, Н. Спайкмен), «конца истории» (Ф. Фукуяма), но новой / старой исторической универсалии — свободе, воплощенной как в планетарном торжестве рыночных механизмов, так и работе мирового демократического правительства³.

Причем унитарно-стадиальный характер этой концепции (с девятью центрами «рыночной демократии», начиная с XII века:

¹ Совмещающего научную деятельность с деятельностью политической и финансовой, Жак Аттали является членом Бильдербергского клуба, а в 1990-е возглавлял Европейский банк реконструкции и развития, был советником Президента и министров правительства Франции.

² *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993.

³ *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. С. 9–17.

Брюгге, Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон, Бостон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес) не мешает автору рассматривать динамику мира через пять волн будущего: 1) конец *американской империи*; 2) рождение и гибель *полицентрической системы*; 3) конституирование *гиперимперии*; 4) генезис и расширение *гиперконфликта*; 5) триумф *гипердемократии*¹. При этом она не включает в себя нелинейных соотношений, точек бифуркации, режимов с обострением, спектра простых и сложных аттракторов, что вообще аксиоматично для современного социогуманитарного знания, предметом которого выступает сверхдинамичность и стохастичность современного мира².

Вместе с тем, главный козырь Ж. Аттали — прочертить движение мира к суператтрактору в виде «конца свободы во имя свободы» (!), хотя речь якобы идет о трех альтернативных траекториях развития — гиперимперии («власть денег»), гиперконфликте («власть оружия»), гипердемократии («власть гиперразума» и норма «общего блага»). Однако именно последняя артикулирована как аутентичный канал социальной эволюции, ведь «люди могут стать свободными лишь благодаря экономическому росту, прозрачности информации и расширению среднего класса»³. Поэтому на повестке дня «абсолютная коммерциализация времени», повышение мобильности личного и производственного номадизма («гиперкочевничество»), креативизация предпринимательской деятельности и формирование эгоцентрической карты рынка⁴, разрушение института государства как такового...

В свете сказанного непонятно, как стыкуются тезисы о «рынкеавоевателе», при планетарном развертывании которого по-

¹ *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. С. 114–265.

² *Муза Д.Е.* Феноменология нестабильности в фокусе социальной синергетики: методологический аспект // Методологические проблемы социально-гуманитарного познания: Монография / Гл. ред. докт. филос. наук, проф. И.В. Черданцева, И.В. Барнаул: Издательство АлтГУ, 2013. С. 195–210.

³ *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. С. 168.

⁴ Данный эпизод проиллюстрирую цитатой из работы Аттали: «Когда богатое меньшинство поймет, что его потребности лежат в сфере, подчиняющейся законам рынка, а не выборам, оно сделает все возможное, чтобы приватизировать эту сферу». См.: *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. С. 182.

новому педалируется принцип *homo homini lupus est*, и «трансчеловечестве», как носителе «экономики альтруизма», т.е. заботы о судьбе современников и потомков? Как новый креативный класс («создатели социальных и художественных инноваций») переломит ход истории, ведь в ней торжествуют именно рыночные инновации, вместе с *high tech* убравшие из эволюционного канала самого *homo sapiens-a*¹? Наконец, как будет функционировать гиперразум, эта «функция своих собственных интересов», коль скоро человечество и его интересы будут «лишь незначительной составляющей»², которой, в конце концов, можно пренебречь?

Дабы понять и оценить высказанные французским экономистом и политиком положения, необходимы два небольших отступления.

Первое. Некто иной, как А.С. Панарин, показал деструктивную роль кочевников, этого подлинного субъекта глобальных игр обмена. Но для этого была установлена генеалогия феномена кочевничества: мировоззренчески оно было подготовлено не только американским прагматизмом (У. Джеймсом, Дж. Дьюи и др.), но и французским постмодернизмом (Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Дерридой и др.). Однако если роль первых была подготовительной, то вторые направили свои усилия на разрушение («деконструкцию») универсалистских идеалов Просвещения (эпохи модерна) — истины, добра, красоты, равенства, братства, справедливости и т.п. и провозгласили свои идеалы, направленные на жизнь в «вечном настоящем».

Следует подчеркнуть, что практики деконструкции были направлены на «*метарассказы*», т.е. вырабатываемые каждой большой культурой *центральные смыслообразующие тексты*, «легитимирующие различные общественные практики по критериям истины, добра и красоты»³. При этом категория «метарассказ» охватывает как традиционные основания архитектоники мировых цивилизаций (восточно-христианской и западно-христианской, му-

¹ «Человек, — пишет Аттали, — воспроизводимый в качестве товара, перестанет признавать смерть: как и все промышленные предметы, он больше не сможет умереть, так как не рожден». См.: *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. С. 206.

² *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. С. 262.

³ *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 214.

сульманской, индо-буддийской, конфуцианско-даосской), так и мифы «экзальтированных политических движений», способствовавших религиозно-моральному или идеологическому воодушевлению народов. Собственно, западные интеллектуалы задались задачей расчистить мировое пространство от всех легитимированных моралью и имеющих стратегический — по своему значению — образец построения справедливого мира, в т.ч. тот, что рисовался деятелям эпохи Просвещения на самом Западе. Но если метарассказ требовал регулировать исторический процесс с позиций априорного замысла (проекта), то постмодернизм в смычке с глобализмом настаивает на растворении всех и вся в «рыночной стихии».

В конце концов, для судеб цивилизаций важно как уяснение этого управленческого «вызова» глобализма, так и претензии последнего на порождение новой субъектности: «Постмодернистский дискурс прямо обязывает нас всюду поддерживать силы дробления единого, ибо единое и цельное считается главным препятствием для тех универсальных «меновых практик» (или практик разменивания), которым всецело отдаются современные глобальные кочевники — граждане мира»¹. Но насколько абсурдна ставка на магию «рынка» и его клонов, показал другой теоретик и практик глобализма, политический деятель и финансовый спекулянт Дж. Сорос: «Их (рынков. — Д.М.) назначение — предлагать участникам альтернативы, а участники не обладают совершенным знанием. Это делает рынки, в особенности финансовые, принципиально нестабильными. Далее, рынки не предназначены для того, чтобы заботиться об общественных нуждах, таких как соблюдение закона или поддержание порядка, защита окружающей среды, обеспечение социальной справедливости, а также стабильности и здоровой конкуренции на самих рынках...»² Словом, на этом примере видно, что мы имеем дело со стратегической импотенцией Запада, желающего придать миру форму абсолютной деструкции.

Второе. Думается, что нестыковки концепции Ж. Аттали можно пояснить, обратившись к работам покойного академика

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 217.

² Сорос Дж. Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса. М.: Альпина бизнес букс, 2008. С. 69.

Н.Н. Моисеева. Здесь уместно сослаться на ряд положений его концепции универсального эволюционизма, в которой показаны тренды современной цивилизации, и среди них такое важнейшее свойство материи, как способность «обзаводиться интеллектом и общественными формами организации». Но сам интеллект и общественные формы памяти заняты производством «искусственного», т.е. материальных систем, чье бытие отличается парадоксальностью. Последняя выражается в амбивалентной природе самого разума (он создает человеку новые трудности, но и сам изобретает способы их преодоления)¹. Однако сами эти трудности имеют *внутрисоциальный* (достижения цивилизации, техники, технологии, культуры, порожденные трудом и разумом, присваиваются различными группами людей по-разному, создавая источник неравенства и неудовлетворенности)² и *интерсоциальный* характер (реально существующий социокультурный плюрализм человечества сталкивается с унификацией)³.

Но самое важное, что развитие культуры и духовного мира подчиняется, согласно Н.Н. Моисееву, действию *закона дивергенции*, а общества в своем развитии следуют по пути обнаружения устойчивости, хотя и не всегда достигают таковой, в т.ч. за счет сбоя во взаимоотношениях с природой. Точнее, игнорируя нравственный и экологический императивы, суть которых в ответственности за судьбу других людей и человечества в целом, равно как и ответственности за судьбу природного окружения⁴.

Далее, в работе «Пути к созиданию» (1992) Н.Н. Моисеев изложил перечень общих закономерностей, справедливых для всего существующего во Вселенной, т.е. процессов, протекающих в мертвой материи, в живом веществе и обществе. К их числу нужно отнести: *стохастичность и неопределенность; зависимость настоящего и будущего от прошлого; существование принципов отбора как объективных законов природы, вроде закона сохранения количества движения, так и субъективных, которые определяют свободу выбора, дарованную Природой Разуму; существование бифуркационных*

¹ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. С. 133.

² Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. С. 135.

³ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. С. 136.

⁴ Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М.: б.и., 1999. С. 47–48, 51.

механизмов, кардинально перестраивающих весь эволюционный процесс с принципиально непредсказуемыми последствиями; *цефализацию*, или непрерывный рост разнообразия возможных форм организации и ее сложности, несмотря на существование и противоположных интегративных тенденций¹. Т.е. он предложил набросок модели самоорганизующейся Вселенной, внутри которой происходит развитие природных, социальных и антропологических систем на основе общих для всех универсальных принципов.

Наконец, Н.Н. Моисеев связывал рост организованности и эффективности управления мировых процессов с проблемой принятия коллективных решений. Опираясь на теорию Ю.Б. Гермейера, он полагал, что структура многих кооперативных механизмов, методика их анализа и алгоритмическая реализация зависят от адекватного понимания структуры целей и интересов участников той или иной ситуации². Разумеется, применительно к фактуре постбиополярного мира. Позже он возлагал надежды по самоорганизации всех процессов в мире на Рынок, под которым понималась самоорганизация как таковая³. Но если в неживой и живой природе Рынок был относительно прост и эволюционировал вместе со всей материей, то «включение» Разума в Рынок привело живое вещество (и возможно, Вселенную) в качественно новое состояние. Прежде всего, речь идет о человечестве, активность которого складывается из активности каждого и всех, и оттого разнообразие и вариабельность бытия только растет. И никак не наоборот!

Но неолиберальную мысль и политику это не заботит. Ведь у Жака Аттали логика и морфология трансформации состоят в том, что воплощающий в себе десятую форму «рыночной демократии» топос, скорее всего, будет простираться от Северной Мексики до Западной Канады, хотя не исключены и иные топосы (конфигурация городов, представляющий ЕС — Франкфурт, Брюссель, Лилль, Париж, либо Сидней, Токио, Шанхай, Мумбаи), включая каркас из 11 государств (Япония, Китай, Индия, Россия, Индоне-

¹ Моисеев Н.Н. Пути к созиданию. М.: Республика, 1992. С. 69.

² Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. С. 279–280.

³ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 133 и сл.

зия, Корея, Австралия, Канада, ЮАР, Бразилия и Мексика). Но общая стратегия развития у глобальных игроков отсутствует, о чем говорят актуальные и потенциальные войны за сферы влияния, дефицитные ресурсы, территории, идентичность, наконец, религиозно-ценностное доминирование, которые в своем резонансе и могут обернуться гиперконфликтом.

Итак, с одной стороны, эта картография современного мира указывает на объективные центры силы и геополитические тенденции, сложившиеся за последние десятилетия, точкой бифуркации для которых стало падение Берлинской стены, крушение СССР и распад соцлагеря. Но с другой стороны, о чем прямо говорит Ж. Аттали, манифестируя свой глобалистский дискурс, не только через новое сосредоточение «креативного класса», инвестиций, технологических кластеров, но и посредством институционального регулирования (СБ ООН объединится с «Большой восьмеркой», открыто заработает «мировое правительство», а НАТО станет универсальным инструментом «принуждения к благу»!).

Конечно, в связи с такой дискурсивной редакцией проблем глобализма и глобализации важно затронуть вопрос о движущих силах глобализации. Среди них, например, называются изменение мотивации жизнедеятельности культурно-исторических субъектов (цивилизаций, наднациональных образований и национальных государств): *отчетливый переход от поисков спасения и погони за политической властью — к погоне за прибылями / сверхприбылями и развлечением*¹. Отсюда изменение и культурной субстанции, и самой социальной структуры: трансформация устойчивых связей, которые создавали мировые религии, светские идеологии эпохи модерна, национальные, колониальные и интернациональные империи — в рыночно-функциональные, флуктуирующе-коммуникативные и эластичные структуры типа Всемирной паутины, ТНК, негосударственных фондов и т.д.

Но замечу, что формально фиксируемое изменение мотивации не является спонтанным, скорее оно должно восприниматься как

¹ Хэлд Д., Голбрайт Д., Макгрею Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. С. 426–434.

длительный, а также направляемый и регулируемый процесс. Так, уже высказано мнение о духовном измерении глобализации: «Глобализация, включающая в себя объединение населения Земли в единую систему с управлением и поведением, по сути, означает своего рода слом сложившегося духовного мира людей, перестройку, изменение массового сознания»¹. Подобное изменение производится средствами информационно-психологической войны², заметно активизировавшееся после недавней резолюции Конгресса США № 758 в отношении России...

Но как бы ни прав в своем прогнозе А.С. Панарин относительно глобальной гражданской войны³, что показало наше катастро-

¹ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя зла. М.: Крымский мост-9д, Форум, 2001. С. 286.

² В рамках которой реализуется задача по испепелению пантеонов западных цивилизаций, внедрения лозунгов индивидуализма и гражданского общества, личной предприимчивости и т.н. «прав человека», но и поощряющих уничтожение субъектов, посягающих на глобальные альтернативы.

³ «Продвижение НАТО на восток, вплоть до прямого вторжения в постсоветское пространство, — и все это после ликвидации Варшавского договора — это, разумеется, новый взлом статус-кво. Объявление Украины, Закавказья, Средней Азии зоной «американских национальных интересов» — это, несомненно, продолжение стратегического наступления после того, как «холодная война» окончена. Претензия на полный контроль российской внутренней политики — это установление оккупационного режима в стране, добровольно сдавшейся и могущей, следовательно, рассчитывать на лояльность победителя. После всех этих событий для меня лично не оставалось никаких сомнений в том, что новая война непременно перерастет в горячую, с использованием всех методов военного поражения. Мир слишком велик для того, чтобы управляться одной-единственной страной; кроме того, такие характеристики, как полицентризм и многообразие, являются необходимой предпосылкой выживания человечества. Тот, кто посягает на это, тем самым объявляет миру войну не на жизнь, а на смерть. Единственное, в чем я ошибся, это сроки перерастания мировой войны, ведущейся нетрадиционными способами поражения (посредством «мягких военно-политических технологий»), в настоящую, горячую войну. Это произошло даже раньше, чем я предполагал, — в период нападения на Югославию. Тот факт, что агрессор начал не с мягкой периферии мира, где порог начала военных действий всегда оценивался как достаточно низкий, а с Балкан, с центра Европы, сразу же свидетельствовал о «серьезности» его намерений: он рискнул на шаг с необратимыми последствиями. Нападение на Югославию с принудительным привлечением европейских союзников означало, что США не потерпят никакого суверенитета Европы в стратегических вопросах: ее дело — беспрекословное повиновение, требуемое только в разгар войны». См.: *Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века.* М.: Алгоритм, 2003. С. 3.

фическое время, актуальной для гуманитарной интеллигенции остается задача, которую он же и обозначил: «Главной реакцией культуры, которой следует ожидать в ближайшем будущем, является реакция на *неподлинность*»¹ (курсив. — *А.П.*). Разумеется, здесь имеется весь объем социокультурных практик и институтов западной цивилизации, порожденных в ходе отрицания завоеваний Просвещения и создания «нового мирового порядка».

Такая реакция для всех существующих цивилизаций, их «творческого меньшинства» и инертного большинства, должна выражаться, во-первых, консолидации всех здоровых сил (научных, художественных, общественно-политических), по-прежнему мыслящих и реализующих свою идентичность в аксиосфере мировых религий и идеологических проектов, инспирированных Просвещением; во-вторых, в разоблачении несостоятельных (в моральном, междуна-

Позже, появился прогноз-завещание мыслителя, где рассмотрены «возможные альтернативы» этому деструктивному курсу:

«1. Россия и Запад наращивают «геополитический плюрализм». Россия восстанавливает свой геополитический капитал, одновременно упрочивая связи со своими традиционными союзниками и партнерами на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, на Тихом океане, не уходя в то же время от активной европейской политики. Запад со своей стороны восстанавливает способность к плюралистическому поведению посредством усиливающейся дифференциации позиций своих основных регионов: Северной Америки, Атлантической Европы, Центральной Европы. Обретенные таким образом гибкость и поливариантность препятствуют реставрации двухблокового мышления, ориентированного на тот или иной вариант «конца истории» (окончательной победы одной из сторон).

2. В ответ на игнорирование Западом законных геополитических интересов России и общей неудачи западнически настроенных реформаторов в России приходит к власти антизападническая, антилиберальная коалиция. Она круто поворачивает курс внешней политики на Восток, на союзничество с неудобными Западу режимами — и по возможности на прочный альянс с Китаем. Эта политика в мировоззренческом и идейном плане подкрепляется альтернативным вариантом постиндустриального общества, более соответствующим духу незападных цивилизаций. В мире постепенно кристаллизуется проект информационного общества незападного типа, посредством которого Россия и другие страны «вторичной модернизации» избавляются от комплекса неполноценности. Вместо эпигонской концепции «догоняющего развития» они берут на вооружение концепцию «опережающего развития», в рамках которой классическое индустриальное наследие рассматривается как помеха смелым инновационным скачкам». См.: *Панарин А.С.* В каком мире нам предстоит жить? // royallib.com/book/panarin.../v_kakom_mire_nam_predstoit_git.html (03.02.2015).

¹ *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 346.

родно-правовом, культурологическом, гуманитарном, но главное, в ценностном аспектах) притязаний Запада на абсолютное лидерство в мировых делах; в-третьих, в возвращении к метарассказам, в активном их перепрочтении с целью выявления духовных ресурсов для обеспечения нового формационного прорыва.

Если же этого не случится, то мировое разнообразие будет свернуто, в глобальных процессах и дальше будет торжествовать нигитопрактика, опирающаяся на нигитологию, а христианские и гуманистические критерии жизни навсегда останутся в прошлом. Иначе говоря, неподлинная историческая картина мира, прорисованная в текстах глобалистов, окончательно станет явью.

Диалог культур и ловушка глобализации: к методологии невыученных уроков Истории*

Казалось бы, уже приутихли, хотя не сошли на нет, бесконечные споры об истоках и самой природе глобализации, формах и направленности ее развертывания. Причем эти споры возникли из-за разницы позиций гиперглобалистов, трансформистов и скептиков, так и не нашедших общий концептуальный знаменатель, не говоря уже об аксиоматике.

Между тем попытки по созданию метапозиции имеют место, в т.ч. и в России. В этой связи нужно указать на концепцию отечественного ученого А.Н. Чумакова. Во-первых, ему принадлежит любопытная идея о создании «стереоскопической теории глобализации», которая бы включала в себя замыкание в одно целое трех составляющих социального развития — культуры, цивилизации и глобализации¹. Во-вторых, он выделил и описал пять этапов гло-

* Материал представлен на Международную научную конференцию «Культура диалога культур» (22 мая 2015 г., ИФ РАН).

¹ Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2006. С. 13–18.

бализации, призывая понимать под нею многоаспектный естественноисторический процесс становления в масштабах планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей, охватывают все его основные сферы и проявляются тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса и социально-экономического развития¹. Этапы эти таковы: 1) с первой половины XVIII в. до 20-х гг. XX в. (мир замкнулся *географически*, в общих чертах — *экономически* и в значительной степени — *политически*); 2) 20–60-е гг. XX столетия (мир полностью замкнулся *экономически* и *политически*, а также стал замыкаться *экологически*); 3) 1960–1980-е гг. (мир замкнулся *экологически* и стал замыкаться *информационно*); 4) конец 1990-х — настоящее время (мир замкнулся *информационно* и, возможно, замкнется *цивилизационно*); 5) гипотетический (произойдет *идеологическое, социокультурное, морально-этическое, ментальное* замыкание мира, а человечество сложится как единая целостность)².

Нисколько не отрицая эвристичность этой схемы, подчеркну тот факт, что в ней не прописан сюжет, посвященный культурному и цивилизационному «замыканию» мира. В том числе и главным образом — обеспеченного способом диалога. Вместе с тем он, этот сюжет, требует учета состояния реальной природы цивилизаций, их культурных систем и исторических проектов. Иначе говоря, установления способности субъектов исторического процесса к диалогу как таковому, включая диалог в мире тотальной глобализации по англосаксонским лекалам.

Однако прежде чем перейти к аналитической части и попытаться тематизировать обсуждаемый вопрос — не является ли глобализация ловушкой, дезавуирующей диалоговые интенции и ожидания акторов? — необходимо сделать две методологические ремарки.

Первая касается предпосылки об исходной целостности человечества, которая якобы автоматически гарантирует единство на

¹ Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 305.

² Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 368–405.

всех этапах истории, несмотря на внутриэпохальную и трансэпохальную диалектику. Более того, можно ли полагаться на мнение, восходящее к К. Ясперсу, в соответствии с которым наука, техника и экономика — суть судьбоносные факторы в его, человечества, организации и развития, т.н. «второе осевое время»? Насколько корректны подобные экстраполяции по отношению к развивающимся и отсталым странам, — вопрос риторический. Мировое разделение труда — вещь объективная, как объективным процессом является процесс культуртрегерства Запада.

Тем самым я делаю акцент на «цивилизационном замыкании», которое — на первый взгляд — возможно там и тогда, где и когда будет создана равнодействующая из культурных кодов всех существующих цивилизаций. Но последнее пока невозможно из-за существующей разницы их культурных потенциалов и малой эффективности средств (международно-правовых, моральных, образовательных) обеспечения сценария диалога (полилога)¹.

Иначе говоря, для форматирования и содержательной состыковки интенций субъектов культуры (цивилизаций) нужен шаг в сторону уяснения трансцендентального вопроса: как возможно пространство и время диалога, совмещение смыслов в точке их сборки с последующей — благодаря этому — самоналадке всей мировой социокультурной системы?

Среди существующего разнообразия подступов к проблеме диалога культур, точнее, нацеленности субъектов на таковой с прицелом выработки некоторых согласованных программ действий, разумеется, с «эффектом самораскрытия» самих культур — при сохранении своего голоса в полифонии, можно выделить несколько нетривиальных.

Так, речь может идти: о «биполушарной структуре истории», восточно-западном мегациклизме (А.С. Панарин); «правополушарными» и «левополушарными» культурами «по своей доминанте» (Вяс. Вс. Иванов); кросс-культурном анализе (А.С. Мамонтов),

¹ Муза Д.Е. В поисках ценностных оснований для диалога современных культур // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты: Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева / Под общ. ред. Н.М. Мамедова, А.Н. Чумакова; Ответ. ред. А.А. Гезалов, И.Р. Мамед-заде. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. С.165–176.

субэкуменальных узлах и регионах взаимодействия культур (Г.С. Померанц); принципе цадаки (Дж. Сакс) и т.д.

Однако мне представляются эти подходы не вполне эвристичными, прежде всего, в силу игнорирования глобального по своей форме и сути процесса «похищения Истории», а значит, историй конкретных культурно-исторических общностей или цивилизаций.

Здесь имеется в виду не только достаточно четко предметно очерченное британским культурологом и антропологом Дж. Гуди это ранее неизведанное проблемное поле. В частности, указанием на то, что «Европа не просто пренебрегла историей остального мира или преуменьшала ее значение, что приводило к последовательному искажению собственно европейской истории, но и как в Европе разрабатывали исторические концепции и периодизацию, усиливавшие восприятие Азии в определенном ключе, что, несомненно, повлияло и на понимание ее прошлого, и представление о ее будущем»¹. Причем не только искажением пространственно-временных, но институциональных и ценностных деформаций. Под этим углом зрения иначе звучат: «похищение “цивилизации”» (Н. Элиас), «похищение «капитализма» (Ф. Бродель), «похищение социальных институтов» — семьи, города и университета, наконец, похищение автохтонных ценностей и замена их на «гуманизм», демократию», «индивидуализм» (в их сугубо европейской реакции)².

Однако более жестко проблеме «похищения истории», равно как и «похищения России», поставил и раскрыл А.С. Панарин. В своей работе «Россия в циклах мировой истории» (1999) он описал ситуацию, в рамках которой:

а) динамика модерна, прежде всего его идеологических конструкций — либерализма и марксизма, создали свои модели похищения, дифференцировав все общества, выделив референтную группу — «средний класс» и «пролетариат» и организовав тем самым разрыв между Большой историей и народной повседневностью;

б) «открытое» общество, навязываемое по всему миру, в своей практике касается не только экономики, но и сфер идеологии, об-

¹ Гуди Дж. Похищение истории. М.: Весь мир, 2015. С. 22.

² Гуди Дж. Похищение истории. М.: Весь мир, 2015. С. 173–246, 247–288, 289–412.

разования, культуры, демонстративно призывая не-Запад открыться его «плодотворному» влиянию;

в) технологический *ratio*, лишенный любви, выхватил из-под опеки великих культур Востока — природу, с ее механизмами самоорганизации, и бросил ее в «топку» Прогресса;

г) мораль успеха, тиражируемая повсеместно, атакует и выводит из игры трудовую (аграрного и промышленного обществ) мораль, по сути ничего не предлагая взамен¹.

Разумеется, все эти тенденции умножились при вхождении человечества в русло глобализации. Конечно, можно по-прежнему сохранять благодушие к западной культуре (Западу присущ «дух терпимости»²), но достаточно посмотреть на декларируемые и реализуемые принципы «стратегии умной силы»³, чтобы окончательно разувериться в мифе о нейтралитете Запада в плане изошренного форматирования истории. Попросту — в ее похищении. Здесь диалог в формы политического участия США и их союзников даже не закладывается(!). Т.е. перед нами — очередная ловушка глобализации, вводимая в применение после вышеуказанных.

Иное дело отечественная парадигма, в лице того же А.С. Панарина четко сформулировавшая свою позицию: *принцип плюрализма мировых культур* означает, что «каждую из них нужно рассматривать как носительницу спасительного разнообразия, как воплощение того или иного альтернативного варианта не в духе взаимоисключения, а в духе дополнительности»⁴.

Собственно, это онтологическое условие остается невыполненным, и вследствие этого, диалог культур (если не считать площадки симулякров — «свободный рынок», «права человека», «американский культурный универсализм» и т.д.) остается невозможным. А значит, будущее человечества по-прежнему неопределенно.

¹ Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Издательство МГУ, 1999. С. 42–174.

² Померанц Г. Современный спор цивилизаций // Померанц Г., Миркина З. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 9.

³ Най С. Джозеф (младший). Будущее власти. М.: АСТ, 2014.

⁴ Панарин А.С. Тайна железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. С. 219.

Идея ответственности и ее реализация на макро- и микроуровнях всемирной истории*

Внимание, уделяемое представителями современных социально-гуманитарных наук проблеме ответственности, трудно назвать достаточным. И дело отнюдь не в реальной политической эквилибристике большинства нынешних акторов, своей деятельностью отрицающих идею ответственности. Скажем, тех же США, «освободивших себя от действия международного права» (Н. Хомски), а именно: *de facto* в 1999 году после вторжения в Югославию, а *de jure* в 2002 году после принятия «Стратегии национальной безопасности». Но тоже касается мировой экономики, основу которой по-прежнему составляют принципы и методы западной экономической мысли, которая неспособна дать трезвую оценку разработанным и внедренным ею же моделям¹. В т.ч. выработать рецепты по преодолению затягивающегося глобального экономического кризиса.

Думается, проблема состоит как в объективном «запаздывании» этической рефлексии социально-исторических трансформаций, так и в том, что идея ответственности — в качестве регулятивной — вообще отсутствовала в исторических мегапроектах². В качестве примера приведу два случая отставания рефлексивно-оценочных процедур. Обе из них касаются проработки сбоев в

* Материал лег в основу публикации соответствующего параграфа в коллективной монографии: Феномен ответственности в мире тотальной глобализации: монография. Симферополь: ИТ «Ариал», 2013. С. 280–297.

¹ В качестве ремарки здесь напрашивается признание Дж. Сороса: «Их (рынков. — Д.М.) назначение — предлагать участникам альтернативы, а участники не обладают совершенным знанием. Это делают рынки, в особенности финансовые, принципиально нестабильными. Далее, рынки не предназначены для того, чтобы заботиться об общественных нуждах, таких как соблюдение закона или поддержание порядка, защита окружающей среды, обеспечение социальной справедливости, а также стабильности и здоровой конкуренции на самих рынках...» См.: *Сорос Дж. Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса*. М.: Альпина бизнес букс, 2008. С. 69.

В таком случае спрашивается: зачем вообще нужна подобная система?

² Исключение здесь представлял Г. Йонас, предложивший в своей работе «Принцип ответственности» (1979) сделать идею ответственности имманентной для превалирующих форм деятельности в рамках технологической цивилизации.

жизнедеятельности современных обществ. При этом, хотя каждая по-разному артикулирует общие причины обструкции акциальных и коммуникативных аспектов социального бытия, равно как и сами процедуры подчинения субъектов с их притязаниями «диктату ответственности».

Так, интересный вариант трактовки причин *in* ответственности в мировых делах был предложен французской писательницей Симоной Вейль во время Второй мировой войны. Она, между прочим, показала, что любая концепция прав (в т.ч., отраженная во Всеобщей Декларации прав человека) — онтологически и нравственно неполноценна и должна быть переосмыслена и дополнена укореняющими современного человека пунктами. Ее «Декларацию обязанностей по отношению к человеку» включает в себя вечные и неизменные долженствования, соответствующие предназначению человека вообще (потребностям его души), а не только навязанному миру селективному либеральному англо-саксонскому «стандарту». Среди них: порядок и ответственность, равенство и иерархия, свобода и подчинение, частная и коллективная собственность, правда и честь, безопасность и наказания¹. Естественно, что категория «ответственность» здесь отведена из ключевых позиций, поскольку она увязана с принципом сохранения общности, а значит, с реальным, а не только желаемым порядком бытия.

В свою очередь немецкий политолог и публицист Марион Греффин Денхофф в 90-е годы XX столетия подготовила и опубликовала «12 тезисов против вседозволенности». Если попытаться передать главное, то оно кристаллизовано в следующем: «Безудержное стремление ко все новому, прогрессу, ко все большей свободе, удовлетворению постоянно растущих ожиданий разрушает любое общество и ведет в итоге к анархистским порядкам. В таких условиях гармония и стабильность невозможны». Напротив, «именно в современном мире с его многообразными соблазнами и привлекательными предложениями растет потребность в базовой моральной ориентации и системе обязывающих ценностей»². Проще го-

¹ Вейль С. Укоренение // Вейль С. Укоренение. Письмо к клирику. К.: Дух и литера, 2000. С. 35–60.

² Денхофф М. Двенадцать тезисов против вседозволенности // Денхофф М.

вора, пути свободы в современном обществе должны быть выверены и обозначены упреждающими и регулируемыми знаками.

Как видим, такая фокусировка внимания имеет вполне объективные квоты в историческом процессе, в структуре и динамике которого вообще могли вырваться феномены, подобные «Всеобщей декларации прав человека», и несмотря на все усилия западных интеллектуалов¹ не были прописаны пункты, органично связанные с ответственностью и ее фигурами.

В этой связи ниже я попытаюсь обрисовать макро- и микроисторические источники тотальной безответственности западной цивилизации, сделав ряд важных акцентов на ее исторической динамике. Между тем, сама историческая динамика масштабно ставит вопрос о ее историческом лидерстве, равно как об издержках этого лидерства, сопряженных с институциональными и ценностными аспектами жизнеустройства (рационализм, ставка на инновации, индивидуализм и правоогороживание, либерализм и демократию). Сами же формулируемые здесь вопросы касаются монолизма внешней политики, прогрессирующей милитаризации, технико-технологических авантюр, искусственно раскручиваемой спирали потребностей, слабо соотнесенных не только с «хозяйственной емкостью биосферы», но и с историческими гарантиями жизни обществ, находящихся на разных этапах и уровнях социоисторической эволюции.

В обширной литературе последних лет к проблеме исторического лидерства западной цивилизации и вытекающим из него из-

Границы свободы: пер. с нем. М.: Международное отношения, 2001. С. 225, 227.

¹ В данном случае приходится только упомянуть представителя восточной цивилизации — М.К. Ганди, который вполне справедливо указал на «семь социальных грехов человека», способных затормозить или разрушить позитивную социальную динамику. Речь идет о:

 Политике без принципов,
 Богатстве без труда,
 Удовольствии без совести,
 Знании без честности,
 Бизнесе без морали,
 Науке без гуманности,
 Религии без жертвенности.

Цит. по: Абулмагд А.К., Арипсе Л., Ашрави Х. и др. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями. М.: Логос, 2002. С. 160.

держкам обращались как украинские (В.А. Дергачев, Ф.В. Лазарев, Ю.В. Павленко, С.Л. Удовик, А.М. Черныш, М.А. Шепелев), российские (В.А. Коптюг, Д.С. Львов, Н.Н. Моисеев, В.М. Мотроsov, Г.В. Осипов, С.П. Капица, Б.В. Раушенбах, А.Д. Урсул)¹, белорусские (А.И. Зеленков, И.Я. Левяш), так и зарубежные авторы (П.Дж. Бьюкенен, У. Мак-Нил, Ч. Капхен, Э. Саид, Н. Хомски, С. Эйзенштадт). Тем не менее, в общем знаменателе здесь просматриваются два противоречивых варианта: 1) *монологический*, т.е. окончательного и безальтернативного первенства Запада; 2) *полилогический* (синергийный), т.е. вариант коррекции той траектории, которую Запад считает единственно легитимной.

Между прочим, некто иной, как У. Мак-Нил, стремился узаконить эту точку зрения, хотя в макроистории видел периодическую смену «лидирующих» цивилизаций: средиземноморских эллинистических (500 г. до н.э. — 200 г. н.э.), Индии (200–600), реинтегрированного исламом Среднего Востока (600–1000), Китая (1000–1500), Запада (1500–?)². Но он же пророчил: в ожидаемом будущем «любое всемирное государство будет империей Запада», и даже если «незападному миру каким-то образом удалось получить полный контроль над мировым политико-военным правительством — он должен был бы снова вводить такие западные характерные особенности, как индустриализм, наука и общественное оправдание власти посредством ее защиты с помощью той или иной политической веры»³.

Напротив, философско-историческая концепция А.С. Панарина опирается на идею мегациклизма, развернутую в представление о

¹ Конечно, российский опыт рефлексии трансформаций социокультурной системы России под шаблон западной техно-потребительской цивилизации весьма ценен. См.: Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / Отв. ред. Г.В. Осипов. 2-е изд., доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

Но думается, написание текстов «Глобальный кризис западной цивилизации и Украина», а главное, — «Глобальный кризис западной цивилизации и судьба «русского мира» только ожидается в будущем. По крайней мере, системное восприятие кризиса и путей выхода из него нашей цивилизацией требует такового.

² Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. К.: Ника-Центр; М.: Скарлайт, 2004.

³ Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. К.: Ника-Центр; М.: Скарлайт, 2004. С. 1031.

завершении пятисотлетнего «западного мегацикла» и переходе исторической эстафеты к Востоку. Но современный этап истории имеет подчеркнутую формулу драмы: «ответы» акторов самонадеянному настоящему (Западу, торжествующему в мире после победы в «холодной войне»), будут выглядеть как «тираноборческий бунт будущего» против его монологической цивилизационной миссии. Этот взгляд подкреплен такими аргументами: во-первых, тезис о замене линейной версии истории циклической; во-вторых, тезис, касающийся несимметричной роли эндогенных и экзогенных факторов мирового развития: «если... каждая из земных цивилизаций обладает собственным типом времени и соответствующей исторической программой, то исторический процесс чрезвычайно усложняется: очередная встреча цивилизаций, их напряженный диалог ведут к резкому усложнению траектории развития человечества»¹.

Разумеется, в этом споре исторического детерминизма и стохастичности, линейности и нелинейности, моно- и полилогизма возможна и более определенная позиция, проливающая свет на структурообразующую роль Запада в мировой истории. Отсюда намерение — предметно уяснить генезис и специфику лидерства западной цивилизации, а также акцентировать внимание на проблеме ответственности его, как субъекта истории, за сбои и провалы в историческом движении, в которое вовлечены иные субъекты. Но, кроме того, показать микроуровневый масштаб генезиса и развития проблемы, вплоть до ее нынешних манифестаций.

Итак, предлагаемая мною версия истоков и формы лидерства западной цивилизации, во-первых, связана со структурным пониманием становления ее первого этапа, т.е. строительства «цивилизации модерна». Но ниже будет дано иное, чем у Э. Валлерстайна² расчленение, этого фундирующего не только для Запада, но и для всех цивилизаций процесса и его результатов.

¹ *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М.: Издательство МГУ, 1999. С. 14–15, 30.

² *Валлерстайн И.* Рождение и будущая кончина миросистемы: концептуальная основа сравнительного анализа // *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Итак, нужно признать, что Запад в *первой фазе модерна* (1492–1640) осуществил:

- разноразправленную географическую экспансию, завершившуюся объединением (стягиванием) мирового пространства вокруг возникших и стремительно утверждавшихся и спорящих метрополий (Генуи, Венеции, Лиссабона и Амстердама) и их интересов;

- во многом спонтанную демографическую экспансию, выразившуюся в переселении неинституционализированных и маргинальных социальных элементов Европы на иные континенты;

- поначалу стихийную, затем управляемую экономическую экспансию, повлиявшую на формирование капитализма как «суммы привычек, способов, ухищрений, достижений» (Ф. Бродель), на институциональном уровне представленную не только «рынком», но также накоплением, формированием финансовых олигархий, бирж, различных форм кредита и т.д.¹, вплоть до «бесконечного накопления»².

- геополитическую экспансию, выразившуюся в захвате (аннексии) и освоении новых территорий для обеспечения собственного экономического процветания и политического доминирования «талассократических обществ».

Все эти действия, естественно, имели технологическую поддержку. Так, Ф. Бродель считал, что изобретение артиллерии (1420), книгопечатания (1458–1459) и начало океанических плаваний (1430) явились теми тремя техническими революциями, которые предопределили наступившую «асимметрию» мира³. В свою очередь, У. Мак-Нил, указавший на то, что порох, книгопечатание и компас — суть заимствованные Западом у Китая артефакты, построил свою аргументацию в этом вопросе на принципе коммерциализации войны. «Коммерциализация организованного применения насилия», т.е. влияние рыночных факторов на производство и сбыт

¹ *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 146–160, 161–188, 189–217, 218–340, 343.

² *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 218–219.

³ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. С. 410–457.

вооружений, формирование и оснащение государственных и наемных армий (флота), стала отличительной чертой наступившей эпохи. Более того, период 1500–1900 гг., по У. Мак-Нилу, характеризует уникальность Европы в сфере активного взаимодействия европейских государств, квазигосударств и частных предпринимателей, которые породили гибкие формулы реагирования на новые «вызовы», как они несколькими столетиями спустя породили «гонку вооружений» (!)¹.

Общий вывод американского историка еще более откровенен: «согласившись, хоть скрепя сердце (при противодействии католической церкви ростовщичеству и коммерции внутри Европы. — *Д.М.*), с принципом индивидуальной погони за прибылью, западноевропейские страны обеспечили себе господство над остальным миром»².

Итогом этих социокультурных метаморфоз можно считать принципиально новую, хотя и не устойчивую, конфигурацию мировых цивилизаций, в которой Запад недвусмысленно обозначил свои претензии на лидерство. При этом генерация новых международных отношений никак не рефлексировалась со стороны ответственности за совершаемое, в частности, ликвидации иных версий исторического структурогенеза, а значит, и их субъектов.

Следующая, *вторая фаза модерна* (1640–1914), которая усилила и закрепила ранее достигнутое Западом преимущество в «осевании» (структурировании) истории. Она характеризуется созданием:

– разветвленной колониальной системы, смысл которой в жесткой и безальтернативной эксплуатации ранее открытых территорий и туземного населения;

– механизма принуждения (формы поддержания внутреннего порядка и государственной интервенции силами армии, полиции, фискальными органами), действующего в унисон с капитализмом, устанавливающим сферу эксплуатации и ее границы³;

¹ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в IX–XX веках. М.: ИД «Территория будущего», 2008. С. 87–101, 101–124.

² Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в IX–XX веках. М.: ИД «Территория будущего», 2008. С. 139.

³ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: ИД «Территория будущего», 2009. С. 43–46.

– определенного экономического порядка (иерархии способов производства, на вершине которой располагается капитализм, стремящийся к господству) и соответствующего такой системе — международного разделения труда;

– финансовой инфраструктуры, способной расширяться и контролировать общую торговую конъюнктуру, отдельные национальные продукты и бюджет¹;

– специфических «бизнес-циклов», возникших на основе индустриального прорыва (железнодорожные магистрали, океаническое судоходство, телеграф и т.п.)²;

– политико-правовых механизмов, узаконивавших доминирование государств, входящих в западную цивилизацию или ее цивилизационную орбиту³.

Разумеется, осуществление этих мероприятий опиралось на весьма определенные основания и востребовало те ресурсы, которые были в состоянии обеспечить полноценный и долговременный успех западному сообществу. Формально в рассматриваемый период происходят научная и промышленная революции⁴, благо-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1988. Т. 2: Игры обмена. С. 531–535.

² Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875 гг. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 69–97.

³ Согласно К. Шмитту, этот процесс начался в 1492 году и продлился вплоть до XX столетия. На первом этапе были выделены «глобальные линии»: 1) для миссионерской деятельности сильнейших христианских государств в Новом свете; 2) т.н. «линии дружбы» между католическо-протестантскими странами; 3) западного полушария. Затем происходит структурирование самой западной цивилизации с выделением в ней имперских тел «великих держав» — Великобритании, Франции, Германии, США, Японии. Наконец, в XX веке пространственный порядок земли начинает регулироваться международным правом (Лига Наций, ООН), который методично нарушают в 1-й и 2-й мировых войнах народы — представители западной цивилизации и ее союзники. См.: Шмитт К. Номос земли в праве народов *ius publicum euroraeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 73–164, 165–286, 287–476.

⁴ По мнению британского историка науки Дж. Бернала, научная революция осуществлялась в три этапа: 1) возрожденческий (1440–1540); 2) этап первой буржуазной революции (1540–1650); 3) период стабилизации и зрелости (1650–1690). См.: Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 203–269.

В свою очередь, промышленная революция вначале заявила о себе в период с 1760 по 1830 гг., а именно в виде энергетической, аграрной, текстильной и революции материалов; затем в период с 1830 по 1870 гг. пришло время железных

даря которым Запад резко уходит вперед в экономическом, социальном и культурном планах. Конечно, прядильная машина С. Кромптона (1780), паровая машина Дж. Уатта (1785), железная дорога (1814), пароход Фултона (1819), паровой трамвай в Лондоне (1830), электромотор (1834), телеграф (1854), телефон (1860) и т.д. являются фактами, иллюстрирующими радикальный процесс социокультурных изменений. Прежде всего — в сфере производства и экономики, затем в социальной и собственно культурной сфере. Так, по словам Л. Мамфорда, постепенно произошла «механизация Мамоны»¹.

Между тем, «скачок» западной цивилизации из общества аграрного типа к стадии ранней и зрелой индустриализации сопровождался жесткой конкуренцией за право быть лидером (ядром) цивилизационного космоса. Сам этот процесс по большому историческому счету определялся установками протестантской (кальвинистской) этики, либеральными императивами, формализованными в теории общественного договора и конституциях ведущих государств того времени (США, Франция, Великобритания).

На время прерывая изложение материала, хочу сделать одну важную методологическую ремарку. Думается, что со стороны философского мировоззрения рассматриваемый процесс перехода может быть представлен идеями знаменитого трактата Г.В.Ф. Гегеля. Немецкий философ, как известно, полагал, что формообразования объективного духа совершаются в государственно-правовой плоскости, и в частности, его объективациях в виде органически целостной свободы (=свободы государственно организованного народа). Кроме этого, в фокусе его внимания находились межгосударственные отношения, конституировавшиеся на фоне весьма определенной, западноцентристской схематики всемирной истории².

дорог, пароходов и телеграфа. См.: *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 288–309.

¹ *Мамфорд Л.* Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. С. 357–366.

² Всемирная история как процесс в сознании свободы, хотя и представляет собой историю суверенных государств — в рамках восточного, греческого, римского и германского миров, — но выглядит как мировоззренческая «натяжка», поскольку «законы разумности» — «свобода собственности» и «свобода личности» первым делом стали достоянием Запада. Точнее говоря, «абстракция либе-

Но здесь интересен иной ход мысли Гегеля, размещенный в «Философии права» и очерчивающий сущность точек зрения «моральности» и «нравственности». В частности, моральность здесь артикулируется как точка зрения бесконечной (в себе и для себя) воли. Причем самоопределение в моральности совершается в «чистом беспокойстве и деятельности», т.е. субъективно. Последнее не дает возможность зафиксировать моральное как противоположность неморальному, право — не-праву¹. Отсюда вопрос о том, каковы последствия (необходимые / случайные) самостоятельно действующей воли, и какова вменяемая ею самой вина, а значит, наказание, не может считаться удовлетворительно разрешенным. Хотя бы потому, что он связывается с психологическими категориями «умысел» и «намерение». Но тайной остается то, как в рамках этих категорий осуществляется скачок со ступени единичного — на ступень всеобщего. Например, Французская революция преподносится как необходимое событие с богатыми историческими обстоятельствами, а о вине тех или иных ее деятелей нельзя судить внешним образом.

В свою очередь, нравственность — «есть идея свободы», субстанциально питающая индивидов в деле ее реализации. На этом фоне ранние формы нравственности («вечная справедливость» или «в себе и для себя сущие Боги»), равные ступени особенного, сопоставляются с деяниями индивидов, которые способны не только к рефлексированию, но и полаганию совершенного государства и народа. Однако этот процесс, взятый в контексте манифестации свободы вплоть до ее отливки в «абсолютную всеобщность» на Западе, а затем и по всему миру, так или иначе, должен подразумевать реакцию других народов. Причем как позитивную, так и негативную. Но второй случай (с отрицательной обратной связью) куда более интересен для нашей темы, поскольку он вы-

рализма» из Франции обошла кругом весь романский мир», и это несмотря на «религиозное рабство» некоторых народов. Из протестантских наций — Англия, реализуя партикулярные интересы своих граждан (в чем ей заметно помогла Реформация), тем не менее, взяла на себя смелость быть «миссионерами цивилизации во всем мире». См.: *Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории*. СПб.: Наука, 1993. С. 447–454.

¹ *Гегель Г.В.Ф. Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 154–156.

являет несостоятельность либерально-субъективистски ориентированной политики западных держав¹, оказавшихся неготовых к управлению инициированными процессами. Прежде всего, за тот *min* ответственности, который был проявлен в указанных выше акциях. Несостоятельность такой позиции выдает и следующее: «Самосознание народов состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах»².

Спрашивается: если эта решающая черта была реализована Западом, то отчего: 1) униженные и жестко эксплуатируемые народы не преподнесли созерцающему их западному разуму урок в виде привлечения к ответственности; 2) вскоре возникла общеевропейская распря (*Grand war*), захватившая весь остальной мир? Разумеется, эти вопросы не носят риторический характер. Скорее наоборот, ведь дальнейшая история предоставила повод убедиться в их правильности.

Так, внутренняя борьба в западной цивилизации достигла своего апогея при столкновении интересов в 1914–1918 гг. Германии и стран Антанты, с одной стороны, Германии и России — с другой. Но России, вставшей на путь частичной модернизации и вестернизации в эпоху Александра II и пытавшейся реализовать отличный от западного модерна проект. Как мне удалось показать ранее³, этот проект не мог быть реализован по причине препятствия ему со стороны как противников, так и союзников (наивный блицкриг, который вытекал из плана А. фон Шлиффена, не был реализован, но в то же время «Меморандум» А. Гельфанда—Парвуса и «Программа» В. Вильсона возымели свое синергетическое действие). В конце концов, Россия была унижена и раздавлена «внутренним» и «внешним» «джокерами».

Тем не менее, в Первой мировой войне, хотя и были победители и побежденные, все же интрига вокруг доминирования Запада приобрела новый вид: с появлением на исторической арене СССР

¹ Гегель вообще указывает на государственные народы, как на субъекты исторического процесса.

² Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 200–208, 480.

³ Муза Д.Е. *Россия в Первой мировой войне: попытка синергетической интерпретации // Россия и Великая война: Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: Материалы Международной научной конференции*. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Издательство МГУ, 2011. С. 118–124.

и стран социалистического лагеря наступает новая, *биполярная фаза в развитии мировой истории* (1917–1991). Она распадается на два этапа — до Второй мировой войны и послевоенный период, отмеченный конкурентной борьбой двух систем — капиталистической и социалистической. Эту борьбу за глобальное лидерство СССР и соцлагерь проиграл, о чем свидетельствует факт крушения советской цивилизации и распад всей системы социализма.

При этом нужно отметить, что технический, социально-экономический и культурный подъем послевоенного СССР заставил западную цивилизацию значительно консолидироваться. Для этого была выработана: 1) политика сдерживания (Дж. Кеннан) глобальной советской экспансии; 2) наступательная политика, направленная на «разрушение идейно-психологического иммунитета населения» Советского Союза как контрагента Запада в глобальной игре.

Действительно, последовательная внутренняя и внешняя политика И. Сталина резко сократила «охотничью зону» западной цивилизации (А.А. Зиновьев). Поэтому были предприняты беспрецедентные меры по разрушению всей социалистической системы, на которую сейчас, во многом незаслуженно, возлагается историческая вина за 2-ю мировую войну и другие исторические катаклизмы. В этой связи, думается, полезно вспомнить о Резолюции Конгресса США от 17 июля 1959 года, впоследствии ставшей законом P.L. 86–90 «О порабощенных нациях». Здесь ставилась недвусмысленная цель: освободить жертвы «империалистической политики коммунистической России, приведшей с помощью прямой и косвенной агрессии, начиная с 1918 года, к созданию огромной империи, представляющей прямую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех народов мира»¹.

Суть слов Резолюции станет понятной, если перейти к *нынешней фазе истории человечества* и его поводья — Запада (1991 г. — настоящее время). В основополагающем документе США как ядра западной цивилизации («Стратегия национальной безопасности США в XXI ст.» — 2002), в которой затронуты и внутренние, и мировые

¹ Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. За что и с кем мы воевали. М.: АЙРИС-пресс, 2007. С. 195.

дела, говорится о предотвращении появления страны или группы стран, способных противостоять США в глобальном масштабе, а также противников, способных доминировать в ключевых регионах мира. Иначе говоря, после целенаправленного разрушения СССР США оставляют за собой право (хотя это — прямая компетенция ООН!) определять взаимоотношения между государствами и народами. В терминах философии истории — задавать структуру, внутреннюю интригу и направленность исторического процесса.

При этом сам собой возникает вопрос о том, почему данную функцию должна выполнять западная цивилизация, ведь на ее историческом счету практически весь объем глобальных проблем: от тотальной милитаризации мира до явно выраженного негативного «экологического следа»?

Для понимания контурно намеченной пятисотлетней трансформации истории, т.е. перекомпоновкой ее структуры вокруг «оси», западной цивилизацией, необходимы содержательные средства. В них действительно нет недостатка, поскольку ранее предлагались различные подходы — социологические (Э. Дюркгейм, Ф. Тенис, М. Вебер, Н. Элиас, Т. Парсонс), культурологические (Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, К. Леви-Стросс), социально-психологические (Г. Лебон, К.-Г. Юнг, С. Московичи, Э. Фромм), экономические (К. Маркс, В. Зомбарт, Л. фон Мизес, К. Поланьи) и философские (К. Леонтьев, Н. Бердяев, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ю. Хабермас). В большинстве своем они весьма ценны, но вопрос о порождающей и генерирующей именно такое положение дел в «матрице», остается открытым.

Дело в том, что именно в этот период западная цивилизация меняет базисный для себя текст (христианский — на гуманистический, затем протестантский, затем просвещенческий, сциентистский, наконец, постмодернистский), тем самым «взрывая» собственный социокультурный код; она несколько раз меняет своего лидера (М. Лютер, Ж. Кальвин, Людовик XIV, император Наполеон, королева Виктория, канцлер Бисмарк, Гитлер, президенты США от В. Вильсона до Б. Обамы); реформирует и изменяет форму и содержание своих базисных цивилизационных институтов — церкви, семьи, школы, науки, искусства; возводит на иной, не свойственный им уровень функционирования экономические и

политические институты; наконец, создает принципиально новый тип человека — «западоида» (А.А. Зиновьев), с нетрадиционным образом мышления и действия.

К объяснению столь резкого исторического рывка Запада целесообразно привлечь общую гипотезу социальной психологии, которая дает ключ к пониманию моделей поведения «западоида», проясняет структуру его потребностей и ценностных ориентаций. Речь идет о теории социальных институтов А. Гелена — Х. Шельски, и теории архетипов К.Г. Юнга, приоткрывающей особенности институциональной деятельности и ментальных пластов сознания представителей различных народов и культур. Архетип, как известно, выступает тем базисным сценарием социального поведения, который скрыто мотивирует и направляет энергию человеческих коллективов в определенное смысловое русло. Архетип, как правило, неподотчетен разуму, и, несмотря на свою смысловую парадоксальность, может образовывать устойчивый альянс с инстинктами и сознанием людей. Согласно Юнгу, в архетипическую структуру могут входить разнообразные имперсональные символы, такие как «тело», «тень», «Дао», «пещера», «учитель» и т.д. Но это положение нуждается в корректировке, прежде всего в направлении выявления в коллективном бессознательном скрытых персональных архетипических сюжетов. По большому счету оба типа символов организуют массовое сознание, создавая для него не только координатно-смысловое поле деятельности, но задавая некоторые инвариантные сценарии или схемы поведения.

Здесь следует указать на то, что определенному этапу исторического развития всякого общества, в т.ч. западного, соответствуют превалирующие архетипы. Так, периоду модерна коррелятивен персонифицированный архетип Фауста; периоду постмодерна — архетипы Эдипа и Нарцисса¹.

В этой связи обращаюсь к идеям О. Шпенглера, а именно, к его пониманию «прасимвола» той культуры (цивилизации), которую

¹ Даже апелляция Г. Йонаса к архетипам Отца и ребенка здесь не могла ничего исправить. См.: *Муза Д.Е.* К вопросу об онтологических основаниях этики в эпоху «пост-» // Академия знаний: Научный журнал / Под ред. Ф.В. Лазарева. Симферополь: МАДН, 2010. № 4. С.14–19.

он назвал «фаустовской». Для нее «бесконечное пространство есть идеал, непрестанно *взыскуемый* западной душой в окружающем ее мире»¹ (курсив. — *О.Ш.*). Далее О. Шпенглер дает его, прасимвола, философско-историческое толкование: «Фаустовская культура была в сильнейшей степени направлена на расширение, будь то политического, хозяйственного или духовного характера; она преодолевала все географически-материальные преграды; она стремилась без какой-либо практической цели, лишь ради самого символа, достичь Северного и Южного полюсов; наконец, она превратила земную поверхность в одну колониальную область и хозяйственную систему. То, чего от Мейстера Экхарта до Канта взыскали все мыслители — подчинить мир, «как явление», властным притязаниям познающего Я, — то же от Оттона Великого до Наполеона делали все вожди. Безграничное было *исконной* целью их честолюбия: мировая монархия великих Салических императоров и Штауфенов, планы Григория VII и Иннокентия III, империя испанских Габсбургов, «в которой не заходило солнце», и тот самый империализм, из-за которого сегодня (строки написаны в мае 1918 года. — *Д.М.*) ведется далеко не законченная мировая война». И далее: «Зрелища, вроде переселения в Америку — каждый сам по себе, на свой страх и риск и с глубокой потребностью остаться одному, — испанских конкистадоров, потока калифорнийских золотоискателей, неукротимого желания свободы, одиночества, безмерной самостоятельности, гигантское отрицание так или иначе ограниченного чувства родины — все это есть нечто исключительно фаустовское. Такого не знает ни одна культура...»² (Курсив. — *О.Ш.*).

Другими словами, в архетипе «фаустовской души» присутствует и фиксируется интенция на глобальное господство, на покорение мира с последующим заполнением всего мирового пространства западными институтами и ценностями (военные контингенты, биржи, банки, капиталы, артефакты культуры и образ жизни и т.д.).

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. Т. 1: Гештальт и действительность. С. 338.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. Т. 1: Гештальт и действительность. С. 522, 523.

Тем самым нужно признать, что отмеченный аспект дает ключ к пониманию лидерства Запада как в плане претензий на глобальное лидерство вообще, включая реализацию властных отношений в созданной произвольно иерархической системе, так и того обстоятельства, что это лидерство не имеет универсальной этической санкции. В том числе постольку, поскольку «ответственности нельзя быть умозрительной, она приходит только с опытом»¹. Но этот опыт для западной цивилизации (ее саморефлексии) остался непроницаемым.

Конечно, можно не соглашаться с приведенной аргументацией немецкого философа О. Шпенглера, но приходится признать очевидное: «Во время европейской экспансии андская и мезоамериканская цивилизации были полностью уничтожены, индийская, исламская и африканская цивилизации покорены, а Китай, куда проникло европейское влияние, оказался в зависимости от него. Лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять бешеной атаке Запада и поддержать самостоятельное независимое существование»². Но самое главное заключается в том, что прогрессирующая милитаризация мира; навязывание экономической модели, основанной на максимальной эксплуатации земли и человека; колониализм и связанная с ней депопуляция зависимых регионов планеты; подчеркнутый индивидуализм и культ наживы; отчуждение человека, вызванное бурным развитием и эксплуатацией технических средств; расизм, национализм и натовизм; принципиальная экологическая близорукость и безответственность за совершаемые в мире дела — те факторы, которые характеризуют поступь западной цивилизации модерна, а вместе с ней, мировые проблемные ситуации.

Замечу, что пятисотлетние «телодвижения» западной цивилизации порождают массу внутренних издержек: экологических, социально-демографических и гуманитарных. И они действительно впечатляют: французский культуролог М. Фуко показал, что становление западной цивилизации модерна сопровождается форми-

¹ *Фрейре П.* Формування критичної свідомості. К.: Юніверс, 2003. С. 32.

² *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 173.

рованием ранее неизвестных тоталитарных институтов — тюрьмы-паноптикума, рабочего дома и клиники. По большому счету они призваны утилизировать негодный для исторического метаморфоза материал, т.е. людей, не вписывающихся в формы и жизненный ритм «цивилизации капитализма» (Й.А. Шумпетер). Однако сама эта жизненная социальная форма — есть порождение интеллекта и воли западного человека, структурное проявление его исторических мечтаний и надежд. Разумеется, не всегда адекватных действующим в мироздании физическим и нравственным законам. Но как быть с другими народами, которые по историческим, мировоззренческим и аксиологическим причинам не вписываются в эту, провозглашенную наиболее легитимной, форму?

В качестве общей конвенции для дальнейших рассуждений сошлюсь на теорию «общества риска», которая позволяет увидеть системные результаты эволюции западной цивилизации на этапе позднего (рефлексивного) модерна. Согласно немецкому социологу У. Беку современные риски невидимы, нелокализуемы (ни по происхождению, ни по последствиям), они непредсказуемы, а значит, говорить об их предотвращении просто не приходится. Происходящая на наших глазах «глобализация риска» осуществляется из-за стирания границ и легкого проникновения риска в сердцевину любого современного государства и общества¹. Но первым «обществом катастроф», тем не менее, стал именно Запад, регулярно и системно самовоспроизводящий риски и рефлексивно не поспевающий за ними, а кроме того, тиражируя их по всему миру.

Тем не менее, все риски можно разбить на три группы:

1) техно-индустриальные, обусловленные стремлением к обогащению (поскольку новые витки экономического роста отменить в принципе невозможно);

2) технико-индустриальные, обусловленные бедностью некоторых государств;

3) риски, связанные с угрозой применения оружия массового поражения, в т.ч. террористами.

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 42–53.

При этом понятно, что риски распределены между обществами неравномерно. Но общность страха перед глобальной катастрофой, считает У. Бек, должна породить совершенно новую межгосударственную конфигурацию с разработкой и проведением соответствующей субполитики¹. Только такой шаг, по его мнению, даст шанс выбраться человечеству из нынешней глобальной рискогенной ситуации.

Последняя, думается, связана с микроуровневыми (низовыми) структурами истории. Этот уровень риска как-то не принято тематизировать и обсуждать, однако именно здесь происходят самые потрясающие метаморфозы исторического процесса.

Выше я уже обращался к сюжету «западоида», но в данном контексте необходимо уточнение. Следует отдать должное А.А. Зиновьеву в том, что он эмпирически зафиксировал антропокод «западоида». Основными чертами «западоидности», по Зиновьеву, являются: практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкурентной борьбе, изобретательность, способность к риску, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху в деле, склонность к добросовестности в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими, способность к самодисциплине и самоорганизации². Как видим, часть его черт — привлекательны, а часть — отталкивающи. Однако вторые явно перекрывают первые. И это не случайно!

Ведь смысл жизни «западоидов» в конечном счете сводится к двум пунктам: 1) добиваться максимально высокого жизненного уровня или хотя бы удержаться на достигнутом; 2) добиваться максимальной личной свободы, независимости от окружающих и личной защищенности³. Но эти пункты внутренней организации, тем не менее, имеют и внешнюю проекцию. Западное общество в ходе своей эволюции выработало три суммарных мотива своего жизневос-

¹ Beck U. Vynalézání politiky. K teorii reflexivní modernizace. Praha: Sociologické nakladatelství, 2007.

² Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 47.

³ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 356.

производства и развития: 1) принудительно высокий жизненный стандарт большинства населения, для которого этот стандарт зависит от личных усилий; 2) стремление к фактической (а не только юридической) личной свободе, к независимости от окружающих граждан и к защищенности от жизненных невзгод; 3) стремление к покорению планеты как средству первых двух мотивов¹. Естественно, что такой разворот проблемы дает шанс связать внешний и внутренний активизм западной цивилизации, ее притязания, компетентность в решении мировых и собственных проблем, а также ответственность.

Но привлекаемый аргумент к риску лишь подтверждает общую догадку о том, что смена западной цивилизации моделей легитимности, некогда описанных М. Вебером, а именно, с традиционной на харизматическую и особенно легальную (защита прав человека), сегодня проходит стадию глобализации. Она может быть охарактеризована как идеологически-диффузная и структурно-порождающая, поскольку пост-ялтинско-потсдамский мировой порядок выстраивается при помощи неоллиберализма и предполагает американоцентричную структурную компоновку. Однако вопрос о том, опирается ли это лидерство (после недавних силовых акций — в Югославии, Афганистане, Ираке, Северной Африке, Ближнем Востоке, в частности, Сирии²) на доверие и признание мировым сообществом? В том числе, в плоскости моральных качеств и связанных с ними решений.

¹ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 313.

² Как указывает российский социолог А.К. Мамедов, «...события в Сирии и в богатой нефтью Ливии имеют ряд существенных отличий, и объединить их удастся не всегда... Главное, на наш взгляд, понять, что это не только срабатывание «принципа домино» и действие внешних сил (управляемый хаос). Налицо проявление синергетического эффекта, резонанса множества кризисов, совпадающих во времени и пространстве, т.е. в некоем хронотопе, когда сошлись геополитические, макроэкономические, социальные и иные факторы. В первую очередь, это общемировой кризис, породил своеобразную и еще не осознанную «кризис-матрешку», когда, решив один уровень кризиса, мы наталкиваемся на второй и т.д., пока не поймем, что кризис — это, к сожалению, неотъемлемый элемент развития современной цивилизации, основанной на воспроизводстве «одностороннего человека» (Г. Маркузе)...». В конце концов, «Гедонистическая цивилизация, ставящая во главу угла удовольствие, комфорт и наслаждение, не может не породить фундаментализм, экстремизм, радикализм и т.д., которые возникают, в первую очередь, как реакции на «усталую цивилизацию». См.: Мамедов А.К. Новая цивилизационная драма: поиск альтернатив // Геополитика. Информационно-аналитические издания. М.: Издательство МГУ, 2012. Вып. XV. С. 13–14.

Тем не менее, без трезвого понимания того обстоятельства, что коррекция ситуации (если она и возможна), должна идти по пути перестройки всей акциальной матрицы западной цивилизации, а именно, деятельности ее элит, институтов и «инертного большинства». Спрашивается: как это возможно? Ответ на этот вопрос нуждается в подсказке П. Рикера и историческом прецеденте. В первом случае нужно признать необходимость структурной изоморфности «радиуса ответственности»¹ любым видам деятельности. Причем на этом радиусе должны располагаться не только предосторожность, социализация рисков и наказание за поступок, но и признание исторической вины (!).

И здесь, как мне кажется, возможен путь реабилитации западной цивилизации по примеру послевоенной Германии, которая в лице своего интеллектуала артикулировала проблему виновности в макроисторическом контексте². Говоря о политической и моральной ответственности Германии в деле причинения мировой войны, Карл Ясперс указал на то, что вопрос о виновности — суть вопрос, обращенный немецкой нацией к самой себе³. При этом Ясперс настаивает на разграничении виновности на четыре типа:

- 1) *уголовную*;
- 2) *политическую*;
- 3) *моральную*;
- 4) *метафизическую*⁴.

Естественно, что метафизическая виновность — корень всех остальных, хотя наиболее тесно она связана с моральной виновностью.

Но коль скоро речь заходит об ответственности одного из субъектов недавней и нынешней истории, то нам что мешает поставить вопрос следующим образом: сумеет ли Запад признать и материально компенсировать издержки своей внутренней и внешней

¹ Рикер П. Концепт відповідальності // Рикер П. Право і справедливість. К.: Дух і літера, 2002. С. 67.

² Хочу обратить внимание читателя на тот факт, что К. Ясперс, ранее чем группа, возглавляемая Теодором Адорно (*Адорно Т.В.* Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012), выразил суть проблемы виновности немецкого народа. Причем, не прибегая к гетерономным ходам мысли.

³ Ясперс К. Вопрос о виновности. М.: Прогресс, 1999. С. 13.

⁴ Ясперс К. Вопрос о виновности. М.: Прогресс, 1999. С. 18–20.

политики, такие как: колониализм и неоколониализм; методичное развязывание войн (в т.ч. двух мировых и «холодной»); экоцид; глобальное разделение труда и размежевание на богатый Север и бедный Юг; научно-технические эксперименты, не имеющие правового и морального оправдания; высокий уровень жизни на фоне мировой нехватки продовольствия, отсутствия нормальных образования и здравоохранения, а также общего социального неблагополучия в иных регионах мира?

Однако эти вопросы остаются риторическими, поскольку метафизическая виновность Западом мало осознана и оценена, а символы ее жизни — Фауст, Эдип и Нарцисс по-прежнему легитимны и вызывают массовую поддержку не только на самом Западе, но и за его пределами. Тем не менее, эти литературные образы несут в себе однозначный ответ на вопрос о причастности злу (знание конечных причин бытия и «управление» ими, бого- и отцеубийство, эгоцентризм), который не кажется таким наивным в свете материальных и моральных издержек, порожденных более чем пятисотлетним лидерством западной цивилизации.

О технологиях и смысле антирусской информационной войны*

Уже ни для кого не является секретом факт стремительно развертывающейся против России и Русского мира информационной войны. Войны более страшной мощью и глубиной своих деструктивных технологий, нежели предыдущие войны, пережитые человечеством. Причем эту войну можно сравнить с тем вопросом, которым Воланд ставил в тупик прекраснородушного поэта и атеиста Ивана Бездомного («Ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Новая земля. Журнал Изборского клуба Новороссии. Июнь 2015. № 5 (8). С. 16–19.

жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?»), но ровно до тех пор, пока гражданину Советов не открылась тайна Иешуа Га-Ноцри. Проще говоря — христианское обетование о Слове, Образе, Мудрости, Любви, ставшее противоядием деструкции человеческого образа и человеческих отношений.

Сегодняшняя ситуация в международных отношениях может быть определена (с поправкой формулы фон Клаузевица): «Информационная война — есть продолжение политики другими средствами». Разумеется, средствами информационно-технологическими, «психоинформационными», «оргсредствами», «техномагией».

Спрашивается: насколько серьезен данный посыл и есть ли релевантность в его содержании тому, что мы видим при агонии Украины, всячески третирующей свои бывшие регионы, прежде всего — две донецкие республики (так и не пожелавшие смириться с «евроблагостным» Майданом и американским протекторатом «самостійної», а попросту не принявшие госпереворот февраля 2014 года)?

Отвечая на этот вопрос, следует обратиться к недавнему опыту военных конфликтов, разумеется, инициированных и организованных страной «воплощенной демократии».

Так, американские военные специалисты Р. Кларк и Р. Нейк прямо утверждают: «Вторая война между США и Ираком, как и нападение Израиля на Сирию, продемонстрировали два преимущества кибервойны. Во-первых, кибервойна облегчает традиционные наступательные военные действия, выводя из строя систему обороны врага. Во-вторых, кибервойна позволяет деморализовать врага с помощью пропаганды, рассылки информации по электронной почте и через другие интернет-ресурсы вместо устаревшей практики сбрасывания листовок»¹. Но сколь бы на первый взгляд ни был прямолинеен этот подход, но он отражает изменившиеся представления вашингтонских стратегов и их союзников по НАТО о необходимости управления информационными ресурсами в деле создания военно-наступательных инициатив, ранее, как мы

¹ Кларк Р., Нейк Р. Третья мировая война: какой она будет? СПб.: Питер, 2011. С. 26.

знаем, обращенных на «государства-изгои»: Ирак, Ливию, Северную Корею, в известной степени на Кубу и Иран, но после заявления Президента США Б. Обамы в Генеральной Ассамблее ООН в 2014 г. подхваченных канцлером Германии А. Меркель на саммите G7 в 2015 г. и предметно нацеленных на Россию.

Проще говоря, артикулировав Россию как угрозу мировому обществу, западные элиты приступили к реализации полномасштабной информационной кампании, которая, нужно заметить, имеет свою более чем полувековую традицию.

Итак, немного истории. Генезис информационной войны против СССР все же нужно относить к эскападам первого директора ЦРУ Аллена Даллеса. В частности, к его идеям, изложенным в «Размышлениях о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» (1945). В них, напомним, сказано следующее: «Окончится война, все утрясется и устроится. И мы бросим все, что имеем: все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как?»

Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания. Например, из искусства и литературы мы постепенно вытравим его социальную сущность; отучим художников и писателей — отобьем у них охоту заниматься изображением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, процветанию взяточников и беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель.

тель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов — прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, и главную ставку всегда будем делать на молодежь — станем разлагать, развращать и растлевать ее. Мы сделаем из нее циников, пошляков и космополитов. Вот так мы это сделаем!».

Таким образом, перед нами программа руководства к действию, которое было методично реализовано огромным количеством субъектов, и нужно заметить, продолжает реализовываться на наших глазах в несколько видоизмененном виде: как тотальное замалчивание причин крушения Боинга под Донецком, как тотальная ложь в отношении граждан Донецкой и Луганской народных республик со стороны «киевской власти», как продолжение спектакля под названием «Незалежная Украина» при тотальном ее администрировании США.

Но для ясности описываемого феномена информационной войны нужно воспроизвести логику ее развертывания.

Вообще, программа А. Даллеса стала основной *на первом этапе* борьбы США за мировое господство (1945–1985 / 1991). Итог — крушение СССР за счет проигрыша в информационном¹ и интел-

¹ Следует напомнить, что во время Великой Отечественной войны Совинформбюро с честью справилось с задачей информирования населения страны и мировой общественности о состоянии дел на фронтах. К сожалению, в эпоху «холодной войны» ни ТАСС (телеграфное агентство Советского союза, основанное в 1925 году), ни АПН (агентство печати «Новости», основанное в 1961 году), имевшее бюро и филиалы в 90 странах мира, с задачей информационного противоборства справлялись малоэффективно. См.: *Панарин И.Н.* Информационная

лектуальном¹ противостоянии, *распад коммунистической идеологии и партийной системы, разрушение народнохозяйственного комплекса и прогрессирующие внутренние конфликты, наконец, полная сдача национальных интересов Горбачевым и Ельциным.* Взамен мы получили фантомы в виде «свободы», «демократии», «парада суверенитетов», «рынка», «преуспеяния», «номадизма», нисколько не обеспеченных социокультурными традициями страны Советов. Homo soveticus ушел в небытие, позабыв о своем предназначении — показать человечеству модель солидарного и справедливого социального развития.

Причем транзит указанных западных «ценностей» в привлекательной информационной оболочке ставился под сомнение не только отечественными, но европейскими² и американскими³ интеллектуалами.

Второй этап информационной войны (1985 / 1991–2000), под которой нужно понимать тотальную деструкцию системы жизнеобеспечения социума за счет профанации или удаления культур-

война и геополитика. М.: Поколение, 2006. С. 189–194.

¹ Здесь уместно вспомнить о многочисленных интеллектуальных центрах США, о т.н. Think tanks («фабриках мысли»), реализовавших «советологическую» тему в виде обеспечения Карибского кризиса, Вьетнамской и Афганской войн, разжигания конфликтов в странах третьего мира, подготовки «перестройки» в СССР. Причем, «Фабрики мысли», возникшие сразу же по окончании Второй мировой войны (напр. RAND Cogrogation), имеют существенное отличие от традиционной науки и НИР: с одной стороны, они устанавливают связь между «знанием и властью, между наукой и техникой», а с другой, они заняты «разработкой политики в широких областях». См.: Диксон П. Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004. С.44.

² В присущей ему эмоциональной манере Дж. Кьеца писал в 1998 году: «Прощай, Россия! Они (нувориши. — Д.М.) добились своей цели и успели разбогатеть, сплотиться, стать частью прочной паутины, окутавшей мир в конце века. Наступает время подлинных интернационалистов, пришедших в эпоху глобализации на смену пролетарскому интернационализму... А поскольку, как написал Томас Фридман, «глобализация — это мы, то — прощай, Россия!». Но с другой стороны, народ, «россияне не успели освоиться в демократии, обещанной им перестройкой». См.: Кьеца Дж. Прощай, Россия! М.: Гея, 1998. С. 258, 259.

³ Так, американский историк С. Коэн четко выразил суть транзита: политика Администрации США «носила ярко выраженный миссионерский характер: это был настоящий крестовый поход во имя превращения посткоммунистической России в некое подобие американской демократии и капитализма». См.: Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001. С. 21.

ных кодов и связанных с ними смысловых экстрактов, выразился в *перепрограммировании жизни народов СССР с коллективного (соборного) способа самовоспроизводства — на индивидуальный, со всеми присущими западному «эталону» атрибутами: эгоцентризмом, стяжательством, потребительством, гедонизмом, безответственностью*. Однако на постсоветском пространстве этот «механизм» вылился не только в чудовищные диспропорции человеческих взаимоотношений и взаимодействий, но и породил известные сюжеты — «олигархов», «политиков от бизнеса», «челноков», «рэкетиров», «братков», «менеджеров», «топ-моделей» и т.д. и т.п. Они же стали референтными величинами 1990-х, на фоне того, что люди традиционных трудовых профессий и отношений — маргиналами, лузерами и т.д.

Наконец, *третий, нынешний этап* (2000 — наст. время) можно трактовать как завершающий по отношению к «телу» и «душе» русской цивилизации, как обрушение всей ее исторической тотальности. Собственно, именно здесь намечена цель — *стирание русскости как таковой* (а также ее советской модификации), либо путем отрицания за русскими каких-либо значимых исторических новаций в сфере политики, экономики, науки, культуры, искусства, спорта, либо уравнивание советского проекта с фашизмом, плюс лишения нас прав победителей во Второй мировой войне¹.

Но если взять максимальный — всемирно-исторический масштаб — то, как *min*, Россию нужно изолировать, рассекая связи между нею и актуальными / потенциальными союзниками, загоняя ее в угол маргинальности, варварства, неспособности к игре по «американским правилам игры», но способной быть угрозой «цивилизованному сообществу»; как *max* — лишения ее субъект-

¹ Сошлось на компетентное мнение Н.А. Нарочницкой: «Стратегия (Запада. — Д.М.) заключается в полной и окончательной демонизации «сталинского» СССР. Для этого нужно отождествить коммунистический Советский Союз с гитлеровским нацизмом, привести задним числом уже несуществующий СССР к некоему виртуальному Нюрнбергскому процессу и уже открыто объявить Ялтинско-Потсдамскую систему итогом борьбы равно отвратительных тоталитарных режимов, результатом «Пакта Молотова — Риббентропа»... Следующий этап — обесценение подписи СССР под важнейшими международно-правовыми актами...». *Нарочницкая Н.А.* Великие войны XX столетия. За что и с кем мы воевали. М.: АЙРИС-пресс, 2007. С. 30.

ности, путем удаления с «Великой шахматной доски», а значит, рассечения, редукции, деисторизации.

Между тем, начавшаяся на Украине и обеспеченная законодательно «декоммунизация» («десоветизация») имеет свои корни: те же американские кураторы сетуют на недопустимость советской победоносной символики (в виде обелисков Солдату-Освободителю) в Восточной Европе и Прибалтике, а их украинские подопечные нацелены на тотальное искоренение всего советского из жизни. Последнее выражается в виде демонтажа соответствующих памятников, переименования городов и улиц, лишения предприятий и агрофирм их почетных имен.

В свете сказанного нужно отметить важную методологическую деталь: на первый взгляд информационная война — в процедурном плане — опирается на представление о том, что *материальное действие или событие есть предпосылка информационного воздействия на реальность и психику людей*. Тут уместно вспомнить грандиозное шоу 11 сентября 2001 года, под названием «атака террористов» на башни-близнецы ВТЦ, Пентагон и т.д. Причем, какие бы данные по этому делу ни рассекретило ЦРУ¹, после коллективного расследования этого чудовищного преступления группой экспертов под руководством Дж. Кьеца², сомнений в том, что это хорошо спланированная и срежиссированная акция Белого дома, сомневаться не приходится. Тем более на фоне известных скандалов с разоблачением американских спецслужб в деле контроля правительств и граждан стран мира.

Проще говоря, *информационная война предполагает выработку (конструирование) некоторого плана, схемы, образа желаемого события или процесса с последующим его внедрением и индивидуальное или массовое сознание в виде определенной модели деятельности, т.е. программирования нужного процесса и результата*. Таковым, к примеру, был образ СССР — «Империя зла», сконструированный спецслужбами, затем публично озвученный Р. Рейганом и благодаря СМИ вошедший в лексикон эпохи «холодной войны», ее

¹ Сообщение информационных агентств от 13.06.2015.

² Кьеца Дж. ZERO. М.: ИД «Трибуна», 2008.

завершения. Таковым также можно считать отрицательный (антидемократический) образ России, распространяемый Госдепом США и усиленно тиражируемый мировыми массмедиа.

Правда, доброкачественность этих информационных вбросов не выдерживает никакой критики после двух крупных скандалов, произошедших как раз по вине американских силовых ведомств. Речь, во-первых, идет о WikiLeaks revolution, или обнародовании сетевым ресурсом Дж. Ассанжа «грязных секретов» о деятельности мегакорпораций и государств, нарушающих права человека; во-вторых, о высвечивании американским служащим Э. Сноуденом состояния дел с прослушиванием телефонных разговоров, слежением за аккаунтами и электронной почтой в мировом масштабе. Вполне резонно, что в общем знаменателе этих разоблачений находятся США

Но при таких информационных флуктуациях важно понимать состояние субъекта, к которым они обращены. На этот счет существует несколько версий. Две из них кажутся наиболее близкими к реальной диагностике проблемы.

Так, анализируя специфику и технологии сетевых войн, российский эксперт В. Коровин делает ударение на т.н. *меметическом* (от греч. μίμος — подражание) *оружии*. Оно, создавая имитационные, иллюзорные структуры, погружает их в социальные сети и мобильную связь, флэшмобы и молодежную политику, религиозные организации и общественные движения, моду и т.д., стремится ослабить, а то и обрушить конкретный политический режим, влиять на результаты выборов, на состояние общественных убеждений в т.ч., в пользу западных ценностей и идеалов.

Кроме того, будучи по своей природе «медиавирусами» — мемы через трансляцию и ретрансляции пронизывают массовое сознание, вовлекая людей в корректирующие и деструктивные движения за счет порождения мотивации сопричастности. «Обычному человеку, представителю больших масс, большинства, хочется быть сопричастным... Особую остроту придает причастность к тому, что разрушает устои, отменяет старое, ломает сложившиеся стереотипы, изменяет социальное поведение»¹.

¹ Коровин В. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. С. 142.

Собственно, эта технология, по-видимому, и была задействована в подготовке второго Майдана, с одной стороны, нацеленного на деструкцию «злочинної влади», связанной с восточным вектором украинской внешней политики; с другой стороны, с предпочтением «европейского выбора», как единственно правильного и безальтернативного.

Второй, манипулятивный подход несколько лет кряду разрабатывает политолог С.Г. Кара-Мурза. Согласно его концепции, в рамках трансформации нынешних социальных систем можно наблюдать переход: *от рационалистического — к аутическому мышлению* и основанному на нем решению проблем и удовлетворению потребностей. Подчеркивается тенденция *коллективного аутизма*, который не является «бредовым хаосом», не случайным нагромождением фантазий, а выступает тенденциозным феноменом. Структура его проста: в нем доминирует тот или иной образ, а все, что ему противоречит, подлежит подавлению или редукции¹. Применительно к прошлогоднему социально-политическому кризису этот подход позволяет зафиксировать образ «України понад усе», возвышающийся над Богом, опытом причастности ее народа к общерусской истории и культуре, экономической целесообразностью и здравым смыслом.

При этом зададимся вопросом: все ли действительно безысходно и русская цивилизация, поэтапно проигрывая информационную войну, далека от своего исторического предназначения — быть реальной альтернативой постхристиански-постпросвещенческому Западу?

Ответ на этот непростой вопрос, хотим ли мы признавать это обстоятельство или нет, лежит в духовной плоскости. А именно, в пневмической и нравственной динамике человеческого бытия. Святитель Николай Сербский недвусмысленно заключил: «Святое Божие Откровение учит нас ясно, что само по себе оружие на войне не помогает. Что же тогда помогает? Помогает абсолютно только Божия сила. Бог же помогает верующим, чистым и праведным одолевая неверующих, нечистых и неправедных»². Следовательно,

¹ Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2011. Ч. 1. С. 112, 113.

² Святитель Николай Сербский. Война и Библия. Симферополь: Родное слово, 2015. С. 43–44.

вопрос о победе в навязанной нам тотальной информационной войне конвертируется в вопрос о нашем духовном состоянии, о качестве нашей души и нравственности. В пределе — о русскости!

И некто иной, как митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) дал нам формулу и стратегию нашей победы. Она лежит через понимание «русскости»: «Понятие «русский»... не является исключительно этнической характеристикой. Соучастие в служении русского народа может принять каждый, признающий Богоустановленность этого служения, отождествляющий себя с русским народом *по духу, цели и смыслу существования*, независимо от национального происхождения» (выделено мной. — *Д.М.*)¹. И именно в этом качестве русские люди должны помнить и культивировать свой образ жизни в виде исполнения религиозного долга «как всеобщего совместного служения евангельским идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания»².

По сути это и есть главный залог победы в информационной войне. Итак, дело за малым.

Тайна 11 сентября 2001 года, или как действуют скрытые пружины американской политики *

Тема террористической атаки на административные и бизнес здания в Америке в начале XXI века многим кажется исчерпанной. Разумеется, в контексте представленной администрацией сверхдержавы официальной версии и принятой

¹ Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. *Битва за Россию. Православие и современность*. СПб.: Издатель Л.С. Яковлева, 1993. С. 13.

² Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. *Битва за Россию. Православие и современность*. СПб.: Издатель Л.С. Яковлева, 1993. С. 70.

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Новая земля. Журнал Изборского клуба Новоросси. Сентябрь 2015. № 8 (11). С. 8–11.

как должное мировым сообществом. Тем не менее, последовавшие за этим события и процессы в системе международных отношений заставляют думать иначе. В частности, о режиссуре этого действия, равно как и полномасштабной антитеррористической операции в Афганистане, затем, Ираке и последующем тренде реформатирования мира в исключительно однополярный.

Для начала вспомним хронологию. Ранним сентябрьским утром 2001 года в 7 часов 59 минут по Восточному времени самолет «Боинг-767» авиакомпании American Airlines вылетел из города Бостона и взял курс на город Лос-Анджелес. Пролетая над штатом Нью-Йорк, он резко изменил курс и направился в направлении столицы штата — города Нью-Йорка. В 8 часов 45 минут он врезался в северную башню Всемирного торгового центра (ВТЦ) на уровне 84-го этажа 110-этажного здания. После мощного взрыва в здании начался пожар.

В 8 часов 14 минут из аэропорта «Логан» в городе Бостон взял старт лайнер «Боинг-767» авиакомпании «United Airlines» и направился в тот же Лос-Анджелес. Однако, пролетая над штатом Нью-Джерси, самолет развернулся и взял курс на Манхэттен. Здесь лайнер спикировал и врезался в южную башню Всемирного торгового центра на уровне 50-го этажа.

Далее, около 9 часов утра из вашингтонского аэропорта «Даллас» «Боинг-767–200» вылетел в город Лос-Анджелес. Через некоторое время борт пропал с экранов радаров, а когда связь с ним была восстановлена, он летел по направлению к Белому дому с максимальной скоростью. В итоге траектория его полета привела к зданию Пентагона, в которое он врезался в 9 часов 40 минут. При этом в стене здания образовалась «дыра» высотой в шесть этажей и шириной около 50 метров.

Наконец, последний, четвертый Боинг авиакомпании United Airlines вылетел в 8 часов из города Ньюарк в направлении города Сан-Франциско. В воздухе он также сделал разворот в сторону столицы, но не долетел до нее, рухнув на землю в районе местечка Шанксвилль.

Параллельно всем этим событиям ВТЦ, как главная арена разворачивающийся трагедии, уже превратился в руины: его южная башня лежала в развалинах, а в 10 часов 28 минут рухнула северная башня. Среди причин обрушения были названы не только масштабные разрушения несущих конструкций, но высокие температуры, возникшие в результате больших пожаров.

Официальная статистика установила: в результате взрывов и разрушений общая численность погибших — 3 170 человек, в т.ч. в самом Нью-Йорке — 2 937 человек.

Действия администрации президента США были следующими: произошедшее квалифицировано как открытая агрессия террористов «Аль-Каиды» против страны, и, следовательно, Америка прибегнет к адекватному ответу. Персональная ответственность за произошедшее была возложена на главу террористической сети «Аль-Каиды» — Усаму бен Ладена, в то время как центр управления террористической активностью, по версии администрации США, находился в Афганистане.

На этом фоне экстренно собранный Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 1368, в которой говорилось о праве государств на самооборону в случае агрессии, а также содержался призыв к участию в антитеррористической операции и правосудию над виновными. Следуя этой логике, большинство государств мира выразили сочувствие и поддержку народу США.

Следующим шагом в этом процессе стал ультиматум «Аль-Каиде» со стороны администрации Америки, который содержал целый ряд требований, среди которых главными были требования по выдаче лидеров организации и полному сворачиванию террористической деятельности. В частности, ультиматум был адресован саудовскому миллионеру Усаме бен Ладену, человеку, чья деятельность — во время противостояния СССР и моджахедов в Афганистане — была подконтрольна американским спецслужбам. А по некоторым версиям, вообще сопряжена с бизнесом семейства Бушей.

Но, как известно, после 1996 года Усама прибыл по приглашению лидера талибов муллы Омара в Афганистан, после чего вернулся там активную работу по подготовке боевиков, с целью нанесения урона США и Западу в целом. Именно поэтому Усама бен Ладен начал восприниматься как наследник Саладина, великого

правителя воина, одержавшего победу над английским королем Ричардом Львиное Сердце и западными крестоносцами.

Так, на его счет записаны суданский след, взрывы американских посольств в Кении и Танзании в августе 1998 года, а также нападение на корабль ВМФ США «Коул» в Йемене в октябре 2000 года. Более того, в 2004 году телекомпания «Аль-Джазира» продемонстрировала видеозапись, на которой он взял на себя ответственность за события 11 сентября 2001 года.

Поэтому кажется естественным тот факт, что террористы сразу отвергли ультиматум, хотя и выступали с предложением судить Усаму шариатским судом в Афганистане. Но США этот вариант никак не устроил.

Справедливости ради нужно сказать, что поначалу большинство стран мира, включая Россию, Иран, Пакистан и Китай, солидарно выступили с Америкой в рамках международной коалиции, в ее желании провести антитеррористическую операцию в Азии против афганских талибов. 7 октября 2001 года американские и британские ВВС нанесли первые авиаудары по объектам «Талибан» в Афганистане, а затем началась полномасштабная операция возмездия...

Но вернемся к исходному событию и реакции на него в США и мире. Что же касается выводов о происхождении этих терактов, то в «Отчете Комиссии по расследованию терактов 11 сентября 2001 года» (председатель Т. Кин) можно найти массу любопытных наблюдений и обобщений, но только не задекларированной «независимой, беспристрастной и объективной» работы. Так, Комиссия почему-то не приобщила к делу записи камер внутреннего наблюдениязданий ВТЦ и Пентагона, а приняла в расчет данные камер, расставленных (умелым оператором) по периметру происходящей трагедии. Или о заявлении журналиста П. де Марко о множестве взрывов, происходивших на верхних этажах небоскребов, но «спускавшихся» до 38-го этажа. Или же показаниях пожарных Т. Турили и Р. Бачински о «чертовом шуме», т.е. о тех же множественных взрывах в башнях-близнецах.

Вместе с тем, были установлены исполнители преступного замысла — Мохаммед Атта и К°, равно как и обнаружена грандиозная международная террористическая сеть по всему миру.

Тем не менее, для адекватного понимания произошедшего 11 сентября 2001 года и всей совокупности развернувшихся в мире процессов целесообразно обратить внимание на те причины, которые не вошли в официальную версию расследования трагедии. Тем более что они были обнаружены и названы самыми различными по своим убеждениям людьми — американцами К. Болином, Г. Видалом, Д. Р. Гриффином, К. Престовицем, Т. Мейсаном, Н. Хомски, итальянцами Дж. Кьеза, Ф. Кардини, М. Монтесано и Э. Модуньо, австрийцем Г. Райзеггером, россиянами А. Панариным, А. Зиновьевым, А. Казинцевым, Л. Млечиным, Ю. Мухиным и мн. др. Собственно они и порождают ситуацию «когнитивного диссонанса», не преодоленную многими исследователями вопроса, но также неизвестную в большинстве носителям массового, подверженного манипулятивным технологиям сознания.

Все причины, опровергающие версию террористической атаки фанатиков-мусульман, несмотря на их скрытый (неявный) характер, можно разбить на несколько блоков.

Первый — *инженерно-строительный*. По мнению главного архитектора башен-близнецов ВТЦ Кристофера Болина, ударная нагрузка одного пикирующего «Боинга» не способна нанести серьезных разрушений зданию, осью которого является железобетонный столб в диаметре 9 метров и при дополнительных опорах (распределенных по периметру здания) числом 47 (!). Кроме того, указанная Комиссия почему-то проигнорировала факт обрушения здания № 7 ВТЦ, которое авиалайнеры попросту не таранили. При этом также установлено, что данное сорокасемиэтажное сооружение также обрушилось строго вертикально со скоростью, близкой к скорости свободного падения.

Словом, сама фактура сложных инженерных объектов требует иного объяснения случившегося. И таковое было найдено в виде концепции направленного взрыва, предполагающего закладку взрывчатки на этажах небоскребов с определенным шагом, плюс их вертикального обрушения (сверху-вниз).

К сказанному нужно добавить, что эксперты подвергли большому сомнению тот факт, что повреждения, оставленные Боингом в здании Пентагона в Вашингтоне, могли стать следствием именно его, авиалайнера, удара.

Второй — *финансово-экономический*. Широкой общественности неизвестно, что с марта 2000 года американская экономика вошла в цикл кризиса, выразившегося в падении акций большинства компаний (к марту 2001 года они упали на 5,3 трлн долл., или на сумму, превышающую половину ВВП страны (!)). К августу 2001 года эта тенденция приобрела катастрофический характер: вскоре последовало закрытие нью-йоркской биржи, поскольку индекс NYSE (совокупный индекс всех акций, представленных на бирже) упал на 30%. Любопытно и то, что сообщает Г. Райзеггер, а именно о вливании Федеральным резервным банком в экономику США немалых денежных средств после атак на ВТЦ: 13 сентября — 70 млрд долларов; 14 сентября — 81,25 млрд долларов; далее, через т.н. «учетное окно» — 45,6 млрд долларов для банковской системы; заключены договора с Европейским центральным банком на транзакцию в 50 млрд долларов, с Английским банком — на 30 млрд долларов, с Японским центральным банком — на 16,8 млрд долларов, с Канадским — на 10 млрд долларов.

Иначе говоря, словно по мановению волшебной палочки «финансовый кризис стал постепенно рассасываться» (В.Ю. Катасонов), и Америка вновь почувствовала себя уверенно.

Третий — *военно-политический*. Крайне любопытно, что уже утром 12 сентября министр обороны Д. Рамсфельд потребовал атаковать Ирак как «приоритетную цель», при этом не имея ни малейших доказательств, кем именно были угонщики самолетов. Ему возразил госсекретарь Колин Пауэлл, аргументировавший необходимость подготовки общественного мнения к антитеррористическому походу, ведь именно ЦРУ в свое время организовало и финансировало движение «Талибан».

Тем не менее, начиная с 11 сентября США активно создает военные базы там, где есть значительные источники энергии. Разумеется, главным образом в Центральной Азии. Формулируется тезис о государствах, составляющих «ось зла», (в другой терминологии — «государствах-изгоях»): Ирак, Иран, Северная Корея, Куба и потенциально — Беларусь.

Параллельно с этим Дж. Буш добивается от Конгресса тотального контроля над гражданами и негражданами, аннулирует Киотский

протокол, делает шаги по выходу из Соглашения о Международном суде по военным преступлениям и Договора о межконтинентальных ракетах.

Вообще, эти шаги можно трактовать по-разному, например, как продолжение США «вечной войны ради вечного мира», начатой после Перл-Харбора и развернувшейся по всему миру более пятидесяти лет (Г. Видал). Но война в Афганистане все же имеет некоторую скрытую причинность, обнаруженную самими американцами не так давно.

Речь идет о том, что 6 мая 2011 года один из самых высокопоставленных аналитиков США, бывший руководитель отдела планирования Госдепа США при трех президентах Клинтоне, Буше-младшем и Обаме, — С.Р. Печеник, во время популярной телепередачи Алекса Джонса заявил: теракты 11 сентября 2001 года были постановочной операцией американских спецслужб. Более того, в его речи прозвучали имена тех, кто планировал и осуществлял эти акции. Это вице-президент США Д. Чейни, замминистра обороны США П. Вулфовиц, советник президента США по национальной безопасности К. Райс, а также ее заместители — Э. Абрамс и С. Хедли.

Наряду с этим признанием Печеник заявил о готовности засвидетельствовать его истинность перед Большим жюри (коллегия присяжных).

В таком случае целесообразно задаться вопросом о том, почему эта группа лиц, квалифицируемая как «глобальный управляющий класс» (В.И. Карпенко, А.Б. Рудаков), позволила себе это страшное преступное действие?

Думается, что наиболее адекватный ответ на него мы найдем в последней прижизненной работе Александра Сергеевича Панарина — «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Здесь русский философ и политолог дает ключ к поворотному моменту истории: «После блицкрига в Югославии главной проблемой нового «мирового гегемона» стало состояние собственной страны, пребывающей в недопустимой довоенной расслабленности. И тогда последовали события 11 сентября, давшие повод объявить мобилизацию американской нации для борьбы с мировым терроризмом. И никто не удивился, почему для борьбы с каким-то Бен Ладеном требуется не дополни-

тельная мобилизация спецслужб (причем одного из их подразделений), а тотальная мобилизация всей военной машины США и НАТО, усиление военных расходов, вдвое превышающих их рост в период холодной войны Запада с СССР, реорганизация стратегической системы обороны и, наконец, жесткая дилемма, выдвинутая перед всеми странами мира: *кто не с нами в этой войне, тот против нас*. Послание президента США «О состоянии нации» — это настоящее обращение к стране в период смертельной опасности и смертельной вражды: «Мы живем в уникальное время, наша страна находится в состоянии войны, наша страна переживает спад, и мир во всем мире стоит перед беспрецедентной угрозой... Война только начинается, и Афганистан — только первое поле сражения»¹.

Итак, этот ключ вполне увязывается с принятой Конгрессом «Доктриной национальной безопасности США» (2002), где весь мир истолкован как зона их стратегических интересов. Равно как он увязывается со всеми последующими мировыми событиями — агрессией против Ирака, «цветными революциями» в Евразии и Африке, борьбой с ИГ (ИГИЛ), войной в Донбассе...

В череде этих событий и процессов просматривается своеобразная *апокалиптическая логика борьбы «либерального добра» с «антилиберальным злом»*, творцов и адептов высшей капиталистической формации с ее оппонентами — китайским (гибридным) коммунизмом, исламской альтернативой, постсоветской Россией, вдруг вспомнившей о своем мессианском призвании. Иначе говоря, *«Либеральный джихад — вот ключевое понятие для обозначения американской «антитеррористической операции», настоящее имя которой — глобальная война с неверными»*².

Насколько это суждение верно, мы можем убедиться на собственном трагическом опыте, т.е. опыте ведения войны американских и бандеровских джихадистов против ДНРовских и ЛНРовских «террористов», запятнавших себя несогласием с явным государственным переворотом и желанием жить по-русски.

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 11.

² Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 22.

И в этом смысле как всегда прав поэт (в этом случае — донецкий поэт Владимир Скобцов):

Незванным гостем в дом родной
Уже грядет иной порядок,
Где человечины вкус сладок,
Скажи спасибо, что живой.

И как тут не задуматься о четырех всадниках Апокалипсиса — войне, гражданской войне, голоде и смерти, скачущих из США после 11 сентября 2001 года по всему миру!

Однако всем нам, людям русского мира и иных миров, ставших или могущих стать мишенью американских либеральных джихадистов, нужно помнить одну простую истину: в Божьих очах, как и в очах человеческих, лжи нет и не может быть оправдания, но зато «вечной правды торжество» (М.Ю. Лермонтов) приветствуется как на небесах, так и у народов, избравших именно эту меру Жизни.

Украина, Новороссия и Донбасс

Некоторые соображения о цивилизационной природе Украины и ее деструкции глобализацией*

Заявляя эту тему, которая имеет достаточно резонансное звучание в современных социальных науках, политике и журналистике, поскольку Украина априорно объявлена органической частью Запада, мне бы хотелось высказать несколько соображений, напрямую касающихся как текущего момента, так и обозримого будущего.

Начну с общего тезиса о том, что цивилизационная природа Украины достаточно хорошо изучена (хотя бы фундаментальные работы украинских авторов — О.Г. Билоруса, В.А. Дергачева, С.Б. Крымского, Ю.М. Лукашевича, Ю.Н. Пахомова, Ю.В. Павленко, А.М. Черныша, М.А. Шепелева и др.), в то время как проблема корреляции глобальных процессов с ее цивилизационной сущностью вошли в поле зрения ученых лишь недавно. Да и то, как правило, в связи с провозглашением ее элитами «заветного» цивилизационного выбора в пользу Европы. В этой связи и ряд отечественных ученых взяли за правило интерпретировать цивилизационную историю Украины в терминах ее однозначно-западной судьбы¹. Конечно, можно пренебречь порцией евроскепсиса, о котором недавно высказался С. Жижек (отвечая на вопрос: «чего хочет Европа?» — он показал, что она, во-первых, выступает как регулятор глобального капиталистического развития, а во-вторых, она заигрывает на тему консервативной защиты своих традиций, причем, оба «эти пути ведут

* Материал подготовлен 01.12.2013 г. и должен был опубликован в журнале «Філософія, культура, життя» (Днепропетровск), но по известным причинам политического характера он не увидел свет.

¹ Довжук І.В. Історія і теорія світових цивілізацій: підручник. Луганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля, 2012. С. 736–802.

к забвению, к маргинализации»¹). В том числе потому, что обе эти макротенденции разрушительны как по отношению друг к другу, так и по отношению к внешнему окружению. В том числе тому, что расположено на постсоветском пространстве.

Но проблема была и остается, поскольку все более и более очевидно, что украинские элиты слабо представляют ее содержание и перспективы.

Ниже будут очерчены системные деформации современного украинского общества с опорой на цивилизационную научно-исследовательскую программу, но с применением антропологического и аксиологического аспектов рассмотрения заявленной тематики.

Приступая к аналитической части, сразу же нужно заострить внимание на неверном видении происходящего, имеющего место вследствие подмены концептуальных моментов в определении цивилизационной сущности Украины сугубо идеологическими. К примеру, известный политический публицист Н. Рябчук пишет следующее: «Країни посткомуністичні будували демократії за підтримки Заходу. В Україні також значну роль відіграє зовнішній чинник, але той чинник східний і дестабілізуючий»². Подобный оксюморон простителен для эпохи «холодной войны» (когда сознательно культивировался образ «врага»), но он непростителен в случае рассмотрения общественно-политического бытия современной Украины с позиции общей исторической динамики. Последняя редуцирована к европейской сущности рассматриваемого государства, в то время как ее неевропейская составляющая вынесена вовне и объявлена иноприродной.

В качестве иллюстративного примера, развеивающего подобные иллюзии, приведу попытку американского политолога вскрыть сущность самое Америки, которая ассоциируется с либерализмом и демократией. Недавно Ф. Закария в своей работе показал, что в принципе в мире возможны нелиберальные демократии — в большинстве посткоммунистических государств (включая Украину), Индии, Китае, Латинской Америке, частично в исламском

¹ Жижек С. Год невозможного, Искусство мечтать опасно. М.: Европа, 2012. С. 96–97.

² Рябчук М. Попередні підсумки // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej, 2013. 40.

мире. Причем число таких демократий, с различными принципами и механизмами самоорганизации с 1990 года, как правило, увеличилось с 22 до 50%¹. Но если это так, то обычных средств анализа тут недостаточно, напротив, нужны более адекватные средства фиксации опытов нелиберальных демократий и коррелирующихся с ними способов обнаружения универсального за пределами Запада.

Следует заметить, что осмысление данной проблемы нужно вести с позиции цивилизационной теории, которая прямо указывает на возможность альтернативного социального конституирования, с одной стороны корнями уходящего в социокультурный код той или иной цивилизации, а с другой, связанной с представлением об оптимальном канале эволюции каждой конкретной цивилизации в рамках общего глобального мегатренда.

Напротив, американская модель, выдаваемая за универсальный стандарт, может быть рассмотрена как исключительная. Вспомним хотя бы, факт колонизации Северной Америки европейцами и героическое (370-летнее) противостояние туземного населения, имевшего собственный опыт построения жизненного процесса, интересы которого так и не были по-настоящему представлены в различных демократических процедурах государства свободы. В том числе сегодня.

Во многом благодаря усилиям того же Ф. Закарии привлечено внимание к самой констелляции либерализма и демократии в Америке, которая, прежде всего, «замешана» на свободе, а гражданское общество — «суть та форма, которая обеспечила «поступательный прогресс свободы»². К сегодняшнему дню во многом избыточной! Причем существует и достаточно нестандартное объяснение таковой. Я имею в виду аргумент Дж. Голдберга о современном либеральном фашизме, процветающем именно в США и имеющем свои истоки в социальных проектах В. Вильсона и Ф. Рузвельта, а развернувшегося в полную мощь при Б. Обаме и Х. Клинтон. Помимо «либеральной унификации» и культа «про-

¹ *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. С. 99.

² *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. С. 11–14.

гресса» во имя «разнообразия» и «освобождения», современная «бессознательная цивилизация», сформированная Америкой, тяготеет к «потребительскому христианству»¹. Каковы его перспективы, догадаться нетрудно (о чем писал еще Ж. Бодрийяр в своих путевых заметках «Америка»), как нетрудно предвидеть реализацию (на государственном уровне) идеи однополых браков, озвученную президентом Б. Обамой еще 10.05.2012 года.

По-видимому, горькая ирония истории здесь состоит в том, что страна, олицетворяющая свободу, сама нуждается в серьезной коррекции со стороны демократических институтов (в этом отношении весьма показательна обложка книги А.А. Зиновьева «Запад», на которой дан вполне натуралистический шарж на эту тему). При том, что глобализация имеет явно американское лицо (!).

Тем не менее, рассмотрение заявленной проблемы может вестись и с иных (в том числе — глобализационно-системных позиций). Например, такую версию предложил М.А. Шепелев, который считает, что «глобальная техносфера» фронтально наступает на систему традиционных цивилизаций, но главное — на человека. При этом давление техносферы характеризуется восьмью главными тенденциями: экономизацией, инструментализацией, либерализацией, информатизацией, мегалополитизацией, корпоратизацией, метарегионализацией, виртуализацией². Естественно, что все они, образуя системный узор, обрушивают общий социальный уклад, сформированный на территории Украины в имперский и советский периоды.

В этом отношении показательна аналитика украинских экономистов (В.Д. Базилевич, В.М. Геец, В.П. Вишневский, А.А. Гриценко, А.А. Задоя, Л.Г. Мельник, Ю.Н. Пахомов, Ю.Е. Петруня и др.). В свете их анализа Украина предстает как стремительно трансформирующееся цивилизационное пространство, причем с характеристиками более «западной» страны, нежели Россия (данные Д. Майтри и Т. Брэдли подтверждены исследованием Т.В. Гайдай)³. Причем макроэкономическая модель (либеральная

¹ Голдберг Д. Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012. С. 316, 327, 331–373.

² Політична філософія: Підручник / Є.М. Суліма, М.А. Шепелев, В.В. Кривошеїн, В.Ю. Полянська; За ред. Є.М. Суліми. К.: Знання, 2006. С. 505.

³ Экономика цивилизаций в глобальном измерении. Монография / Под ред.

организация экономической и общественной жизни), взятая на вооружение несколькими правительствами: от Кучмы до Януковича, якобы показала свою живучесть и эффективность. Но за скобки (как принято в подобных случаях, начиная с «Дороги к рабству» Ф.А. фон Хайека) вынесена та часть цивилизационной специфики, которая ранее неоднократно обеспечивала не только расширенное воспроизводство экономики, но всей социокультурной сферы как таковой. Конечно же речь идет о модернизации, осуществленной Романовыми и советской властью.

В связи с вышесказанным полезно вспомнить, что еще автор конфликтогенной макросоциологической концепции С. Хантингтон обратил внимание на ряд принципиальных черт, присущих таксону под названием «православная цивилизация», а также прямо указал на специфику одной из ее «стран-участниц» — Украину. В случае с православной цивилизацией дело обстоит так, что ее византийские корни, самобытность Киевской Руси и Москвы, двухсотлетнее монголо-татарское иго, бюрократический деспотизм и ограниченное влияние на нее Возрождения, Реформации и Просвещения, затем рецепция западных светских идеологий — коммунизма и либеральной демократии, образуют уникальную конфигурацию социальных и культурных компонентов¹. Смешение экзогенных и эндогенных факторов чаще всего вело к гибридным формам социальности (византийские, азиатские и западные модели). Но глубинный уровень идентичности, — собственно цивилизационной, проявляется, по Хантингтону, в ходе конфликтного противостояния, и «почти всегда определяется религией»².

В глобальном мире за счет фронтального давления Запада и его сателлитов, в большинстве случаев активизируется именно это основание. Анализ сегодняшнего состояния православной цивилизации («ядро» которой образует Россия, «внутреннее кольцо» — Беларусь, Молдова, Казахстан и Армения; две «промежуточные» страны с «сильным чувством национальной идентичности» — Грузия и Украина; наконец, «внешнее кольцо» — Болгария, Гре-

А.А. Парохоронского, В.Н. Тарасевича. М.: ТЕИС, 2011. С. 498.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 211–218.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 434.

ция, Сербия, Кипр, ряд мусульманских республик бывшего СССР и Румыния¹) показывает, что из состояния «консумматорной системы», каким был СССР, она трансформируется в систему с переходными структурными и функциональными параметрами.

Их трезвый анализ встречаем у отечественных авторов. Так, во «Введении» к первому тому «Цивилизационной структуры современного мира» Ю.Н. Пахомов и Ю.В. Павленко указали: «В условиях глобализации мир не столько унифицируется в соответствии с поверхностно воспринятыми американскими стандартами, сколько приобретает вид полицивилизационной структурно-функциональной системы, в которой отдельные цивилизационные составляющие ведут себя по-разному и собственными традиционными идейно-ценностно-мотивационными основаниями во все большей степени определяют (характер бытия.— *М.Д.*) составляющих их народов и государств»². В таких объективно-противоречивых условиях существования для каждого государства, а тем более юного по меркам Истории — Украины, проблема социокультурной самотождественности приобретает первостепенное значение: «Осознание нашей цивилизационной идентичности и места в современной глобальной макроцивизационной системе имеет не только теоретическое, но и, в первую очередь, практическое значение»³. Отсюда задача комплексного теоретического воссоздания той цивилизационной зоны, которая находится к востоку от ядра макрохристианского мира, описания ее онтологии и субъективно проявленной социокультурной идентичности.

Заметим, что сама Украина, как Россия, Беларусь, в значительной степени Казахстан и Кыргызстан, отнесены Ю.В. Павленко к: 1) постсоветскому пространству макрохристианского мира; 2) славянской макроэтнической общности; 3) восточнохристианскому цивилизационному пространству; 4) евразийско-старороссийско-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 251–252.

² Цивилизационная структура современного мира: в 3-х томах / Под ред. акад. Ю.Н. Пахомова и д.ф.н. Ю.В. Павленко. Киев: Наукова думка, 2006. Т. 1: Глобальные трансформации современности. С. 11.

³ Цивилизационная структура современного мира: в 3-х томах / Под ред. акад. Ю.Н. Пахомова и д.ф.н. Ю.В. Павленко. Киев: Наукова думка, 2006. Т. 1: Глобальные трансформации современности. С. 11.

советско-СНГовской географически-хозяйственно-политико-культурным системам¹. В свою очередь, искомая идентичность этого образования фиксируется в виде взаимопересекающихся эллипсов: евразийского, православно-постправославно-постсоветского и восточнославянского².

Однако признание того факта, что «цивилизационная природа этих стран глубоко подорвана и деформирована выпавшими на их долю трагическими экспериментами XX века», является одной из предпосылок поиска общей идентичности. Другой предпосылкой можно считать наметившийся дрейф ряда государств, историко-генетически и структурно входящих в это многомерное пространство, в направлении более активных центров современного мира: западноевропейско-североамериканской и мусульманско-африканской цивилизаций. В этом случае, проблема идентичности — в ее социокультурном измерении — приобретает новую интригу: она может быть осмыслена в терминах глубинных мировоззренческо-ментальных трансформаций, растождествления с прежним образом «мы» и поиском нового. Но если первая часть процесса требует тотальной критики и деструкции, то вторая — социокультурного конструктивизма. На постсоветском пространстве наблюдается и то, и другое, но результаты смены идентичностей предстают в своем кризисно-неприглядном виде.

Несколько иную позицию в понимании оснований, структуры и динамики цивилизационного бытия, следовательно, решению проблемы социокультурной идентичности занимает С.Л. Удовик. В его основной работе заявлен тезис об исторической дифференцированности «европейской христианской цивилизации» на четыре субцивилизации: западную континентальную, англосаксонскую (океаническую), восточную православную (русскую) и западную православную³. Две последние, имея общий духовный исток, тем

¹ Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ/ Ю.В.Павленко. 2-е изд. К.: Феникс, 2004. С. 447.

² Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ/ Ю.В.Павленко. 2-е изд. К.: Феникс, 2004. С. 449.

³ Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2002. С. 113.

не менее, создали различные хозяйственные, политические и культурные формы, не говоря уже о регулирующих принципах¹. Их рост и самоидентификация были приостановлены созданием СССР и фронтальным противостоянием с Западом.

Сегодняшнее их положение оценивается как наиболее драматические: с одной стороны, уже кристаллизовалась «восточнославянская-православная цивилизационная культура» с ее надэтническими мировоззренческими, этическими, эстетическими, хозяйственными и др. компонентами², а с другой — обе цивилизационные зоны испытывают интерес к «постиндустриальным ценностям»: праву, доступному образованию, культуре, здравоохранению и т.д.³ Разумеется, это противоречие касается актуальной и потенциальной идентичности цивилизационной системы. Но в отличие от Ю.В. Павленко, усматривающего возможность интеграции этой цивилизационной системы на равноправных началах, без гегемонии России, С.Л. Удовик делает ставку именно на Россию, как «становой хребет русской православной цивилизации». Думается, что акцент на названных факторах оправдан в том случае, если цивилизация сохраняет духовную перспективу и собственного, и всемирно-исторического развития.

Тем не менее, не России и не Содружеству независимых государств современные украинские элиты отдали свои цивилизационные предпочтения. Они, как мне кажется, не только на стороне ЕС, но и США как лидеров «цивилизации капитализма» (Э. Валлерстайн).

Чтобы понять эти цивилизационные (культурно-политические) предпочтения, нужно разобраться в их ценностном фундаменте.

¹ Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2002. С. 69–112, 113–148.

² Удовик С.Л. Русская православная (восточнославянско-Православная) цивилизация в прошлом и настоящем // Цивилизационная структура современного мира: В 3 т. / Под ред. акад. Ю.Н. Пахомова и д.ф.н. Ю.В. Павленко. Киев: Наукова думка, 2007. Т. 2: Макрорхристианский мир в эпоху глобализации. С. 511–518.

³ Удовик С.Л. Русская православная (восточнославянско-Православная) цивилизация в прошлом и настоящем // Цивилизационная структура современного мира: В 3 т. / Под ред. акад. Ю.Н. Пахомова и д.ф.н. Ю.В. Павленко. Киев: Наукова думка, 2007. Т. 2: Макрорхристианский мир в эпоху глобализации. С. 520–521.

Так, украинский аналитик точно передает набор ценностных предпочтений, за которыми, собственно, и потянулись украинцы. В преамбуле к неподписанному соглашению об ассоциации между Украиной и ЕС содержится: «Оставаясь верными тесным и продолжительным отношениям, основанным на общих ценностях, в частности на уважении демократических принципов, верховенства права, надлежащего управления, прав человека и основополагающих свобод, в том числе прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, недискриминации лиц, принадлежащих к меньшинствам, и уважении разнообразия, человеческого достоинства и преданности принципам свободной рыночной экономики, которые будут способствовать участию Украины в европейском политическом процессе».

Но важно спросить себя о другом, об этой ценностной поддержке. «Недавно социологическая служба Research & Branding Group, которая сотрудничает преимущественно с «регионалами» и которую сложно заподозрить в прозападных симпатиях, огласила итоги всеукраинского опроса относительно внешнеполитических приоритетов жителей страны (Материал в «2000»: «46% украинцев поддерживают евроинтеграцию — опрос»). За евроинтеграцию выступают 46% опрошенных, за вступление в Таможенный союз — 36%. Схожие результаты представлял и прозападный Центр Разумкова. Иные итоги только у Киевского международного института социологии: 39% за ЕС, 37% за ТС.

Результаты же опроса жителей Донецка Центром политологических исследований показали, что половина респондентов поддерживают евразийский вектор развития, а каждый пятый — прозападный (goo.gl/woViuus). Странников евроинтеграции больше всего среди наиболее молодых, а также имеющих высшее образование»¹.

В свете этих социологических данных можно говорить о скепсисе в отношении евразийской интеграции, и напротив, восхвалять западный выбор населения Украины. Но здесь хотелось бы привести один аргумент, принадлежащий ведущему западному

¹ Черкашин К.В. «Европейские ценности» и что с этим делать // Еженедельник 2000 от 18. 12. 2013 г. // 2000.net.ua.

ученому и общественному деятелю Г. Бейтсону. Аргумент, который — хотелось бы надеяться — заставит задуматься евро- и атлантических оптимистов, поскольку глобализация давно расставила экологические, технологические, экономические и антропологические акценты.

В свое время Г. Бейтсон прямо заявил об эволюционном тупике западной цивилизации, взявшей в качестве мировоззренческих ориентиров такие идеи (ценности): а) *мы против окружающей среды*; б) *мы против других людей*; в) *значащая сила — индивидуум*; г) *мы можем в одностороннем порядке контролировать окружающую среду*; д) *границы нашей среды обитания могут бесконечно расширяться*; е) *здоровый смысл — в экономическом детерминизме*; ж) *технология даст нам все*¹. Если попытаться произвести обобщение на основе высказанных им суждений, то нужно признать: в своей совокупности эти идеи представляют страшную разрушительную силу, направленную как вовне (в природу), так и внутрь (в общество и человека).

Отсюда напрашивается: катастрофа западной цивилизации может стать общей и для Украины, если она окончательно идентифицирует себя с иноприродной цивилизацией, с ее безоглядной поступью в рукотворный рай на земле. Но рай, как показывает опыт православных Греции, Болгарии и Румынии бывает разным. Не только антисоциальным и антииндустриальным. В большей степени, в зависимости от селекции по ранжиру европейской исключительности.

¹ Бейтсон Г. Корни экологического кризиса // Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. С. 458.

Мысли о Новороссии как плацдарме борьбы с мировым злом*

В начале июня 2014 года выдающаяся русская поэтесса Юнна Мориц опубликовала свое новое стихотворение «Фашистское кино»:

Берлинская стена, она не сметена,
Идет на Украину берлинская стена, —
Америка с Европой разделят, как Берлин,
Россию с Украиной, вражды вбивая клин.

Берлинская стена, не грохнулась она,
Идет на Украину берлинская стена.
Какой из Украины получится Берлин?
Фашисты превращают ее в кровавый блин.

Берлинская стена, кровавая цена, —
Фашисты жарят граждан — такие времена!
Фашисты добивают летящих из окна,
Победа власти — здарсьте! — фашистами сильна.

Каратели Донбасса — фашистское мурло.
Фашистам только с Крымом не очень повезло,
За это невезенье решила демократь
(Америка с Европой...) Россию покарать!

Америка с Европой разделят, как Берлин,
Россию с Украиной, вражды вбивая клин.
Какой из Украины получится Берлин?
Фашисты превращают ее в кровавый блин.

Идет на Украине гражданская война,
Идет на Украину берлинская стена,
Идет на Украине фашистское кино:
Фашисты жарят граждан, оно — разрешено!

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Открытие Новороссии. Первые очертания (сборник материалов Изборского клуба Новороссии). Донецк: Новороссия, 2014. С. 15–20.

Эти пронзительные строки говорят нам о главном: в реальности мы находимся в условиях «горячей войны», этим прямым следствием войны «холодной». Причем реальности, которая коснулась благословенной земли Донбасса и тех народов, которые живут и трудятся в нем столетия. Шире: земли Новороссии, которая вовлечена в чудовищный план разрушения России и Русского мира, причем в качестве геостратегического плацдарма.

Насколько права поэтесса, и вместе с тем, как скоро и чего именно ждать жителям Новороссии, прямо говорит недавно рассекреченный документ американских спецслужб (03.05.2013).

Привожу его полностью: «Уважаемый господин Президент! Направляю Вам разработанный мной стратегический план войны с Россией в дополнение к предоставленным ранее ЦРУ материалам. Хочу подчеркнуть, что по-прежнему не намерен принимать участия в операциях ЦРУ по слежке за сенаторами и конгрессменами США и политическим убийствам. *Стратегическая задача США заключается в уничтожении России как основного геополитического противника путем ее расчленения, захвата всех ресурсных зон и перехода к управлению страной через правительство либеральных марионеток.* Никаких фронтов, никаких стратегических операций и бомбардировок. Основной инструмент агрессии — скоординированная молниеносная атака на Россию войск НАТО, прежде всего — спецназа и «пятой колонны». Россияне должны быстро оказаться в новой стране — Союзе независимых государств России. Пассивное большинство промолчит, как и при развале СССР. Ирак, Ливия и Сирия — это не только передел мира и война за нефть, но еще и полигоны для испытания войны с Россией.

I фаза войны (информационная):

1. Дискредитация президента В. Путина как диктатора-фашиста.
2. Поощрение коррупции и прямая покупка политической элиты в Москве и регионах.
3. Создание образа России как фашистского государства. Фашистское государство Россия — угроза не только для Европы, но и для всего мирового сообщества.

Искусственная фашизация имиджа России в глазах Запада должна проводиться либеральными политиками, писателями, общественными деятелями через компрометацию роли Советской Армии и народа в главном историческом событии XX века — победе во Второй мировой войне. Война была столкновением двух фашистов-диктаторов — Сталина и Гитлера, а в нынешней России президентом Путиным возрождена диктатура, государство всемерно поддерживает нацизм, превосходство русской нации, заявляет о своей роли в мировой политике, как одной из ведущих ядерных держав. В стратегии национальной безопасности России допускается возможность нанесения превентивного ядерного удара, что представляет смертельную опасность для мировой цивилизации. Народу России необходимо принести демократию.

(Исп.: Госдепартамент США, ЦРУ. Отв.: Госсекретарь Д. Керри, Директор ЦРУ Д. Бреннан).

II фаза войны (экономическая):

Полная экономическая и политическая блокада России, провоцирование резкого падения мировых цен на нефть и газ с целью вызвать кризис власти и экономики РФ.

(Исп.: Госдепартамент США, ЦРУ, правительства стран-членов НАТО, Саудовской Аравии и других «нефтяных» и «газовых» стран, Отв.: Госсекретарь Д. Керри, Директор ЦРУ Д. Бреннан).

III фаза войны (специальные и военные операции):

1. Вхождение Украины в НАТО, размещение там американских баз. Даже если Украина не станет членом НАТО, она должна предоставить в распоряжение НАТО свою территорию и аэродромы.

2. Полная переориентация вектора радикального ислама на Россию.

3. Антифашистская (не «цветная») революция, которую поддерживает мировое сообщество.

4. Перерастание революции в полномасштабную гражданскую войну. Резкий всплеск спровоцированных межэтнических столкновений.

5. Молниеносная военная операция НАТО после того, как будут выведены из строя средства связи в армии, с миротворческой функцией — остановить гражданскую войну. На самом деле, в Москве и Петербурге ее будет разжигать спецназ. Дезорганизация системы государственного и военного управления, мощная атака на все виды электронной связи.

В день X парализуется армия через купленных генералов в Минобороны и Генштабе, генералитет должен прямо заявить об отказе подчиняться приказам Главнокомандующего, который стал фашиствующим диктатором, и намерении сохранять нейтралитет. Это уже было апробировано в Украине — спецслужбы и армия не вмешивались в «оранжевую» революцию 2004 года. Никакой мобилизации не будет. Приказ президента Путина о нанесении ядерного удара по США будет саботирован. Также будет блокирован через купленных руководителей в Минобороны и спецслужбах «асимметричный ответ» России — теракты с применением миниатюрных ядерных зарядов на территории США и диверсии спецназа.

6. В этот же день все крупные западные СМИ заявляют об агонии кровавого режима диктатора Путина. В этот же день в Москве и Петербурге группы радикальной молодежи должны пойти на штурм зданий правительства с человеческими жертвами.

7. Войска НАТО занимают Сахалин с его месторождениями нефти и газа. Переход газовой и нефтяной промышленности, а также трубопроводной системы РФ под международный контроль.

(Исп.: Госдепартамент США, Минобороны США, ЦРУ, правительства стран-членов НАТО, Отв.: Госсекретарь Д. Керри, министр обороны США Ч. Хэйгел, Директор ЦРУ Д. Бреннан).

IV фаза войны (политическая и экономическая трансформация России):

1. Смещение В. Путина.
2. Создание Правительства национального единства или спасения.
3. Расчленение России. Отделение Кавказа, провозглашение Сибирской и Дальневосточной республик, независимого Татарстана. Там будут размещены базы США.

4. Изъятие ресурсов России.

(Исп.: Госдепартамент США, ЦРУ, Отв.: Госсекретарь Д. Керри, Директор ЦРУ Д. Бреннан).

Фаза V. Стерилизация и уничтожение населения России:

Использование климатического оружия (станции на Аляске и спутники на геостационарной орбите для уничтожения озонового слоя над Россией) для создания периодов аномальной жары и уничтожения таким образом урожаев зерновых. Поставляемое впоследствии в Россию зерно будет генетически модифицировано с тем, чтобы у потребителей рождалось стерилизованное потомство.

(Исп.: Госдепартамент США, ЦРУ, Минобороны США, Министерство сельского хозяйства США. Отв.: Госсекретарь Д. Керри, министр обороны США Ч. Хэйгел, Директор ЦРУ Д. Бреннан, министр с/х США Т. Вилсек)¹.

Вместе с тем, помимо этого шокирующего документа хочу поделиться своими размышлениями с жителями Новороссии, которые (если они еще этого не сделали) должны ответить на несколько ключевых вопросов:

1) что происходило в Киеве с ноября по февраль и каким образом «пані та панове», ныне заседающие на Грушевского и Банковой, пришли к власти?

2) являлось ли массовое протестное движение на Юго-Востоке Украины, получившее точное название «Русская весна», реакцией на государственный переворот в Киеве?

3) как квалифицировать цепь недавних сверхтрагических событий в Одессе, Славянске, Мариуполе, Красном Лимане, Луганске, наконец, в Донецке?

4) почему способом решения проблемы ДНР и ЛНР для киевской власти стал не диалог, а антитеррористическая операция (АТО)?

5) отчего мы не видим оценки Западным миром с позиций «универсальной» концепции прав человека (прав, которые он так

¹ novorus.info.

рьяно, например, защищал в Косово), тех злодеяний «Правого сектора», Национальной гвардии и частных армий, которые они осуществили по отношению к мирному населению Юго-Востока?

6) что реально мотивировало людей Донбасса к многотысячным митингам, акциям протеста и всенародному референдуму 11 мая?

7) можно ли жить в одной стране с почитателями Бандеры и Шухевича, адептами однополых браков и папы римского, или же в Новороссии существует собственная система ценностей и идеалов, проверенная Историей?

Все эти вопросы упираются в самый животрепещущий: выживет ли **Русская весна** в Донбассе, давая обширные плоды для освобождения Новороссии, восстановления подлинного лика южно-русских земель, или же она будет перемолота и погублена заморозками с Майдана, в т.ч. в новой редакции унитарной украинской государственности?

Попытки ответить на этот вопрос приводят нас к уяснению нескольких обстоятельств:

1) все 23 года так называемой «независимости» Украина стремилась покинуть цивилизационное пространство русского мира и включиться на выгодных (для ее олигархических кланов) условиях в евроатлантические структуры;

2) это движение сопровождалось выстраиванием украинского сегмента «общества потребления», в котором хлеб и зрелища составляли основную форму и смысл существования;

3) некогда системные (исторические, промышленные, хозяйственные, семейно-родственные, культурные, образовательные) связи были разорваны, а их спорадическое налаживание можно объяснить экономической целесообразностью олигархически-плутократической власти;

4) Договор о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Россией (1997) мало к чему обязывал официальный Киев, в то время как президент Кучма, а за ним и президент Янукович позиционировали себя как сторонников пророссийской (проевразийской) ориентации, и во многом благодаря такой декларации приходили к власти на президентских выборах;

5) одним из смыслов Майдана 2004 года было практическое

замораживание конструктивных отношений с Россией и другими государствами — членами СНГ;

б) неподписание президентом Януковичем договора об ассоциации с ЕС, государственный переворот (ноябрь 2013 — февраль 2014).

В свою очередь реальной альтернативой встраивания Донбасса и Новороссии в целом — вместе с государством Украина — в глобальный американоцентричный проект является *воссоздание реальности Русского Мира* на территориях от Луганска до Тирасполя. Отсюда идея борьбы и тотальной мобилизации всего населения южнорусских земель, которое не просто было вовлечено в орбиту русской истории, но события, здесь имевшие место, сами являются русской историей!

Если воспользоваться циклическим представлением о становлении территории Новороссии (а оно подразумевает Византийско-Киево-Русский цикл <конец IX — середина XIII века>, монгольско-польско-литовский цикл <конец XIII — вторая половина XVII века> и русско-советский цикл <вторая половина XVII — конец XX века>), то можно увидеть логику формирования этой территории как славянско-православного субстрата. Даже перекрестная ритмика Евразии и Европы в среднем цикле не смогла удалить из этого субстрата его славянско-православной, соборной сущности.

Напротив, с 1991 года начался процесс деконструкции последней и ее замены искусственным «украинско-европейским» мифом. Именно в рамках новой украинской мифологии были созданы и навязаны всему народу Украины, включая Новороссию, «аутентичные» герои Украины — Донцов, Грушевский, Бандера, Шухевич, Шептицкий, Стецько, Стус, Черновол и др. Напротив, деятельность людей, создавших мощь и величие Новороссии, — граф Воронцов, митрополит Игнатий Мариупольский, Суворов, митрополит Иннокентий Херсонский, Чехов, Мерцалов, Куинджи, Ханжонков и др. отошли на задний план и «поблекли». Даже деятели советской эпохи, внесшие существенный вклад в развитие УССР и СССР, — Вернадский, Стаханов, Королев, Брежнев, Дегтярев, Кобзон, Старухин и др. не смогли в полной мере вписаться в «святцы» новой государственности.

Но самое главное состоит в том, что неслыханной деформации подверглась система ценностей народов, населяющих Новорос-

сию. Привычным (проверенным жизненным опытом) ценностям — *православной вере в спасение, всечеловечности, убежденности в действительности добра, единству слова и дела, исканию правды, совестливости, отзывчивости и уживчивости, эстетизации природы и быта, соборному строю жизни и любви к Родине* — стали навязываться либо противопоставляться ценности «интегрального национализма» с его акцентами на исключительности украинской нации. Более того, в контексте полного размежевания с русскими, как чуждым физически и духовно этносом. Это «теоретическое наследие» Грушевского — Шептицкого очень дорого обходится сейчас всем нам.

Если к сказанному добавить действенность такого «правового» документа как Резолюцию конгресса США о «порабощенных народах» № 86–90 (1959), то полувековая атака на СССР и нынешняя атака на Россию, как держательницу мира и стабильности в Евразии выглядит вполне обоснованной.

Но эти рациональные конструкции, тем не менее, как и ранее при нашествии Наполеона и Гитлера, разобьются о волю Божию и волю русского народа. Запад, одолев «царизм» и «русский коммунизм», был уверен в несуществовании русского духа и его реальных носителей. Напротив, героическая война в Донбассе подтверждает обратное.

Поэтому нынешнему блудоумию киевских политиков и их заокеанско-европейских хозяев должна быть противопоставлена наша духовная твердость, помноженная на вековые традиции русской воинской доблести и государственности, культуры и морали. Словом — русские ценности, без которых ни мы сами, ни мир не выживет! Иначе будет-таки воздвигнута новая Берлинская стена.

Новороссия как новый форпост глобальной духовной брани*

Великие мировые потрясения, которыми отмечены полтора десятилетия XXI века, не являются чистой случайностью или жесткой необходимостью. Их логика, если воспользоваться современными научными представлениями, носит нелинейный характер. Более того, хаосогенность процессов, происходящих в мире, нарастает, а выхода ситуации к устойчивости и прогнозируемости (при помощи «простых», «странных», а тем более, «суператтракторов»)¹ пока не наблюдается.

Напротив, прогрессирующее насилие и смерть, ущемление прав и свобод личности, разделение труда и сегрегация — выступают в качестве характерных аспектов современного либерального прогресса, организованного и осуществляемого США. Тем самым государством, которое якобы олицетворяет собой вожделенную человечеством свободу и демократию, а на деле исповедует «либеральный фашизм»².

Тем не менее, попытки понять алгоритмы глобальных процессов и интеракций, в том числе протекающие на постсоветском пространстве, могут иметь и духовную аналитику и оценку. Для хотя бы можно вспомнить работы святителя Николая (Велимировича), его пневматологические прозрения о судьбах народов и человечества.

Наиболее важное, касающееся состояние мира и человечества, состоит в следующем. В своем миссионерском письме №8 «Кризис — это суд Божий» он писал: «Кризис» — слово греческое, в переводе оно означает «суд». В Священном Писании слово «суд» употребляется многократно. Так, мы читаем у псалмопевца: Сего

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Новая земля. Журнал Изборского клуба Новороссии. Апрель 2015. № 3 (6). С. 3–5.

¹ Признать в качестве «суператтрактора» (сверхцели жизни человечества) заботы и радости «золотого миллиарда» (=англосаксонской цивилизации) представляется нелепым, ведь они подразумевают нищету и вымирание остальных шести миллиардов.

² *Голдберг Д.* Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012.

ради не воскреснут нечестивии на суд (Пс. 1, 5). Далее опять: Милость и суд воспою Тебе, Господи (Пс. 100, 1). Мудрый царь Соломон пишет, что от Господа придет суд всякому (см.: Притч. 29, 26). Сам Спаситель сказал: Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну (Ин. 5, 22). Апостол же Петр пишет: время начаться суду с дома Божия (1 Пет. 4, 17)»¹.

Однако святитель обратил внимание на лингвистическую подмену и связанную с нею смысловую (нравственную) эрозию: «После подмены слова «суд» словом «кризис», малопонятным для большинства, никто не может объяснить, ни от чего он, ни от кого, ни для чего. Только этим и отличается теперешний кризис от кризиса, происходящего из-за засухи и наводнения, войны или эпидемии, саранчи или другой напасти». На деле же «причина (кризиса. — Д.М.) всегда одна. Причина всех засух, наводнений, эпидемий и других бед та же, что и нынешнего кризиса, — богоотступничество. Грех богоотступничества вызвал и этот кризис, и Господь попустил его, чтобы пробудить, отрезвить людей, чтобы они опомнились и вернулись к Нему. По грехам и кризис. В самом деле, Господь использовал современные средства, чтобы вразумить современных людей: Он нанес удар по банкам, биржам, по всей финансовой системе. Опрокинул столы менял всего мира, как когда-то Он сделал это в Иерусалимском храме. Произвел небывалую панику среди торговцев и менял. Возмутил, низверг, смешал, смутил, вселил страх. И все для того, чтобы надменные европейские и американские мудрецы пробудились, опомнились, вспомнили Бога. Для того, чтобы они, утвердившиеся в гавани материального благополучия, вспомнили о душах, признали свои беззакония и поклонились Богу Вышнему, Богу живому»².

Читая эти строки, невольно наводишь себя на мысль о правдивости данного взгляда, ведь мировая финансовая пирамида, давшая ощутимые для всего человечества сбои (1998, 2008...), еще не рухнула... И дело не в затянувшейся рецессии американской и

¹ *Святитель Николай Сербский*. Кризис — это суд Божий // www.pravmir.ru/svyatitel-nikolay-serbskiy-krizis-eto-sud-bozhiy/#ixzz3X5xAv0CX.

² *Святитель Николай Сербский*. Кризис — это суд Божий // www.pravmir.ru/svyatitel-nikolay-serbskiy-krizis-eto-sud-bozhiy/#ixzz3X5xAv0CX.

мировой экономик или бесконечном усилении военно-стратегических позиций США и их союзников по всему миру, а в нежелании глобальных элит взглянуть правде в глаза.

Но по большому историческому счету не может быть обойден вопрос о сроках кризиса и способе его преодоления. Вновь прислушаемся к свт. Николаю (Велимировичу): «Как долго продлится кризис? До тех пор, пока надменные виновники не признают победу Всесильного. До тех пор, пока люди не догадаются непонятное слово «кризис» перевести на свой родной язык и с покаянным вздохом не воскликнут: «суд Божий!»¹

Тем самым, переходя к рассмотрению заявленной темы — темы непредвиденного в США (ЦРУ и иных аналитических центрах и т.д.) и Украине (СБУ, «правом секторе» и т.д.) *эмерджента под названием «Новороссия»*, совершим небольшой исторический экскурс.

Войны, проведенные США и их союзниками по НАТО в Югославии, Афганистане и особенно в Ираке², казалось бы, должны были упрочить как сам порядок, так и главенствующее положение «одиноким сверхдержавы». Но ожидания никак не оправдались: в центре Европы под протекторатом США и НАТО создано наркотеррористическое государство «Республика Косово», а на Ближнем Востоке развернуло свою деятельность «Исламское государство Ирака и Леванта»...

Далее события развивались еще более драматично, если не сказать большего. Коалиция западных держав, возглавляемая теми же США, и их ближневосточные сателлиты (Саудовская Аравия и Катар) организовали целую цепочку цветных революций — в Тунисе, Египте, Ливии. Сегодня же на повестке дня — Йемен.

Следующий шаг в этой мировой трагедии — организация асимметричной войны в Сирии, которую предлагается рассматри-

¹ *Святитель Николай Сербский*. Кризис — это суд Божий // www.pravmir.ru/svyatitel-nikolay-serbskiy-krizis-eto-sud-bozhiy/#ixzz3X5xAv0CX.

² По мнению словенского философа С. Жижека, ключевой фактор нападения на Ирак состоял в следующем: «использование Ирака в качестве предлога или показательного примера для установления координат «нового мирового порядка», для утверждения права Соединенных Штатов на нанесение превентивных ударов, и, тем самым, возведение их в статус единственной глобальной полицейской сверхдержавы». См.: *Жижек С.* Ирак: История про чайник. М.: Праксис, 2004. С. 15.

вать в качестве газово-нефтяной прелюдии к третьей мировой войне¹. Или как минимум, энергетической блокады ряда самостоятельных акторов в сегодняшних мировых делах — России, Китая, Ирана и Германии².

Так на наших глазах реализуется концепция «управляемого хаоса».

Но за всем этим, как бы нам этого ни хотелось, угадывается сценарий демонтажа России, как главного протагониста в продвижении глобальных стандартов жизни на постсоветском пространстве. А именно: тотального слома ее государственности и создания на ее территории структур из «стальных пещер» на фоне «серых зон» (Эль Мюрид). Общей же интригой для государств, по-прежнему сопряженных с Россией историческими, культурно-цивилизационными, энергетическими, экономическими и демографическими узами, являются «цветные революции».

Последние артикулированы как неклассические технологии по продвижению набора ценностей либеральной демократии (свободы личности, свободы прессы, свободы политической деятельности, свободы равных выборов и т.д.) в разряженном постсоветском пространстве (отсутствие общей идеологии, национализм и регионализм)³. Естественно, Украина в перечне государств, реализовавших у себя два майдана, безоговорочно занимает почетное первое место...

При этом на происходящее можно попытаться взглянуть глазами А.А. Зиновьева, а именно, увидеть в современных международных отношениях — отношения между 1) жертвой (жертвами); 2) судьей; 3) палачом. Поясняя эту структуру, он, между прочим, указывал: «в социальной трагедии... судья выносит приговор жертве. Палач приводит в исполнение приговор судьи. Судья считает свой приговор оправданным теми или иными соображениями —

¹ См.: *Эль Мюрид*. Если завтра война. «Арабская весна» и Россия. М.: Книжный мир, 2013. С. 52–58.

² *Мусин Марат, Эль Мюрид*. Сирия, Ливия. Далее Россия! Что будет завтра с нами. 2-е изд. перераб. и доп. / Пред. А.А. Проханов. М.: Книжный мир, 2014. С. 74 и сл.

³ *Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб.: Алетейя, 2013. С. 9, 10.

моральными, юридическими, гуманности, справедливости и т.п. Палач в оправдании не нуждается. Признание жертвой вины не требуется — ее не спрашивают об этом. Если жертва сама кается, она выступает лишь в роли помощника судьи и палача, — и такое случается в конкретной истории»¹ [там же]. Таким образом, перед нами вполне правомерный взгляд на структуру и интригу трагедии.

Конечно, подобные выкладки подкреплены у него примерами из новейшей истории, в частности, событиями на Балканах. Здесь, согласно А.А. Зиновьеву, сложилась вполне трагедийная ситуация с Сербией (Югославией) как государством и сербским народом как его сувереном. В роли судьи выступает глобальное сверхобщество, или некоторая «надстройка», сложившаяся в ходе развертывания западнистского варианта эволюционного процесса. Именно сверхобщество, достигнув определенной степени могущества, и предъявило Сербии обвинение в геноциде косовских албанцев. Сейчас известно, что «резиновой стеной» этой трагедии были ЦРУ, Вашингтон и НАТО, равно как и ООН², не давшие сербам ни малейшего шанса, и напротив, снабдившие косоваров необходимой для установления своей власти над Югославией поддержкой.

Хочу обратить еще раз внимание на то, что суд над народами совершает США, да и вся англо-саксонская цивилизация, приписавшие себе функцию Бога судить и миловать.

Это последнее положение вполне перекликается с содержанием процитированного письма святителя Николая Сербского, с той лишь разницей, что никто на земле не способен взять на себя указанную функцию. Напротив, людям и народам дана свобода в различении добра и зла, в самопознании (установлении собственных пороков и культивировании добродетелей), а никак не третировании «другого» или «других» по расовым, религиозным, этническим, демографическим и иным критериям.

В этой связи выскажу собственную гипотезу: восставшая против бандеровски-фашистского зла, поощряемого США и их союзниками, — Новороссия — выбрана «жертвой» (!). «Палач» — в виде

¹ Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии. М.: Алгоритм, 2002. С. 286.

² Дель Понте К. Охота: я и военные преступники. М.: Эксмо, 2008.

ВСУ и территориальных батальонов, плюс ангажированных на бойню стран НАТО — готов принудить жертву к капитуляции. Однако к ней «судья» склоняет и Россию (!), вознамерившуюся не согласиться с размещением военных баз не только в Крыму, но и на постсоветском пространстве¹, не признавшую 2-й майдан лоном справедливой борьбы с антиевропейским, олигархическим режимом. Более того, публично квалифицировавшую произошедшее в ноябре 2013 — феврале 2014 гг. нечем иным, как государственным переворотом.

Но эта схема неполна, ввиду того, что в ней нет места «адвокату». Думается, на данную роль (для многих неожиданно, но вполне оправданно) выступил не покоренный Западом народ Сербии. Эту догадку можно проиллюстрировать следующим примером: обращением сербского священника к народу Новороссии, ведущего освободительную войну против приговора «судьи» и исполнения такового руками «палача».

Приведу текст «Письма народу Новороссии» полностью:

«Мы едины, братья мои и друзья мои. Я ваш и вы — мои. И у всех у нас есть один источник, одно начало — единый Отец. Все светлое, прекрасное и честное, что есть в нашей жизни, происходит от Него и в Нем укореняется».

Дорогие братья! Над Нишем, сербской столицей времен Первой мировой войны, возвышается холм Чегар. Его история — это история сердца, которое бьется только ради одной вещи — свободы Отчизны. На нем в 1809 году сербы защищали свою веру и свободу от турок, заплатив за это наивысшую цену — положили свои головы, зная, что этим строят фундамент для свободы своего народа и своей Родины. И их головы были буквально использованы для строительства. Турки вмуровали головы вместо кирпича в уникальный памятник — Башню из черепов, которая до сих пор свидетельствует об их вере, мужестве и решимости.

¹ Содержание «Мюнхенской речи» Президента В.В. Путина (2007).

Глядя на фотографии с вашей родины, фотографии вашей борьбы, страданий и жертвы ради Честного Креста, который вы поместили между собой и неприятелем, мы не можем не сравнить вас с нашими героями с Чега-ра. Так же, как когда-то они, вы сегодня вписываетесь в книгу вечности, в книгу жизни. Ваша борьба такая же, как и их, ваше сердце так же, как и их, бьется ради свободы. И точно так же, как они когда-то обороняли свои пределы, семьи и все Православие, так обороняете и вы сейчас: ваша борьба является нашей борьбой.

Жизнь под оккупацией тех, кто хочет изменить сознание народа, вещь гораздо более разрушительная, чем война. Вы остались верны идеалам своих предков в то время, когда многие изменили этим идеалам. Сегодня во многих странах гораздо легче изменить, чем остаться преданным. Изменяют сегодня и главы государств, и патриархи, и митрополиты. И вот сейчас Православию опять изменили руководители в Киеве, и вы правильно решили не покоряться изменникам. Так же и Исидор, митрополит Киевский и Всея Руси в 1439 году предал Православие, подписав Унию с Папой, но русский народ с этим никогда не согласился. Так же и мы не соглашаемся в Сербии на унию с Ватиканом, к которой нас подвигают такие церковные владыки, как Исидор, мы не соглашаемся с тем, что Косово и Метохия — это другое государство, страна с исламскими и натовскими стандартами жизни, хотя это и подписали представители белградской власти в Брюсселе. Нам предстоит долгая борьба, и вы ее начали.

Сегодняшние идеологические враги желают опорочить все самое ценное и самое нравственное в народе, захватить природные ресурсы, чтобы свободные люди стали рабами. Для этого мировые промоутеры гей-парада напали на Киев и Косово. И хотя эти две области временно оккупированы, свободные люди Донбасса омрачили злорадство оккупантов своей любовью к правде

и истине. Нам, любящим русский православный народ в том числе и за Киев, где покровитель нашего братства святой Досифей Нишский изучал богословие, особенно тяжело сознавать, что этот город сейчас находится под управлением нехристиан. Но вы сегодня — надежда и подтверждение того, что противостояние злу возможно.

Дорогие братья! Каждый день мы с вами мысленно и в наших молитвах. До нас доходят страшные картины, но ваша решимость сильнее всего. Ваша победа будет и нашей победой. Ваш героизм придает нам силы и уверенности, что и мы выдержим, потому что и Сербия сейчас под оккупацией и нашествием врагов. Наши братья в Косове и Метохии испытывают то, что было предназначено вам, и поэтому больше всего мы хотим, чтобы вы выдержали и победили. Флаг свободы из Новороссии будет развеваться и над Сербией. Поэтому помяните нас в своих молитвах. Вознесенные из окопов и рвов, руин и сожженных домов, ваши молитвы сейчас ближе к Господу. Пусть Господь воскресший, молитвами всех святых русских и сербских даст вам силу выдержать, победить и достичь Царствия Небесного!»¹

Св. Священноисповедник Досифей Нишский и Загребский.

В данной апологии просматривается несколько мотивов и аналогий (потеря «матери» городов русских — Киева и Косова как духовной столицы Сербии; идея единства судеб восточно-славянских народов, холм Чегар — Карачун или Саур-могила и т.д.). Но главное заключается не в этом. Спрашивается: в чем же? Почему именно Новороссии было суждено стать новым форпостом сопротивления глобальному злу?

В связи с рассматриваемым вопросом вспомним, что говорит нам Евангелие о добре и зле, о праве судить, наказывать или миловать. В основе этих актов лежит — нимного-нимало — «различение духов» (1 Кор. 12: 10). Оно дается отнюдь не всем, но если и дается,

¹ Цит. по: www.srpska.ru/article.php?nid=24423 (01.02.2015).

то с пользой выявления способности к «твердой пище», к обоснованному владению критериями различения добра и зла (Евр.5:14).

Но сама способность различения добрых и злых духов создается духовным подвигом, духовным упражнением, духовной борьбой. Сербь, как никто другой, это поняли, прислав жителям Новороссии послание, исполненное боли и надежды, скорби и радости, помноженной на живое участие (адвоката) в судьбе подзащитного. Но сам подзащитный за год праведных страданий окреп настолько, что готов предъявить обвинителям и палачам слово Правды и дело Правды. Иначе говоря, процесс берет новое русло и, похоже, не то, что мыслилось «судье». Вопрос в одном: каковы сроки делегитимации дела? Или: как скоро свершится праведный суд?

Почему Донбасс русский?

Вынося в заглавие статьи этот вопрос, я не предполагаю никакой интеллектуальной провокации или реализации политического заказа. Напротив, здесь намечена позиция, которую можно связать с экзистенцией миллионов людей, так или иначе вовлеченных в созидание этого вполне самобытного региона, волею судеб не одно столетие сопряженного с судьбами русского мира.

При этом установлено: «Поскольку историческое сознание экзистенции принимает во внимание иное, мир, всеобщезначимое, целостности, в нем заложена тенденция к тому, чтобы во всем видеть историчное и видеть сам мир как историчность»¹. В таком случае, даже формально Донбасс — это часть целого, — России (осуществившей две модернизации региона — имперскую и советскую), как раз явившую и ныне являющую историчность своего бытия, а не Украины (с ее нарочито деструктивными технологиями, проявляющимися не только в нынешнее время подавления Русской весны, но

¹ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. С. 136.

и перманентной декларируемости «второсортности», «отсталости», «маргинальности» Донбасса). Или еще хлеще, называя его, Донбасс, «раковой опухолью» на теле великой Украины (Порошенко).

В подтверждение этого последнего положения приведу один пример. Некогда украинский политолог и консультант нескольких президентов Дмитрий Выдрин вывел, как ему казалось, прелюбопытную формулу районирования Украины. Рассматривая страну в фокусе ментальной однородности, он постулировал наличие в ее структуре двух доминирующих субментальных зон — восточно-украинской и западно-украинской трех равноуровневых биментальных зон — Днепропетровщины, Буковины и Закарпатья.

Развивая свой вычурный конструкт, Выдрин недвусмысленно утверждал, что на Востоке Украины существует и своя сакральная столица — Донецк, и носители соответствующего менталитета — «янычары». Последние сконструированы по аналогии с известными турецкими воинами, «которые прекрасно владели наступательной техникой, были отчаянными и бесшабашными захватчиками — по-нашему «рейдерами», — но всегда отвратительно защищали собственные территории». Кроме того, «они практически даже не создавали собственные крепости, считая, что их жизненное кредо — захватывать чужие крепости, а не строить и защищать свои»¹. Но киевский гуру, тем не менее, впадает в (неразрешимое) противоречие, а именно: он утверждает, что те же самые «янычары» «остаются всю жизнь в основном жителями и патриотами своих родных городов и сел...»².

То есть, с одной стороны, «янычары» — «не создавали» и «отвратительно защищали» собственные крепости, а с другой — они «жители и патриоты» своих городов и сел. Анекдотичность этого анализа можно объяснить по-разному, например, указать на то, что Выдрин нетактично маркировал донецкий олигархат и простой народ термином «янычары», или вспомнить о том, что элита ВСУ Украины — «киборги» (они же «янычары»), в массе своей представляли те или иные области «незалежной», в т.ч. Львовщину.

Но все же здесь вспоминается указанный покойным Олесем Бу-

¹ Выдрин Д.И. О политике бесспорно. К.: Саммит-Книга, 2011. С. 44.

² Выдрин Д.И. О политике бесспорно. К.: Саммит-Книга, 2011. С. 47.

зиной архетип незадачливых историков и литераторов, экспериментировавших с русским народом, пытаясь втиснуть его самого и его бытие в искусственный и мертворожденный конструкт. Прочитую: «Языческая химера, зародившаяся в душах малочисленной группы интеллектуалов, страдавших комплексом неполноценности, требовала новой порции жертв, дабы воплотиться в действительность. Ведь каждая душа создает только «свою» Украину. Личную!»¹

Тем не менее, поиски ответа на этот нешуточный вопрос, т.е. *вопрос о русской природе Донбасса, его органической русскомирности*, остро поставленный самой жизнью — политическим кризисом на Украине, ведут нас к содержательному поиску устойчивых культурно-генетических, социально-экономических и политико-административных связей с Россией.

И здесь, как мне кажется, важны исторические и аксиологические аргументы, сообщающие указанной перспективе истолкования нужную достоверность.

Первый из них, что вполне естественно для молодой Донецкой народной республики, прямо задекларировавшей свою преемственность от Донецко-Криворожской республики, связан со становлением этого референтного феномена². Так, тонкий знаток истории ДКР Владимир Корнилов справедливо отмечает: «Фактически во всех основополагающих документах о создании ДКР подчеркивается неразрывная связь с Россией. Эта тема проходит «красной нитью» через все воззвания и обращения различных органов ДКР. Так, в подписанной Артемом декларации о ближайшей деятельности созданного сразу после съезда Совнаркома республики (февраль 1918 года) в качестве основной определяется следующая задача: «Укрепление власти Рабоче-Крестьянского Правительства России. Активное участие в том социалистическом творчестве, к которому неизбежно ведет углубляющаяся революция. Проведение в жизнь постановлений, декретов и распоряжений Советов Народных Комиссаров Федеративной Социалистической Республики Советов в России»³.

¹ Бузина О. Союз плуга и трезуба. Как придумали Украину. К.: Арий, 2013. С. 489.

² Напомню, что на IV съезде Советов Донецко-Криворожского бассейна (27–30 января 1918 года) было провозглашено создание Донецко-Криворожской республики.

³ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Харьков: Фолио, 2011. С. 167.

Небезынтересно, что ее, Донецко-Криворожской республики, творцами (Ф. Артем (Сергеев), В. Межлаук, В. Филов, М. Жаков, К. Ворошилов, Ф. Кон и др.) были отнюдь не этнические украинцы¹. В массе своей — русские, тяготевшие к не просто к большому пространству, но к Родине!

Кроме того, весьма важным представляется то художественное обобщение, которое было сделано в начале 20-х годов XX века. Речь идет о плакате:

¹ Очерки истории Украины / Под общ. ред. П.П. Толочко. К.: Киевская Русь, 2010. С. 326.

Естественно, что даже в первом приближении этот образ Донбасса презентует его сущность: быть трудовым краем и обеспечивать «хлебом промышленности» европейскую часть России. В этой связи любопытно наблюдение того же В. Корнилова: «Сейчас лозунг «Донбасс — сердце России!» и соответствующий плакат 1921 года могут кого-то удивить. Но еще тогда, в начале 1920-х годов данный слоган не удивлял ни самих донбассовцев, ни жителей России. Как бы большевики ни говорили о борьбе за советскую Украину, но, воюя за Донбасс, они довольно четко ставили задачу объединения его с общероссийским государством — не столь важно, в какой из республик». И самое важное в плане самоидентификации: «Сами жители Донбасса, несмотря на то что они уже успели побывать к началу 1920-х годов в различных государственных и квазигосударственных образованиях, продолжали считать себя русскими, имея в виду, разумеется, не столько этническую принадлежность, сколько государственную»¹.

Спрашивается: прав ли историк в целом, безотносительно к рассматриваемому этапу самоопределения Донбасса в конкретном административно-государственном образовании?

И здесь мне представляется важным упомянуть территориальные споры вокруг Донбасса (1920–1925), развернувшиеся после «ликвидации» ДКР и «свободного» вхождения промышленной агломерации в состав Советской Украины.

Вспомним, что по первоначальному проекту Госплана Юго-Восток России должен быть разделен на три области: Кавказскую — с центром во Владикавказе; Южно-Горнопромышленную — с центром в Харькове (куда, собственно, и входил весь Донецкий угольный бассейн, плюс западная часть Донской области с Ростовом-на-Дону); область Нижнего Поволжья — с центром в Саратове (в нее включена восточная часть Донской области)². Но в дальнейшем, усилиями

¹ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Харьков: Фолио, 2011. С. 519.

² См.: Галкин Ю.И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 годах за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области // Приложение к журналу «Новая земля» Изборского клуба Новороссии. Донецк: Изборский клуб Новороссии, 2015. С. 5.

украинских коммунистов начиная со II съезда КП(б)у (Москва, 17–22 октября 1918 года) Донкривбасс был поставлен под вопрос, а затем, благодаря личным аппаратным интригам Н.А. Скрыпника¹, окончательно, но бесповоротно (!) был присоединен к УССР. Разумеется, вопреки воле отцов-основателей ДКР, и прежде всего Артема (Сергеева), а также населению донецкого края.

С тех пор миновало много времени, события в СССР и на постсоветской Украине развивались стремительно. На пороге был первый Майдан.

И тут прозвучало совершенно потрясающее пророческое слово А.А. Проханова, исполненное, как всегда, ценностного пафоса: «События на Украине дают России последний, бесконечно малый, исчезающий шанс. Сорвать с глаз отвратительные бельма прозападного либерализма. Увидеть в Западе ненавидящее лицо Черчилля, беспощадный лик Аллена Даллеса, то есть неумолимого вечного врага. Поставить крест на ВТО и Евросоюзе, на окорочках и «инвестициях», на дружбе с Джорджем и Жаком. Напрячь ослабевшие имперские мускулы и осуществить малый, слабый, известный всем каратистам толчок, после которого посыплется вся саманная постройка СНГ». И далее самое важное: «*В результате толчка Россия вернет себе Крым, Донбасс, Харьков, Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье...*»² (выделено мной. — Д.М.).

В этой связи правомерен вопрос о верности данного более десяти лет назад прогноза, о его верифицируемости.

Сейчас понятно, что благодаря искрометной и вполне релевантной реакции России в августе 2008 года на авантюры Саакашвили и его заокеанских кураторов, стало возможно добровольное возвращение Абхазии и Южной Осетии. Далее, вопреки второму Майдану, его совершенно авантюрным американо-европейским лекалам, этот толчок распространился на Крым и Донбасс. На очереди Харьков и Приднестровье...

Но во всем этом кассандровом действии наиболее значим взгляд на будущее Донбасса, который у художника и мыслителя

¹ Убеждая Ленина и Сталина.

² Проханов А.А. «Здоровеньки були, батько Махно!» // Проханов А.А. Хроника пикирующего времени. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. С. 35.

Проханова прочно ассоциируется с Россией, с Русским Миром. Случаен ли этот ряд, в котором есть свое, причем вполне достойное место Донбассу? Не ошибся ли Александр Андреевич, как «внешний наблюдатель», в своих политических грезях? Думается, что нет. Напротив!

И здесь также правомерен аргумент от поэтического откровения, а именно, отповедь поэтки Юнны Мориц на обвинения в присутствии России в Донбассе, его «оккупации»:

НА МАРСЕ НЕТ РОССИЙСКИХ ВОЙСК

В Донбассе нет российских войск,
Но много есть российских свойств, —
Не зря войсками называют эти свойства!..

Наконец, в подтверждение высказанного тезиса хочу привести довод, который генерирован внутренним наблюдателем, вполне пророчески распознавшим ход дальнейших событий, и в частности, второго Майдана с его далеко идущими последствиями.

Речь идет о пророчествах приснопамятного схиархимандрита Зосимы (Сокура), о тех крупницах его духовного опыта, из которых вытекает целостная картина происходящего с Донбассом и Украиной сегодня. Хронологически они относятся к 90-м, началу 2000-х годов. Вот наиболее характерные из них: «Какое поущение будет! Будет та же самая Гефсимания, повторится и у нас в скором времени, она уже готовится. Предательство Церкви, предательство Родины, предательство всего святого». И далее: «Хохлы-западенцы как закрутят-завертят против веры святой православной... И сейчас, в наше время, колотня с Киева вся начинается — матери городов русских, с колыбели. И оттуда покатится эта колотня по всей земле Русской, не минует ни Россию, ничего, кругом будет беснование. Но Россия устоит, и там будет очень благодать большая, даже силы ада, антихриста, не одолеют Русской Православной Церкви»¹.

¹ О чем душа скорбит: Жизнеописание, пастырские труды, воспоминания духовных чад схиархимандрита Зосимы (Сокура) / Авт. сост. Иеромонах Тихон (Васильев), иеромонах Зосима (Мельник), схимонахиня Ефросиния (Бондарен-

А что же Донбасс? Каков он? Есть ли в нем русская сила?
А святость?

По пророчествам о. Зосимы, «дух Руси могучий, непобедимый» вдруг возродится именно здесь. «Медведь-то русский спит-спит, терпит-терпит, но уж как проснется, как в лапу мохнатую эту дубину возьмет, как раскрутится, то и вся масонская Европа полетит тогда от этой дубины настоящей, русской, святой»¹. Думается, что комментарии тут излишни.

В завершение этого очерка хочу подчеркнуть: Донбасс и эмпирически, и метафизически являет собой органическую часть России. Прежде всего, доказывая это трудом, ратным подвигом и святостью. Т.е. прямой причастностью к великому русскому народу и его героической Истории.

ко). 2-е изд. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. С. 452, 454.

¹ О чем душа скорбит: Жизнеописание, пастырские труды, воспоминания духовных чад схиархимандрита Зосимы (Сокура) / Авт. сост. Иеромонах Тихон (Васильев), иеромонах Зосима (Мельник), схимонахиня Ефросиния (Бондаренко). 2-е изд. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. С. 454.

Империя

В предвестии новой Российской империи: некоторые интуиции, наблюдения и оценки*

«Решительно мы живем при какой-то перемене климата в России; разумею умственный климат, моральный климат».

В.В. РОЗАНОВ. Признаки времени.

Введение

Хотя мы и живем в «пост-имперскую эпоху», наше общественное мнение последних лет — так или иначе — наталкивается на термин «империя». Последний отсылает к некоторой реальности, которая массовым сознанием не ухватывается в принципе. Разве что с ярким и устойчивым привкусом негатива (напр., «империя зла»), да и то генерируемого и распространяемого не нами, — для нашего же обрушения (!).

С другой стороны, можно видеть академический (и не только) интерес к имперской форме и стилю существования современных обществ¹, к реанимации, казалось бы, забытых способов организации масштабного и определенным образом направленного социального бытия. Среди них и конституирование контр-Империи, или альтернативной политической организации глобальных потоков и обменов.

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Идеология Отечества. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. С. 64–76.

¹ Сошлось на ставшую уже хрестоматийной работу американского литературоведа Майкла Хардта и итальянского политического философа Антонио Негри — «Империя» (2004). В ней речь шла об «Империи» как: а) системе пространственной всеобщности, т.е. власти над всем «цивилизованным» миром; б) порядке, который «на деле исключает ход истории и таким образом навсегда закрепляет существующее положение вещей»; в) совершенной формы биовласти, распространяемой на все уровни социальной организации, вплоть до самых глубин социального мира. См.: Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 14.

При этом для имперского созидания в качестве эталона по-прежнему предлагается Британская империя со всеми ее завоеваниями¹ и квазизавоеваниями², а ее alter ego питается из источника левых идеологических программ³.

Более трезвый и реалистический взгляд позволяет установить иные пропорции: мировой политический процесс можно, следуя Дж. Къеза, трактовать как войну империй за право распоряжаться эволюционным каналом развития человечества. В этой войне задействованы Китай, Иран, США (Европа) и Россия как актуально / потенциально имперские образования⁴. Позже, рассматривая динамику «Американской империи», он и его соавтор — П. Кабрас заметили, что имперские амбиции США терпят крах и они трансформируются в «нормальное государство». Причины — не только крайнее высокомерие и неутолимый аппетит, которые таки достались от британцев, но и вера в свою абсолютную всесильность⁵.

¹ В этом пункте весьма показательна работа британского историка, адвоката колониальной империи — Ниаля Фергюсона. В ней он пишет: «И все же факт остается фактом: ни одно сообщество в истории не сделало больше для свободного перемещения товаров, капитала и труда, чем Британская империя в XIX — начале XX века. Ни одно сообщество не сделало больше для распространения в мире западного права и государственного управления». См.: *Фергюсон Н.* Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: CORPUS, 2014. С. 27.

² Так, в своей последней работе британский историк и антрополог Джек Гуди предложил концепцию «похищения» Западом истории как таковой. Оно, похищение, включало в себя всеобъемлющее похищение колониальными державами цивилизаций Востока и Юга: не только их наук и искусств, хозяйственных отношений, социальных институтов (города и университета), ценностей — с последующей заменой на «одномерные» западные эквиваленты, но похищения пространств и времен не-западных обществ и культур. Как следствие: принижена история иных цивилизаций и деформирована история Европы. См.: *Гуди Дж.* Похищение истории. М.: Весь мир, 2015.

³ Так, упомянутые М. Хардт и А. Негри в следующей своей работе — «Множество» (2004) — пишут: «Речь идет о создании новой формы социальной организации, способной заменить систему суверенитетов, формы, в которой личности контролировали бы через свою биополитическую активность блага и услуги, обеспечивающие воспроизводство множества. Все это ознаменует переход от рес-публики (Res-publica) к рес-коммуне (Res-communis)». См.: *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 256–257.

⁴ *Къеза Дж.* Война империй: Восток — Запад. Раздел сфер влияния. М.: Эксмо, 2006. С. 10 и сл.

⁵ *Къеза Дж., Кабрас П.* Глобальная матрица. М.: ИД «Трибуна», 2012. С. 208–217.

На этом фоне правомерен вопрос: а что же Россия? Каков ее нынешний *modus vivendi*, при том, что мыслиться (и что самое важное — объективироваться) она может и как империя, и как цивилизация, и как национальное государство?

§ 1. Россия: в поисках утраченной империи

Сегодня, говоря о необходимости имперского возрождения России, невольно вспоминается скепсис Александра Солженицына в отношении заявленного предмета. В своей программной статье «Как нам обустроить Россию?» (1990) он, между прочим, вешал: «Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель». Напротив, «не к широте державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке ее»¹ (курсив. — *А.С.*).

Это весьма неординарное суждение все же нуждается в аксиологической транскрипции, которую ниже я и собираюсь предложить. Причем никаким иным образом, как прибегнув к т.н. опровержению или демонстрации ложности следствий, вытекающих из тезиса об ущербности имперской формы бытия России и «усталости» стержневого имперского этноса. В этой связи вспомним, что сам Александр Исаевич выразил известный онтологический, гносеологический, праксиологический и аксиологический скепсис в отношении имперской формы: «Окончательная государственная форма (если она вообще может быть *окончательной*) — дело последовательных приближений и проб»². В свою очередь эти рассуждения великого русского писателя подтверждаются (хотя и формально) критерием В.Л. Махнача: «Нормальное окончание существования империи — это *исчерпание сил имперского этноса*»³ (курсив. — *В.М.*).

Тем не менее, как это ни покажется странным, у Солженицына есть «соратники» из числа российских либералов-разрушителей

¹ *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? // *Солженицын А.И.* На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. М.: АСТ, 2009. С. 576.

² *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? // *Солженицын А.И.* На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. М.: АСТ, 2009. С. 603.

³ *Махнач В.Л.* Империи в мировой истории // mahnach.ru/articles/imperii.html (09.04.2015).

ельцинского призыва (Е.Т. Гайдар, А.Н. Илларионов, И.М. Клямкин и др.). Между прочим, одним из них выведено: «Эпоха империй заканчивается не только тогда, когда происходит утрата территорий, но и тогда, когда умирает имперская идея, породившая тот или иной имперский проект. Когда мысли о том, что империя и все, что с ней ассоциируется, — будь то роскошь или ужас, катастрофа или расцвет — безвозвратно уходят в прошлое, и будущего у нее больше нет. Никакого. Ни великого, ни ничтожного. Ни блистательного, ни мизерабельного»¹.

Вообще, подобные инвективы выглядят весьма наивными в свете предложенных марксизмом, национализмом и собственно либеральным дискурсом аргументов *contra imperium*. В частности, марксизм (В.И. Ленин) и национализм (Э. Саид) инкриминируют империи преступления экономической эксплуатации туземцев, ничем не оправданную колониальную максимизацию «прибавочной стоимости», словом, преступления, опирающиеся на нежелание видеть в иных обществах равные расовые, этнические, религиозные, культурные, классовые и иные права. В свою очередь, либерализм (начиная с А. Смита) настаивает на отказе от империи из-за завышенных ожиданий метрополии, предлагая процедуру деколонизации, как процедуру последовательного снижения налогов.

Отсюда признается бесперспективность любого имперского бытия, безотносительно к тому, на каких основаниях отстроена империя — колониальных (Британия), национальных (Германия) или цивилизационных (Китай, Византия, Россия).

Помимо указанных критических выпадов в сторону имперского дискурса, нужно указать и на весьма неожиданный, возникший в недрах неоевразийства. В недавней книге В. Коровина «Третья мировая сетевая война» радикально ставится вопрос о возможностях геополитического и идеологического методов в реализации государственных интересов России. Автор недвусмысленно замечает: «Крах советской системы продемонстрировал несостоятельность идеологического подхода»². На этом фоне вполне оправдан поворот к геополитике как

¹ *Илларионов А.Н.* Конец эпохи русских империй // susel2.livejournal.com/84873.html (26.03.2015).

² *Коровин В.* Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. С. 29.

средству работы с большими пространствами. И этот поворот суждено было осуществить Президенту РФ: «Будучи реалистом, Владимир Путин, впервые за сто лет, поставил геополитику выше идеологии», сделал ее, геополитику, «основой достижения национальной безопасности», по сути дела «предотвратив распад России»¹.

При этом В. Коровин констатирует наступление американской империи, объясняя таковое не идеологическими, а сугубо геополитическими факторами (при этом опираясь на указанную работу М. Хардта и А. Негри, на изложенный в ней сетецентрический принцип). При этом политический реализм, взятый в сетевом фокусе, ведет к все тем же силе, международной анархии, перманентной конкуренции и конфликтам.

В качестве возражения напрашиваются такие аргументы: а) классические идеологии никто не отменял, хотя они пережили серьезный кризис и действуют в новых глобальных условиях²; б) современная идеологическая картина мира включает в себя тотальные и молекулярные идеологии, при том, что рост и мобильность молекулярных заметно возрастает³; в) помимо геополитического видения настоящего и будущего России, существует ее хронополитическая проекция, детально разработанная В.Л. Цимбурским⁴ и М.В. Ильиным⁵; г) такая редуцированная геополитика проигрывает цивилизационному моделированию бытия России и мира, предложенному

¹ Коровин В. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. С. 27.

² Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

³ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Х.: Гуманитарный Центр, 2009. С. 275.

⁴ Так, В.Л. Цимбурский предложил видеть в европейской истории длинные, столетиями связанные с войной и победами / поражениями европейских держав (1340–1490, 1490–1648, 1648–1792, 1792–1945, 1945–2100 (?)); при этом российский имперский трехсотлетний цикл у него упирается в Ялту, которая определяется как геополитическое поражение внешней политики России-СССР. См.: Цимбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы Нового и Новейшего времени // Россия — земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 89–106.

⁵ Согласно М.В. Ильину существует три основных диапазона темпоральности (хронополитики): 1) повседневность; 2) история; 3) эволюция. См.: Ильин М.В. Геохронополитика: Соединение времени и пространства // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. 1997. № 2. С. 28–44.

А.С. Панариным¹, где роль ценностно-нормативных синтезов в историческом творчестве невозможно переоценить.

В частности, русский мыслитель показал, что сегодня в репрессированной реальности три «допросвещенческих» и постпросвещенческих мира: мир ценностей, «жизненный мир» и мир истории, каждый из которых не может быть вынесен за скобки силовой геополитикой, глобальными рыночными механизмами и техническим логосом и праксисом².

Словом, игнорирование и запрет указанных измерений не может вести к конструктиву, тем более, в поиске Россией своего нового формативного принципа, открывающего — через творческое время — иномерные бытийные горизонты.

Напротив, в данном случае важен антитезис, указывающий на обратное: на воссоздание имперской формы как аксиологически приемлемой и исторически оправданной исторической энтелехии России. В особенности, на современном этапе экстремумов глобальной и региональной турбулентности.

Причем данная задача решается многими авторами-империологами по-разному (Ю.И. Аверьянов, С.Н. Гавров, С.И. Каспэ, С.В. Луре, В.Л. Махнач, С.М. Михеев, Н.А. Нарочницкая, А.А. Проханов, М.Б. Смолин, Ф.А. Папаяни и др.), а общий идейно-ценностный знаменатель, к сожалению, пока не найден.

Не претендуя на исчерпывающий вариант прописи нового имперского кредо России, тем не менее, хотелось бы обозначить необходимые подступы к созданию такового.

§ 2. Россия и идейно-политический тупик либерализма

Итак, обозначу основные соображения по рассматриваемому вопросу.

Первое. Само по себе отсутствие идеологического пункта (вектора развития)³ в ельцинской конституции 1996 года является нон-

¹ Напр.: Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.

² Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. С. 18 и сл.

³ Если таковым не считать индивида.

сенсом для такой страны-цивилизации, как Россия. Конечно, этому факту можно искать объяснение в плоскости постановки и решения задачи деидеологизации ее бытия, т.е. объявить лишними принципы православного и коммунистического миропонимания, мироотношения и соответствующих практик — излишними, не отвечающими нормам и требованиям «цивилизованного сообщества». Оно, наряду с «рынком» и «правами человека», идеей государства — «ночного сторожа» и монетаризмом, транзитом передало ультралиберализм в виде сверхидеологии. Иначе говоря, «третья волна демократизации» накрыла «континент Россию» и связанные с ним цивилизационно-историческими узами народы и государства.

Однако даже в условиях деидеологизированного бытия, *тройной перекодировки сознания*: с имперско-православной — на имперско-коммунистическую, с имперско-коммунистической — на «колониально-имперскую», либерально-расщепляющую, с «колониально-имперской» — на имперско-персонафицированную, как никогда остро воздвиглась проблема воссоздания имперской формы, содержания и стиля.

При этом имперскую форму легче всего мыслить в виде априорной конструкции, примордиально заданной стихиям русской истории. Как, например, у поэта и публициста В. Шемшученко:

Империя не может умереть!
Я знаю, что душа не умирает.
Империя — от края и до края —
Живет и усеченная на треть.

Она живет в балтийских янтарях,
Она живет в курильских водопадах,
Она — и День Победы и «Варяг»,
Она во всем, что мне от жизни надо.

Оплаканы и воля, и покой,
И счастье непокорного народа...
Имперская печаль — иного рода —
Она созвучна с пушкинской строкой.

Она клеветникам наперекор
Глядит на мир влюбленными глазами,
Она не выставляет на позор
Оплаченное кровью и слезами.

Пусть звякнет цепь! Пусть снова свистнет плеть
Над теми, кто противится природе!
Имперский дух неистребим в народе –
Империя не может умереть!

Иное дело — апеллировать к опытному ее происхождению или возможной регенерации в условиях небывалого геополитического, экономического и информационного давления Запада во главе с США. Последняя, на мой взгляд, сегодня выражается в предоставлении «вашингтонским обкомом» России статуса региональной державы, более-менее надежного поставщика Западу углеводородов, человеческих (в т.ч. интеллектуальных) ресурсов и не критичного реципиента «образцов» американской массовой культуры.

При этом любопытно, что не кто иной, как архитектор «Нового мирового порядка» Генри Киссинджер подчеркивал: «Россия всегда будет неотъемлемой составной частью мирового порядка, и в то же время... потенциально таит для него угрозу»¹. Почему? Ответ неожиданно прост: «На протяжении значительной части своей истории Россия была *вещью в себе* в поисках самореализации»² (Курсив мой. — Д.М.).

Для нас же важно, что четко осознано русской мыслью: «К счастью, однако, высшие положительные свойства русского народа, его религиозность, искание абсолютного добра, чуткость к искажениям добра злом и способность к высшим формам опыта составляют основное содержание русской души, которое не может быть выправлено сорокалетним господством советского режима»³. Равно как и неолиберальным, хотя и непродолжительным, но разрушительным накатом 1990-х (!).

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 2007. С. 17.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 2007. С. 17.

³ Лосский Н.О. Характер русского народа. Frankfurt am Main: ПОСЕВ, 1957. С. 116.

Более того, не кто иной, как Александр Проханов показал удивительное трезвомыслие в этом вопросе: «Борьба идеологий — «белого патриотизма», «красного патриотизма», «либерализма» — изнурительная схватка отживших идей. Множество «укладов», субкультур, наполняющих общественную жизнь разноцветным ядовитым раствором, в котором тонут «смыслы». Только Пятая Империя — ее драгоценный, зреющий кристалл, — способна соединить раззятую плоть государства, одухотворить бездушного истукана, наполнить смыслом пустой сосуд истории»¹.

Второе. Как ни парадоксально, в творчестве великого русского писателя существует пункт, прямо указывающий на разрушение имперских формы и стиля, но их тем самым не отменяющих.

Так, несколько позже, в книге «Россия в обвале» (1998)² он апеллировал к «Публичному закону 86–90» — «Резолюции о порабощенных нациях» (принятому Конгрессом США в 1959 году), основным пунктом которого является утверждение, что «империалистическая политика коммунистической России (не СССР, а России!) привела, путем прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала (Поволжья и Урала), Тибета, Казакии, Туркестана, Северного Вьетнама и т. д.».

Тем не менее, крушение «Красной империи» и возникновение на ее руинах «фантома СНГ», согласно Солженицыну, имплицитно «демократию малых пространств», способную более-менее ясно выразить притязания русского духа в ойкумене. Причем по-солженицынски интровертивно-сберегающего, раскаивающе-самограничивающего — после семидесятилетнего торжества вселенской лжи коммунизма.

Но куда больший урон России и народам, некогда взятым под ее державную опеку, принес *постсоветский накат неолиберализ-*

¹ Проханов А.А. Имперский проект // Проханов А.А. Гимны Русской Победы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 70–71.

² См.: Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. Гл. 1: Зона Власти. § 4 Ошеломленная Россия и Запад.

ма, выразившийся в деидеологизации жизни, а не только самое ельцинской конституции. Как следствие — частичная утрата суверенитета в 90-е, тотальное отступление России вглубь своих территорий, деиндустриализация, торжество «идеологии» рынка, этнические конфликты, социальный и моральный катастрофизм... Естественно, что никакие земства дело не спасли бы в принципе!

Нужно отметить, что эта социально-политическая конструкция едва ли бы была способна противостоять олигархической капитало-кратии с ее хищническими аппетитами (вспомним «семью» Ельцина) и организационно-управленческой поддержкой США, нацеленными на «приватизацию» несметных богатств России, профессиональную дисквалификацию ее народа, либерально-потребительское закабаление, и, конечно же, интериоризацию и культивирование гедонизма.

В таком виде она была обречена, поскольку игнорировала одну важнейшую «социологическую аксиому»: «Все, что усиливает частную свободу (т.е. своеволие) большинства, не есть основа, а большее или меньшее расшатывание основ»¹. Однако эта аксиома так и не усвоена ни либеральной интеллигенцией, ни либеральным политикомом.

Разумеется, признание в подобном *умопомрачении*, вызванном либерализмом — дело не из легких, но этот процесс был начат уже в советские годы², в момент поиска путей избавления от коммунизма и реальных опасностей либерализма, этого двигателя технологической цивилизации (!), а продолжен в наши дни, причем в аспекте обостряющейся борьбы между Левиафаном и Либерафа-

¹ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: АСТ, 2004. С. 40.

² Напр., программной статьей математика и философа И.Р. Шафаревича «Две дороги — к одному обрыву», где, между прочим, говорится следующее: «Оба этих исторических феномена (коммунизма и либерализма. — Д.М.) представляют собой попытку реализации сциентистско-технистской утопии. Точнее, это два варианта, два пути такой реализации. Западный путь «прогресса» более мягкий, в большей мере основан на манипулировании, чем на прямом насилии (хотя оно играет свою роль в некоторый период его развития: террор Великой французской революции или колонизация незападного мира). Путь командной системы связан с насилием громадного масштаба...» См.: Шафаревич И.Р. Русофобия. Две дороги — к одному обрыву. М.: Товарищество русских художников, 1991. С. 131.

ном по всему миру и на территории России, и стоящего за нею «онтологического противоречия»¹.

При этом важнейшей стороной обсуждаемой проблемы — восстановление имперской России путем возрождения ее идеологии, — является создание некоторого мировоззренчески-аксиологического фундамента.

§ 3. К предваряющей формуле имперской идеологии

Переходя к содержательной разработке новой идеологии России как империи, необходимо остановиться на уточнении условий, задающих онтологию таковой, плюс качество резистентности вызовам и рискам постсовременности.

Вспомним, что в свое время тот же Владимир Махнач предложил рассматривать таковой в очень нестандартном ключе, исходя из *трех сценариев будущего*.

«Можно стать на *путь изоляции* и породить, скорее всего, пренеприятнейшее государство, отпихивающее всех. Тогда большой культуры у нас впереди нет. Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский (ставлю многоточие), наконец, Бунин и Шмелев принадлежат имперской культуре. Если взять другие области, результат получится тот же самый. Мы порвем с собственной традицией. Это возможный путь — он, кстати, спокойный.

Возможно *возвращение к имперскому самосознанию*. Это вовсе не означает, что народ в обязательном порядке должен застолбить границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 год вместе с царством Польским и великим княжеством Финляндским. Это — готовность решительно сказать, что империя существует, мы ее сохраняем и готовы принять всех, кто желает остаться. Но исходить мы будем из приоритета существования империи, а не существования республиканских границ в Советском Союзе. Если есть желающие жить в составе исторической России, то они получают необходимую поддержку, любую. Но та территория будет частью империи.

¹ Поляков Ю.М. Левиафан и Либерифан // Литературная газета. № 14 (6504). 8–14.04.2015. С. 1, 12.

Есть третий путь, не исключаяющий второго. Я бы его назвал *культурологическим*. Он наиболее продуктивен и возможен только в варианте подлинного культурного подъема. Прецедентов было полно в мировой истории, в том числе и в нашей. Я имею в виду ориентацию на верность органичной для нас культуре — *восточнохристианской*. Тогда нас интересуют, безусловно, все восточнохристианские дела, а это обременительно. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не конфессиональную верность. Если вероисповедание — это личное дело каждого отдельного человека, проблема его отношения к Творцу, то вопрос о принадлежности к культуре — дело не человека, это дело народа. Будет культурный подъем — мы можем воссоздаваться в таком ключе»¹ (курсив мой. — Д.М.).

Соглашаясь с возможностью второго пути (необходимости возвращения к имперскому мышлению и соответствующей ценностной рефлексии), хотелось бы не согласиться с Махначем в третьем пункте, а именно, в обеспеченности имперского возрождения «культурным подъемом», при нереализуемости «конфессиональной верности» в поствизантийском пространстве.

Для того чтобы встать на точку зрения «высшей, сверхчеловеческой логики истории» (К.Н. Леонтьев), нужно вспомнить некоторый самоочевидный принцип: «нельзя строить политические здания ни на текучей воде вещественных интересов, ни на зыбком песке каких-нибудь глупых либеральностей...». В конце концов, всегда и везде «эти здания держатся прочно на отвлеченных принципах верований и вековых преданий»² (выделено. — К.Л., подчеркнуто мной. — Д.М.), а не феноменов гражданского общества и правового государства, этих, якобы, абсолютов, а на самом деле «иероглифов разума» (Г.В.Ф. Гегель).

В доказательство высказанного тезиса хочу привести в пример согласование позиций императора Николая I и поэта Александра

¹ Махнач В.Л. Империи в мировой истории // mahnach.ru/articles/imperii.html (09.04.2015).

² Леонтьев К.Н. Храм и Церковь // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред; сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 165. (Д.М.).

Пушкина, питавших — хотя и разновеликую — но «любовь к родимым пепелищам», «любовь к отеческим гробам».

Кроме того, возведение имперского здания представляется как процесс восхождения: «Империя — это политическая лестница, по которой национальное начало, вложенное в государственность, способно дорасти до выразителя духа целой цивилизации»¹. Сам же рост, как показал В.Н. Тростников, т.е. продвижение по вертикали — при реализации условия возрастания качества, — возможен там и тогда, где и когда «верующий народ» становится достоин «религиозно освященной монархии»². Иначе говоря, в этой форме властных отношений предлагается видеть «самую высокую мотивацию подчинения», но по природе не ту, что культивировали при диктатуре, национальном лидере, «служилой аристократии», или сегодня предлагают сделать эталоном в гражданском обществе и нависающей над ним «цифрократии»³.

Но это в теории, а что на практике империестроительства? Осталась ли Россия верующей, при этническом составе русских 81%⁴?

Ответ на этот вопрос нам дает недавний опыт. Возвращение к большому имперскому стилю, во многом интуитивное и несовершенное, состоялось в умиротворении Чечни, принуждении к миру Грузии (с патерналистской опекой Абхазии и Южной Осетии), затяжном процессе деэскалации конфликта в Сирии, ситуативном возвращении Крыма и амбивалентности позиции в отношении Донбасса. Так на наших глазах *возникли эмердженты, иннервиру-*

¹ Смолин М.Б. Имперское возрождение — русский путь в будущее // Имперское возрождение. М.: Москва, 2007. С. 7.

² Тростников В.Н. Какая власть нужна России? // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 32.

³ Говоря о цифрократии в начале нашего века, В.Н. Тростников подчеркивал: «Чистая цифрократия, которая уже стучится в дверь западной цивилизации, превратит человека в нечто худшее, чем животное, — в автомат, в робота». — Тростников В.Н. Какая власть нужна России? // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 33. Насколько правдивыми оказались эти слова, говорит наше утешительное время «дигитальной свободы», настолько аутопозитической, что индивиду не хочется о ней и знать, владеть, управлять и т.д., а также нести ответственность (!) — Подробнее см.: Муза Д.Е. «Да, жизнь лишь Веры воплощенье...» (этюды русской аксиологии). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. С. 36–48.

⁴ По данным Всероссийской переписи населения 2010 года. См.: Население России // ru.wikipedia.org/wiki/Население_России (20.03.2015).

вавшие ткани некогда могучего имперского организма, но главное, восстановившие, казалось бы, растроченный в прежних имперских стройках дух Великой России.

Однако прошло время реактивных решений, и как никогда ранее нужна *определенная имперская идеологическая платформа*, нацеленная не на территории и этносы, геополитические узлы и хронополитические циклы, а на решение более системных задач: *на воссоздание России-империи как «симфонической личности», взятой в единстве исторических судеб народов, в нее входивших и входящих.* Но и более того, опеки всех «униженных и оскорбленных», коих число заметно увеличилось в «эпоху торжества демократии».

Собственно, интрига текущего момента, имеющая место на постсоветском пространстве, определяется тезисом Президента России В.В. Путина о распаде СССР как крупнейшей геополитической катастрофе, и органических попытках *воссоздания Русского мира, как «Мира миров».*

Причем на этом пути встречаются разные сценарии: от идеалистических («собираение Русского мира через литературу» — М. Голубков) и реалистических («свинчивание пространства Евразии Газпромом» — А. Проханов) — до soft power («поддержка русской культуры на всех континентах» — В. Никонов) и откровенно манипулятивно-технологических («уши машут ослом» — О. Матвейчев, Д. Гусев, С. Чернаков, Р. Хазеев)¹. Понятно, что не все они релевантны сверхсложной задаче — регенерации имперской либо цивилизационной (геополитической) субъектности.

¹ Позиция последних может быть проиллюстрирована цитатой из одноименной книги: «Все кандидаты вместе взятые и их спонсоры, в том числе и зарубежные, на президентских выборах в Украине затратили сумму, явно не превышающую \$ 1 млрд, в течение не только выборов, но и года, им предшествовавшего. При этом Газпром только за одну газовую войну с Украиной потерял несколько миллиардов плюс репутация... Разве нельзя было часть этой суммы отдать нескольким пиар-фирмам России, чтобы они существенно изменили политическое поле Украины в пользу пророссийских сил, что позволило бы потом не сталкиваться с националистами на выборах и не зависеть Газпрому от их позиции?». См.: Матвейчев О., Гусев Д., Чернаков С., Хазеев Р. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Питер, 2014. С. 9–10.

Для этого как никогда актуален и важен аксиоматический уровень — уровень имперского (цивилизационного) сознания и самосознания, который мало-помалу начинает восстанавливаться.

Так, принятая XVIII Всемирным русским народным собором *Декларация русской идентичности* недвусмысленно очерчивает ее фактуру и содержание: «Принадлежность к русской нации определяется сложным комплексом связей: генетическими и брачными, языковыми и культурными, религиозными и историческими. Ни один из упомянутых критериев не может считаться решающим. Но для формирования русского национального самосознания обязательно, чтобы совокупность этих связей с русским народом (независимо от их природы) была сильнее, чем совокупность связей с любой иной этнической общностью планеты»¹ (курсив мой. — Д.М.).

Если к этому решению присоединить утвержденную Президентом 19.12.2012 года «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», где прописаны пункты об «объединяющей роли русского народа», как государствообразующем, равно как и других народах, свободно входящих в дело реализации цивилизационного (имперского) строительства на началах «политики согражданства» и культивирования «отечественных культурных ценностей»².

Но само имперское сознание и самосознание, повторюсь, обязано иметь идеологически и ценностно обоснованный и верифицированный историей проект. По моему мнению, он будет включать в себя не только *пространственно-материальные* (месторазвитие, население), *временные* аспекты (циклы культурно-политического бытия и кристаллизовавшуюся в драмах и трагедиях русской истории традицию), но и *субъектно-волевые, деятельностьные* (имперско-цивилизационное «общее дело»!) и собственно *идеократические доминанты* (соте-риологически-социальная «идея-правительница» и ее аксиологическое обрамление).

¹ Декларация русской идентичности // Официальный сайт Московского Патриархата [www.patriarchia.ru/db/text/508347.html] (10.04.2015).

² Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // rodnaya-istoriya.ru/index.php/mejnacionalnie-otnosheniya/mejnacionalnie-otnosheniya/strategiya-gosudarstvennoie-nacionalnoie-politiki-rossieskoie-federacii.html (14.04.2015).

Сам же этот новоимперский проект должен выйти на формулу «государства Правды», нравственно-ориентированного в своих внутри- и внешнеполитических делах делания, воссоздания имперской культуры (ее морфологических и стилистических особенностей), воспроизводства имперского человека или максималистской антропологии.

Взятые в ином фокусе, — в фокусе федоровского «общего дела», имперские амбиции простираются на науку и технику, высшую этику и Богопознание, а в знаменателе имеют не просто социальный конструктивизм, помноженный на экологизм, но «вселенскую Пасху бессмертия»¹.

Однако все сказанное имплицитно *идеям особой миссии России в мире*, а никак на рыхлом и аморфном постсоветском пространстве, с работающими в нем импотентными «иероглифами разума»: государством — ночным сторожем и его коррелятом — гражданским обществом.

В таком случае, мировая история превратится в реальный полилог, в обсуждение и совместную реализацию мироустроительных проектов (хотя бы в формате БРИКС). Иначе говоря, имперский рывок России есть низложение монологичной стратегии США — этого ничем и никем не легитимированного «Мессии».

И последнее. Отчетливо обнаруживающий себя имперский мейнстрим России также важно понять посредством *принципа персонификации*. Последний является олицетворением имперских доминант во внутренних и внешних делах.

Однако он может быть раскрыт с привлечением наблюдателя, в чьей независимости трудно усомниться. Речь идет о свежей книге известного американского политика и публициста Патрика Бьюкенена «Секреты глобального путинизма» (2015). В ней он констатирует важнейший историософский пункт: «Первый Рим был священным городом для всего христианства. Вторым Римом был Константинополь (нынешний Стамбул), эра которого закончилась после нашествия турок в 1453 году. И Третий Рим, в сознании верующих, — это Москва. Путин придает Москве роль Священного

¹ Проханов А.А. *Философия русской победы // Проханов А.А. Гимны Русской Победы*. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 77.

города и центра борьбы против неоязычества и паганизма. В культурной войне за будущее человечества он твердой рукой помещает флаг России на сторону традиционного христианства»¹.

К этому нужно присоединить еще один важный довод, связанный с акцентом в политике лидера России на традиционализм и культурный консерватизм: «Путин не просто публично отрицает моральный релятивизм Запада. Под его руководством российская социальная доктрина стала опираться на традиционные христианские концепции того, что верно, а что дурно. Путин в Европе становится анти-Обамой, он готов заполнить культурный и моральный вакуум, оставленный Америкой»².

Таким образом, органичное России цивилизационно-историческое бытие сегодня вновь востребует имперскую форму присутствия в мире. Реакция России на госпереворот в Киеве, дрейф Крыма и Донбасса в сторону Москвы — в ближайшем пространстве, поддержка Сирии и Кубы, контакты с Турцией, широкомасштабный договор с КНР — в мировом пространстве свидетельствуют об изменении идеологического климата и развороту к большому имперскому стилю.

Россия в поисках идеологии: от онтологического редуccionизма к новой, позитивной идеологической программе*

У всякого мировоззренчески и ценностно вмняемого русского человека все постсоветские годы возникает один и тот же сакраментальный вопрос: как может моя Родина — Россия (СССР) бытийствовать как субъект истории без идеоло-

¹ Бьюкенен П. На чьей стороне Бог? // Бьюкенен П. Секреты глобального путинизма. М.: Алгоритм, 2015. С. 168.

² Бьюкенен П. Призрак, бродящий по Европе // Бьюкенен П. Секреты глобального путинизма М.: Алгоритм, 2015. С. 177.

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Новая земля. Журнал Изборского клуба Новоросси. Август 2015. № 7 (10). С. 8–11.

гии, т.е. без четко выверенной программы обустройства своей обширнейшей территории, организации в единый алгоритм всего многоцветия ее этносов и культур, обоснования роли институтов государства и церкви в жизнетворчестве, необходимости релевантной природно-климатическим условиям и реальным потребностям населения — экономики, адресной социальной политики, наконец, внятной и морально оправданной внешней политики? Но главное, что все эти годы позитивный образ России вообще не культивировался, а такие идеологемы, как «государство Правды», «Москва — Третий Рим», «Православие, самодержавие, народность», «Русская идея», «государство рабочих и крестьян» потеряли свою былую востребованность. Более того, и в будущем «чаемой России» не предвиделось, поскольку наступил «конец истории», т.е. идеологическим художествам человечества пришел конец вследствие планетарной победы либерализма (Ф. Фукуяма).

В наши дни, слава Богу, ситуация начала меняться к лучшему. Ельцинской, либеральной Конституции и сама жизнь, и теория поставили твердый «неуд». Пробуждение России, которое можно отнести к августу 2008 года, сопряжено, с одной стороны, с преодолением идеологических ставок на индивида, рынок и гражданское общество, а с другой — на выработку осознанной идеологической системы, способной заново связать в одно целое народы России, культурные практики и социальную структуру, хозяйственную жизнь и политическую форму. При этом вернув последней регулирующую и направляющую жизнь мегаобщества функции.

Исподволь, но методично российскому обществу были адресованы самые разнообразные идеологические рецепты идеологического и нравственного «лечения» России, проекты ее выхода из либерального тупика в направлении подлинной сущности и призвания: в этом ряду можно назвать страстные проповеди и книги митрополита Иоанна (Снычева), художественную прозу и публицистику В.Г. Распутина, философский трактат «Православная цивилизация в глобальном мире» А.С. Панарина, социологический роман «Русская трагедия» А.А. Зиновьева, программные тексты — «Русскую доктрину» и «Русский проект», михалковскую «Право и правду» и

охлобыстинскую «Доктрину 77», «Лимонку» нацболов, поэму «Симфония пятой империи» А.А. Проханова и «Манифест русской цивилизации» В.Н. Ильина, и многое-многое другое.

Замечу, что эти разнообразные идеологически фундированные взгляды рождались в постельцинскую эпоху, при трансформации мирового порядка и противоречивом становлении самой России и стран ближнего зарубежья.

Правда, начало века отмечено некоторым оживлением внимания к идеологическим вопросам, обострившимся в связи с чеченскими компаниями и «Норд-Остом», время от времени возникающим национальным вопросом, а также югославской трагедией, 11-м сентября 2001 года и операцией против афганских талибов, оккупацией Ирака странами-коалициантами, выходом Китая во внешний мир, расширением НАТО на Восток и т.д.

Между тем, внутренняя социально-политическая ситуация была отмечена *переходом* от *доктрины «европейского выбора»* (обозначенной президентом В.В. Путиным на Петербургском саммите «Россия — ЕС», май 2003 года) — к *доктрине «евразийства»* (2007 год — настоящее время), к ее официальному признанию и практическому закреплению. Так конституировались Таможенный и собственно Евразийский союз, была сделана ставка на реиндустриализацию страны с учетом новаций 6-го технологического уклада.

Все это, нужно подчеркнуть, осуществлялось на фоне почти тотальной веры в правдивость положения, высказанного американским политологом Ф. Фукуямой и ставшего у нас на некоторое время нормой общественного бытия. Речь идет о «конце истории», т.е. о завершении идеологической эволюции жизни человечества в пользу либеральной демократии, сумевшей доказать свое несомненное превосходство над коммунизмом. Собственно, многое из того, что было написано российскими интеллектуалами, явилось не чем иным, как опровержением этого допущения, плюс поиском жизнеспособных альтернатив.

Поэтому и возникла пока не систематическая работа по продуцированию новой идеологической конструкции, способной не только отвечать на идейно-мировоззренческие и ценностные вопросы россиян и культурно-исторически тяготеющих к России

стран и народов, но и найти формулы ответов на поставленные жизнью вопросы в традиционных взглядах, помогавших ранее поколениям наших предков совместно строить «белую» и «красную» империи.

Между прочим, в этой перспективе — но в рамках политического дискурса французского правого философа А. де Бенуа — возникла идея конституирования четвертой политической теории. Приходя на смену либерализму в его постмодернистских одеждах, эта политическая теория должна быть сконцентрирована на сознании того, что *«русская история есть диалектический спор с Западом и западной культурой, борьба за отстаивание своей (подчас схватываемой лишь интуитивно), русской истины, своей мессианской идеи, своей версии «конца истории»...»*¹ (курсив мой. — Д.М.). Причем в этом диалектическом споре Россия имела дело с коммунизмом, фашизмом и либерализмом, но пыталась сохранить свою сущность.

Но, как оказалось, евразийскую программу развития России можно мыслить не только идеологически (вспомним основателей евразийства — кн. Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого с их поисками «идеи-правительницы» для континента Евразии, или того же А.Г. Дугина с его представлением о цивилизации как идеологическом концепте, и русской в особенности), но и сугубо геополитически. Так, считается, что в конце 2000-х мы стали свидетелями поворота к геополитике, как эффективному средству работы с *большими пространствами*. И этот поворот суждено было осуществить Президенту Российской Федерации: «Будучи реалистом, Владимир Путин, впервые за сто лет, поставил геополитику выше идеологии», сделал ее, геополитику, «основой достижения национальной безопасности», по сути дела «предотвратив распад России»².

Но эта конструкция обязана быть дополнена хронополитикой, ратующей (в лице А.С. Панарина, В.Л. Цимбурского и М.В. Ильина) за *творческое время*, в котором, собственно рождалась и рождается *историческая иномерность России*, т.е. ее иномерность и Западу, и Востоку.

¹ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009. С. 25.

² Коровин В. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. С. 27.

Кроме того, есть резон говорить о том, что реабилитация геополитики связана с желанием выразить стратегические интересы России не только в Евразии, но и по всему миру (отношения с другими континентами завязывались еще в царствование Романовых, но свою определенность получили во времена СССР), что вообще характерно для большого имперского стиля. Но не нужно забывать, что современная российская геополитика является также своеобразным ответом на фронтальный вызов *глобализма*, который необходимо рассматривать как гиперидеологическую программу или тотальную идеологию (К. Мангейм), обращенную Западом и его лидером — Америкой к остальному миру, в т.ч. к России.

Глобализм же может быть квалифицирован как *идеологический фактор, направляющий движение миросистемы, задающий формат и логику социокультурного развития за счет апелляции к неолиберальному формату жизни индивидуумов (на деле — дивидуумов, дробимых до бесконечности самой «свободоторжествующей» реальностью — рынком, техникой, ситуативными социальными связями), социальных подсистем (мирового рыночного хозяйства, гражданского общества, культуры потребительства, морали гедонизма, отмирании традиционной семьи и замене ее ситуативными связями) и государства-минимума (сборщика налогов)*. Естественно, реализующих свои установки поверх религиозных, национальных, цивилизационных особенностей современных обществ.

В таком случае, ни о какой субъектности в международных отношениях речи быть не может, ибо национальные интересы и исторические предпочтения отданы на откуп тенденции «абсолютной коммерциализации времени», повышению мобильности личного и производственного номадизма (=кочевничества), креативизации предпринимательской деятельности и формированию эгоцентрической карты рынка, разрушению института государства как такового (Ж. Аттали).

Если же взять максимальный масштаб рассмотрения, то *современная идеологическая картина мира* включает в себя целый спектр идеологических конструкций, вовлеченных в общее соревнование по форматированию сознания людей, приданию ему прозрачной и понятной системы координат. Среди прочего (классиче-

ских и неклассических религиозных идеологий) нужно назвать различные варианты консервативных, националистических, марксистских, социалистических, феминистских, экологических и анархистских идеологических программ, либо вписывающихся в реалии глобального мира, а значит, идущих на компромисс с глобализмом, либо оппонирующих «глобальный человек» (А.А. Зиновьев), либо предлагающих реальные глобальные альтернативы, нацеленные на всечеловеческую перспективу (А.С. Панарин).

Между тем, часть из них носит *тотальный*, а часть — *молекулярный* характер, т.е. различаются формами и способом охвата ментальных полей тех или иных народов, разноуровневыми «механизмами» порождения мотивации / демотивации творчества Истории. Но как показывает исторический опыт, часть обществ может довольствоваться идеологическим и ценностным *minimum*-ом, другие же (среди которых Россия, Китай, Индия и исламские государства) тяготеют к идеократии в ее прямом и позитивном понимании (как системы, включающей Идеал и ценности).

Думается, что российская политическая элита вовремя почувствовала необходимость введения в жизненные ткани России-цивилизации идеологической стратегии. Так, в своей Валдайской речи в сентябре 2013 года Президент РФ В.В. Путин призвал общество к поиску формулы духовной, культурно-цивилизационной, политической, экономической суверенности, которая, в свою очередь, станет плацдармом строительства нового, справедливого мира.

Причем нередко эта новая конструкция миропорядка выводится (что вполне справедливо) из реалий Русского мира, как стабильного, предсказуемого, исторически и социокультурно легитимированного содружества русских (по сущности), волею исторических судеб рассеянных и разделенных. Но само собирание культурно-исторически близких народов в образование под названием «Русский мир» для продолжения творения истории для многих аналитиков и практиков не кажется самоочевидным.

К примеру, Русский мир предлагается осмысливать в: 1) *геополитическом* ключе (В. Цимбурский, А. Дугин и др.), где предусматривается некоторая изоляция и создание суверенной Евразии; 2) *геоэкономическом* *творе* (П. Щедровицкий, А. Неклесса и др.),

где угадывается интеграция русских диаспор с западной цивилизацией, ее экономикой и политикой на основе технологического базиса; 3) *геокультурной перспективе* (С. Градировский, Б. Межуев и др.), в рамках которой Россия обязана выступить в роли ядра некоторого содружества наций, объединяя миграционные потоки и пассионарные массы для некоторого исторического рывка.

Но как бы ни жарки были эти споры, фонд «Русский мир» под председательством В.А. Никонова пытается проводить по всему миру вполне оправданную политику мягкой адресации (*soft power*) лингвистических, культурологических и аксиологических форм творчества русской цивилизации.

Конечно, в *процесс осмысления и продуцирования идеологических смыслов*, хотя и несколько запоздало, включились академическое и университетское сообщества ученых и преподавателей. Включились, нужно подчеркнуть, на волне *Русской весны* в Крыму и Донбассе. Речь идет об инициированном профессором Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского И.И. Кальным проекте разработки релевантной нынешним внутри- и внешнеполитическим условиям существования России идеологической программы.

В рамках этого проекта были проведены скайп-конференции и выпущен объемный том — *Идеология: pro et contra* (Симферополь: ИТ «Ариал», 2015). В ходе исследования, к которому были привлечены ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Курска, Симферополя, Севастополя и Донецка, выяснилось, что в понимании идеологического базиса бытия России консенсуса, увы, пока не существует. Одни авторы ратуют за светские культурные регулятивы; другие делают ставку на гражданское общество, как самовоспроизводящуюся систему, способную и подпирать, и оппонировать государству; третьи доказывают конструктивность рынка; четвертые стоят за технологические новации; пятые выступают за инверсию к модифицированной коммунистической идеологии; шестые — за инверсию к православно-имперскому строю бытия и сознания.

При этом имперскую форму легче всего мыслить в виде априорной конструкции, примордиально заданной стихиям русской истории. Как, например, у петербургского поэта и публициста В. Шемшученко:

Империя не может умереть!
Я знаю, что душа не умирает.
Империя — от края и до края —
Живет и усеченная на треть.

Она живет в балтийских янтарях,
Она живет в курильских водопадах,
Она — и День Победы и «Варяг»,
Она во всем, что мне от жизни надо.

Оплаканы и воля, и покой,
И счастье непокорного народа...
Имперская печаль — иного рода —
Она созвучна с пушкинской строкой.

Она клеветникам наперекор
Глядит на мир влюбленными глазами,
Она не выставляет на позор
Оплаченное кровью и слезами.
Пусть звякнет цепь! Пусть снова свистнет плеть
Над теми, кто противится природе!
Имперский дух неистребим в народе —
Империя не может умереть!

Иное дело — апеллировать к опытному ее происхождению или возможной регенерации в условиях небывалого геополитического, экономического и информационного давления Запада во главе с США. Последняя, на мой взгляд, выражается в предоставлении «вашингтонским обкомом» России статуса региональной державы, более-менее надежного поставщика Западу углеводородов, человеческих (в т.ч., интеллектуальных) ресурсов и некритичного реципиента «образцов» американской массовой культуры.

Неудовлетворенность этой рыхлой и малопродуктивной позицией заставила инициативную группу (в числе которых представители Донецкой Народной Республики и члены Изборского клуба Новороссии) искать общий идеологический знаменатель. Собст-

венно его предварительная версия дана в коллективном труде, прицельно подготовленном для коррекции идеологической картины мира в пользу имперской. Так родилась вторая монография — «Идеология: поиски и находки» (Москва: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015), в которой прописана глава «Идеология для России», где вопрос об имперской идеологии ставится напрямую. Причем формулируется не в терминах воспроизводства «белой» и «красной» империй самих по себе, либо их жесткого фронтального противопоставления.

Здесь говорится о необходимости прекращения идеологических шараханий и скорейшего формирования политико-идеологической перспективы, связанной с традиционным образом Отечества, точнее, Государства, Церкви, социума (в его соборном виде), школы, семьи и самое человеческой личности, образом, вмещающим в себя завоевания «белого» и «красного» проектов. Об этом, между прочим, многократно говорил и писал руководитель Изборского клуба А.А. Проханов, апеллируя к «Пятой империи» с ее интегральными признаками: *«Имперская работа разбудит вековечный русский психотип Народа-Государственника, воскресит в народе представление о себе самом как о Народе-Строителе, Народе-Воине, Народе-Творце»*¹ (курсив мой. — Д.М.).

Но самое, пожалуй, важное заключается в том, что релевантная как мудрости нашей Истории, так и актуально / потенциальным задачам *идеологическая повестка дня сегодня должна нацелить на строительство позитивной идентичности искусственно разделенного русского народа*, сегодня ведущего тяжелейшую борьбу в Приднестровье, Донбассе и на Украине за право быть частью русской цивилизации, в ее имперской форме и содержании, т.е. *вписать его в идеократическую государственность*.

Разумеется, юные по историческим меркам государства (протогосударства) — Донецкая и Луганская народные республики также нуждаются в четком идеологическом *credo*, вытекающем не только из фактов существования ДКР, Конституции ДНР, истори-

¹ Проханов А.А. Народ и империя едины // Проханов А.А. Поступь русской победы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 65–66.

ческого предназначения Донбасса в составе империи Романовых и СССР, но как своеобразного форпоста Русского мира, сегодня перекрестно осаждаемого украинским фашизмом, общеевропейским проективизмом и американским гегемонизмом.

Спрашивается, какой же видится эта общая идеологическая формула для России как новой империи? Тем более, что любой отдельно взятый вне ее контекста дискурс педалирует те или иные противоречия: марксистский — классовые; либеральный — между индивидом и обществом (государством), националистический — национальную исключительность...

Казалось бы, апелляция к привычным (проверенным жизненным опытом) ценностям — *православной вере в спасение, всечеловечности, убежденности в действенности добра, единству слова и дела, исканию правды, совестливости, отзывчивости и уживчивости, эстетизации природы и быта, соборному строю жизни и любви к Родине*, — образующим культурный код русской цивилизации, исчерпывает вопрос полностью. Но имперское (коль скоро его задание досталось нам от Византии, завещавшей строить и сохранять до конца времен универсальную православную империю) строительство все же не может обойти вниманием пункт, четко обозначенный М.Н. Катковым.

В своей статье «На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом» (1881) он писал: «В России государственную партию составляет весь русский народ. Гнилой либерализм и гнилой консерватизм оказывается только в нашем гнилом космополитическом и поверхностном образовании. *В годину опасности и великих событий, когда могущественно поднимается в сердцах народное чувство, гниль исчезает, умы оживляются и все противогосударственное, все противонародное, всякая политическая безнравственность и предательство с трепетом прячется в свои норы. Все поистине великое и плодотворное зачинается в эти минуты пробуждения народного духа.* И вот ввиду опасности, грозящей нам страшными смутами, ввиду свершившегося беспримерного злодеяния (убийства императора Александра II. — *Д.М.*), ввиду этого надругательства над нашим народом, этого предательства, вступившего в союз с анархией, — неужели в нас не пробудится во

всем своим могуществом русский народный дух? Неужели не пора исчезнуть всяким партиям на Руси, кроме той, которая едина с русским народом?»¹ (курсив мой. — Д.М.).

И как бы ни повернулось «колесо Истории», но искусственный раскол русского (советского) народа, наступивший в 1991-м, пляски смерти на всевозможных акциях типа «визитов Папы Римского», многочисленные майданы и госперевороты в бывших республиках СССР, противозаконные санкции, обрушение цен на нефть, управляемая война в Донбассе, напряженность в Крыму, Приднестровье и Центральной Азии не отменяют главного: тоски русского человека по настоящему Общему делу, которое нравственно оправдывает не только его самого, но и народы и культуры, к которым оно обращено. Обращено же с одной целью — облегчения земных страданий и открытия пути к Спасению.

¹ Катков М.Н. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом // Катков М.Н. Империя и крамола. М.: Фонд ИВ, 2007. С. 244.

Русское будущее

«Нам предстоит заново учиться жить...»:
Россия и ее судьба в духовно-патриотическом
наследии митрополита Иоанна (Снычева)*

Нынешняя осень, при всей трагичности для Украины и России потрясений (2-й «майдан» и война в Донбассе), отмечена рядом судьбоносных событий. Прежде всего — это принятая XVIII Всемирным русским народным собором *Декларация русской идентичности*. Последняя, наконец-то, очерчивает фактуру русской идентичности: «В формировании русской идентичности огромную роль сыграла православная вера. С другой стороны, события XX века показали, что значительное число русских стало неверующими, не утратив при этом национального самосознания. И все же утверждение о том, что каждый русский должен признавать православное христианство основой своей национальной культуры, является оправданным и справедливым. Отрицание этого факта, а тем более поиск иной религиозной основы национальной культуры свидетельствуют об ослаблении русской идентичности, вплоть до полной ее утраты»¹.

При этом в Декларации говорится: «Таким образом, принадлежность к русской нации определяется сложным комплексом связей: генетическими и брачными, языковыми и культурными, религиозными и историческими. Ни один из упомянутых критериев не может считаться решающим. Но для формирования русского национального самосознания обязательно, чтобы совокуп-

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Муза Д.Е. «Да, жизнь есть веры воплощение...» (этюды русской аксиологии). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. С. 94–110.

¹ Декларация русской идентичности // Официальный сайт Московского Патриархата [www.patriarchia.ru/db/text/508347.html].

ность этих связей с русским народом (независимо от их природы) была сильнее, чем совокупность связей с любой иной этнической общностью планеты.

Однако вопрос о природе русской идентичности, как идентичности ценностного порядка, уже ставился и был отредактирован. Речь идет о духовном попечителе русской земли, ревностном пастыре, смиренном иноке и писателе, митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском Иоанне (Снычеве).

Для того чтобы разглядеть контуры и специфику проблемы русской идентичности, узреть ее глубинный метафизический смысл и нравственное значение, необходимо духовное зрение, необходима неискореженная русская душа и напоенное молитвенным плачем сердце, наконец, необходимо чувство пастырской и гражданской ответственности. Всем этим обладал митрополит Иоанн, чье церковно-историческое, богословское, пастырско-нравоучительное и историософское наследие отражает «час души, как час беды» (М.И. Цветаева).

Во время великого испытания русского и духовно близких ему народов на прочность лишь немногие наши соотечественники сумели выстоять в борьбе с невиданными историческими и личными соблазнами и прельщениями 1990-х гг. прошлого века. Еще меньше тех, кто нашел в себе силы и мужество ударить в набатный колокол, сокрушаться оттого, что гибнет великая Россия, практически в одиночку призвав сынов Родины на последний рудут. Это и А.И. Солженицын с его телевизионными беседами и последними книгами, это и И.С. Глазунов с его художественными откровениями — «Рынок нашей демократии» и «Мистерия XX века», это и В.В. Кожин с его тонкими историческими наблюдениями и обобщениями — «Победы и беды России», «Россия: XX век». Естественно и закономерно, что в этом ряду свое достойное место должен занять пастырь земли русской.

Ниже я попытаюсь обозначить главные болевые точки социально-исторического момента¹, мимо которых не смог пройти ие-

¹ Необходимо отметить, что на сегодняшний день существует обширная литература, посвященная тяжелейшему кризису, в котором оказалась Россия, решившая не только покончить с коммунизмом, но и бездарно самоупраздниться —

рарх Русской Церкви, особо ревновавший о восстановлении духовно-нравственного облика народа. В связи с этим из наследия владыки мы используем только тот пласт его мысли, который сконцентрирован на историософии России, на ее крестном историческом пути. Ныне это наследие тщательно изучается, о чем свидетельствуют как публикации¹, так и переиздаваемые работы владыки². При этом популярность взглядов митрополита Иоанна необычайно велика, равно как велико отторжение его идей, кажущихся кому-то проявлением дремучего средневековья, — в век апофеоза высоких технологий, экономических стандартов жизни, торжества либерально-демократических институтов и ценностей. Не говоря уже о V.I.P. образе жизни.

Так в чем же, спрашивается, может убедить нас автор, осмелившийся поставить под сомнение онтологическую и ценностную совместимость русской цивилизации и западной? Какие аргументы предлагает он для того, чтобы предостеречь «прогрессивные» головы от губительного втягивания в глобальное сообщество, выстраиваемое объединенным Западом на территории России и ци-

в качестве цивилизационного субъекта — из всемирной истории. Речь идет о моменте физического и морального падения, который чаще всего очерчивается десятилетием: от начала горбачевской «перестройки» — до торжества ельцинской «демократии». Среди наиболее интересных работ укажем на обобщающие тексты: *Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998; *Назаров М.В.* Тайна России. Историософия России XX века. М.: Русская идея, 1999; *Фроянов И.Я.* Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2002; *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. Гибель утопии. М.: Алгоритм, 2002; *Леонов Н.С.* Крестный путь России. 1991–2000. М.: Русский дом, 2003; *Козин Н.Г.* Есть ли у России будущее? Критика исторического опыта современности. М.: Норма, 2008; *Тростников В.Н.* Бог в русской истории. М.: Издательский совет РПЦ, 2008; *Ильин В.Н.* Манифест русской цивилизации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013; *Проханов А.А.* Русский вихрь. М.: Книжный Клуб Книгозек, 2014.

Для всех этих работ, при том, что их авторы принадлежат к различным интервалам идейно-политического спектра (от монархистов — до коммунистов и демократов), характерно желание разобраться в сути произошедшего. Думается, что названные авторы, в большей или меньшей степени, недооценивают метафизическое или духовное измерение бытия России, столь четко артикулированное в работах митрополита Иоанна (Снычева).

¹ Напр.: *Коняев Н.М.* Облеченный в оружие света. М.: Трифонов Печенгский монастырь; *Ковчег*, 2004; *Михайлов В.А.* Встречи с владыкой Иоанном. СПб.: Царское дело, 2005.

² Напр., имеется в виду работа «Русский узел».

визационно породненных с нею государств (разумеется, при помощи прозападных элит)? Наконец, что сулит русской культуре и русскому человеку та новоевропейская «делка с дьяволом», которая обернулась на постсовременном и постхристианском Западе «договором изобилия»¹ и фронтально обращена к ним?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, вспомним об одной инвариантной черте, присущей русской философии и литературе. Речь идет о нежелании наиболее ярких представителей великой культуры мыслить шаблонами, выработанными западными интеллектуалами для описания объектов с определенной эмпирической конкретикой и скрывающейся за нею сущностью. Подобные шаблоны не раз экстраполировались в теоретические конструкции в виде «непреложных истин», а затем и в саму социокультурную ткань. Так вышло с наследием К. Маркса, затребованным не только для описания / объяснения такого объекта социального познания, как Россия, с ее иноцивилизационной (и Западу, и Востоку) спецификой, т. е. онтологией и семантикой, но и для трансформации под разработанный для западных обществ образец исторической морфологии — коммунистическую общественно-экономическую формацию. Так получилось и с наследием М. Вебера (которое центрировано на протестантском культурном комплексе с его атрибутами — избранности, индивидуальном этосе, целерациональности, калькулятивности происходящего), вошедшем в моду благодаря нелепой, самой по себе, установке, на теоретическое обоснование модернизационного перехода российского общества в число развитых западных государств, в конце XX века.

То же наблюдается и сейчас, когда, к примеру, на традиционных «Сковородиновских чтениях» (!), проводимых Харьковскими вузами — национальным и национальным педагогическим университетами, велегласно «канонизированы» Э. Гидденс и Ю. Хабермас (что же, в своем отечестве по-прежнему нет пророка?).

Поэтому можно предположить: то, что происходит с идейными продуктами философской мысли Запада, — на полигоне русской

¹ *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 242.

истории, является большой исторической и цивилизационной катастрофой. «Всемирная отзывчивость» — замечательная национальная черта русских, но, в конце концов, весь ли объем знаний, импортируемых с передового Запада, — для усиления собственного социокультурного потенциала, оборачивается благом?

Вспомним, что П.Я. Чаадаев, славянофилы и западники, Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев, Н.Н. Страхов и В.С. Соловьев, евразийцы и И.А. Ильин и мн. др. тоже были искушены идеей просвещенного общества (цивилизации), идеей, самой по себе, универсальной, а значит, ценностно близкой русской душе. Но опять же, лишь некоторые из них преодолели псевдоуниверсализм западных социокультурных образцов.

Любой искус, как известно, имеет свои положительные и отрицательные стороны (уроки). Отсюда вопрос: является ли перенимаемый с Запада идейный комплекс тем спасительным средством, которое может снабдить русскую жизнь страстно желаемой вселенской гармонией? Или проще: это ли (марксизм, либерализм, «рыночный фундаментализм», постмодернизм, гедонизм и т.д. и т.п.) те средства, которые ведут в наилучший из «возможных миров»?

В конце концов, историософии и макросоциологии необходимо разобраться в методологических тонкостях описания сложноструктурных обществ, тем более, с длительной культурно-исторической эволюцией. Причем как обществ, педалирующих рычаги прогресса, так и тех, кто к западной идее прогресса имеет самое негативное отношение. В настоящий момент такой областью знания, как социология знания, доказано, что стандарт описания в социальных науках, — стандарт, выработанный в различных социокультурных условиях (к примеру, в контексте науки и философии общества модерна), не может быть единым и универсальным. Он может, в лучшем случае, претендовать на роль совершенного инструмента понимания общей динамики социальных систем, в то же время оставляя часть исследуемого поля иным когнитивным гипотезам или вообще отдавая себе отчет в проблематичности идеи универсальной истории¹. Иначе говоря, полиархическое пространство Истории, наличие в ней уни-

¹ *Рікер П.* Історія та істина. К.: Вид. дом «Академія»; Університетське вид. «Пульсарі», 2001. С. 81–85.

кальных цивилизационных потоков требуют к себе более адекватного познавательного и ценностного отношения.

Сказанное подводит нас к мысли о том, что процессы, происходившие ранее и происходящие сейчас в постсоветской России, должны быть восприняты не с позиции заемных теорий и методологий, но при создании предметно, т. е. генетически и морфологически связанной с бытием русской цивилизации, комплексной аналитико-прогностической программы. набросок такой программы мы находим в нескольких работах владыки. Но прежде чем перейти к экспликации бытийной модели русской цивилизации, оказавшейся в затяжном кризисе, сделаем еще одно уточнение. Вспомним: православная историософия (от славянофилов и Ф.М. Достоевского до И.Л. Солоневича и И.А. Ильина), в отличие от натуралистической, позитивистской, марксистской, попперианской и синергетической гипотез, всегда апеллировала к пневмической составляющей истории и из духовных факторов пыталась вывести всю гамму цивилизационных связей и отношений, а также траекторию жизни макросоциального организма. Для этого были введены в оборот определенные философемы, поясняющие генетические, структурно-функциональные, символические, аксиологические и телеологические моменты цивилизационного бытия. К данной традиции присоединяется митрополит Иоанн, заявляя, что «стремление к чистоте и святости»¹ составляют основную культурно-историческую мотивацию жизнедеятельности русского народа. Причем мотивацию, которую не смогли ослабить ни внешние агрессии и «вызовы», ни внутренние «смуты» и катаклизмы.

Опираясь на этот (не надстроечный, а базисный для русской цивилизации) постулат, он и строит модель процесса созидания, разрушения и грядущего восстановления России и Русского мира. В работе «Самодержавие Духа»² была осуществлена попытка демонстрации духовно-нравственных истоков бытийно-исторического проекта (с самоидентифицирующим названием «Святая Русь»); историче-

¹ *Высокопреосвященнейший Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Битва за Россию. СПб.: Издатель Л.С. Яковлева, 1993. С. 43.

² *Высокопреосвященнейший Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Царское дело, 1995.

ских путей и тупиков развития этого проекта; несостоявшегося полноценного культурного и политического диалога с Западом, первым из семьи цивилизаций заявившим о своем нежелании нести исторический крест, и вообще, бросившим Богу вызов в виде секулярно-заземленных и богоборческих идеологий; назидательных нравственных уроков прошлого — для общества и отдельной личности.

Сказанное здесь об имманентном решении Россией цивилизационных задач уже является хрестоматийным¹, за вычетом, пожалуй, вопросов дискуссионного характера (например, о личности царя Иоанна Грозного и Сталина, о церковном расколе, о перманентном предательстве интеллигенцией интересов России). Опираясь на громоздкий социокультурный материал, автор расставил акценты таким образом, что прорисованная им «логика» социального бытия тяготеет к жанру исторической трагедии². Данное наблюдение нуждается в конкретизации.

Классическая античная трагедия, как известно, строилась на идее невозможной утраты личности героя (носителя некоторой

¹ Несмотря на продолжающиеся попытки редукции культур-цивилизационного процесса и его результатов в России к рабскому, инфантильному, авторитарно-патриархальному, тоталитарно-репрессивному архетипам (Р. Пайпс, А. Янов, Дж. Хоскинг и др.). См. напр. альтернативные в теоретическом и ценностном плане работы современных авторов: *Платонов О.А.* Русская цивилизация. М.: «Роман-газета», 1995; *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002; *Тростников В.Н.* Православная цивилизация. М.: Сибирский цирюльник, 2004; *Боханов А.Н.* Русская идея. От Владимира Святого до наших дней. М.: Вече, 2005. Или, к примеру, фундаментальный обобщающий труд: *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты.* Энциклопедический словарь / Ред. кол. М.П. Мchedлов и др. М.: Республика, 2001.

² Несмотря на рассмотренный выше вариант трактовки русской трагедии А.А. Зиновьевым, хотелось бы обратить внимание и на иную ее транскрипцию. «Катастрофичность русской истории общеизвестна» — писал владыка в работе «Русь соборная» (*Высокопреосвященнейший Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб.: Царское Дело, 1995. С. 10.). Но факт многократной регенерации ее цивилизационного организма заставляет еще и еще раз задаваться вопросом о смысле переживаемых катастроф и трагедий, а также парадоксе его восстановления. Известно, что уже Ф.И. Тютчев предложил любопытную формулировку закона российского исторического бытия: «По воле Провидения... ее (России — Д.М.) самые заклятые враги всегда более содействовали развитию ее величия». См.: *Тютчев Ф.И.* Россия и революция // *Тютчев Ф.И.* Русская звезда: Стихи, статьи, письма. М.: Русская книга, 1993. С. 281.

всемирно-исторической задачи) и утверждении его относительно бессмертия. Фактура жанра требовала свободного выбора и действия героя, идущего вразрез с линией (обычно заранее) предначертанной судьбы. Христианство не только изменило трагедийный контекст, оно упразднило античное представление о трагическом (и героическом), взамен предложив иную смысловую конфигурацию. А именно: *Ось Истории и ее смысл — в Голгофе, в крестной жертве Бога ради людей, и, разумеется, эта ось формирует отношение людей к факту Воскресения, т. е. абсолютной победы добра над злом, жизни над смертью.*

В такой богословски мыслимой модели личностный Бог, отдельная человеческая личность и целые народы «помещены» в Историю, где драматически осуществляется замысел Творца о человеке и человечестве. Причем замысел, в котором и личность, и народ обязаны принять живое участие, путем свободного избрания единственно оправданной *цели жизненного процесса — спасения*, заповеданного Иисусом Христом.

Люди, как и народы, считал владыка, по-разному отвечают на призыв Божий, ибо свободная воля, данная им Творцом, рано или поздно, обязана найти предмет своего приложения. Позитивный сценарий: соработничество Богу, домостроительство, творчество христианской культуры и государственности (здесь важно отметить, что субъект, делающий выбор в этом направлении, конституируется не просто как проводник евангельских истин на земле, он, по обетованию (Лк. 21, 12–19), не принимается миром (другими субъектами) и изгоняется из него, ибо земное — преддверие небесного, а не конечная цель бытия. Тем не менее, собрание народов (языков) — для цели спасения — составляет важную задачу всякого охристовленного субъекта, соборного не только в идеале, но и на практике (Церковь и общественность). Таковым и стала Русь, *свободно* приняв от Византии импульс христианского благочестия, послужившего основой ее цивилизационного историетворчества. С другой стороны, народы, больше доверяющие языческому миропониманию (начиная с онтологии мира и антропологии и заканчивая общим смыслом/целью бытия), не просто не принимали Христа (см. «Легенду о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского),

«умерщвляли» Его (Фр. Ницше), но при этом конструировали нехристианские мифологии (о Фаусте, о прогрессе, о Сверхчеловеке, о чудодейственной «механике» рынка, о Третьем рейхе, о коммунистическом царстве свободы, о правах человека, об «открытом обществе», о «порядке из хаоса», об «обществе потребления», о всепоглощающей Матрице...).

Применительно к сцене всемирной истории, где свое геокультурное место имеют и цивилизационно-историческую роль играют Россия, цивилизации Востока и Юга, наконец, Запад, это означает, что общий сценарий «задуман» как внутрочеловеческий диалог о главном. В этой связи вспомним о концепции К. Ясперса, который полагал, что первое «осевое время» (с его духопреобразующими мир и человека практиками) сошло на нет вместе с цивилизациями древности; второе, новоевропейское, породило *модерн* (прогрессивное общественное бытие, главные ресурсы которого — наука, техника и светская идеология — либерализм, поставленные на службу экономике, при наличии маргинальных слоев культуры — религии, морали или искусства), который так и не стал эпохой реальной ценностной интеграции народов и государств, а доминированием (односторонне развитой) западной цивилизации — над отставшими незападными мирами. Эти неудачи диалога отодвинули проблему поиска единства в будущее, в пост-современность¹, или вообще аннулировали².

Сейчас признано, что XX век, закончившийся ситуацией *постмодерна* (мировоззренчески и ценностно неопределенной пер-

¹ К примеру, известный современный автор А. Этциони пишет о том, что общества Востока и Запада так и не научились диалогу за все время их исторического взаимодействия. «Внимание» Запада к автономии личности и пietet Востока перед великими идеологиями (метафизико-мировоззренческими системами) пока не позволяет выработать нормативный синтез для современного «справедливого общества». «Эпохальный обмен ценностями» Востока и Запада может состояться на основе «взаимообучения» цивилизаций, а не экспорта отдельных элементов культуры. См.: Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. С. 36–40.

² См. напр.: Муза Д.Е. В поисках ценностных оснований для диалога современных культур // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты: Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева / Под общ. ред. Н.М. Мамедова, А.Н. Чумакова; Ответ. ред. А.А. Гезалов, И.Р. Мамед-заде. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С.165–176.

спективы развития человечества), создал больше внутри- и межцивилизационных проблем, чем когда бы то ни было ранее. Духовной родиной большинства из них является западный мир¹.

Нужно заметить: будучи христианским по ценностным основаниям, Запад, тем не менее, совершил дрейф: от этического универсализма христианского обетования — через либерализм — к тоталитарным проектам (тоталитаризму фашистского типа и тоталитаризму в форме социализма)². Поскольку обе антихристианские попытки коснулись культурной системы России, ее «перестройки», но не получили окончательной ценностной легитимации, то был предложен еще один вариант, — постхристианской культуры, в рамках которой Голгофа «столь же необязательна и столь же случайна», как и всякая другая система ценностей³. Естественно, что в таком случае сделавший христианство маргинальным (см. хотя бы идеологический блок Конституции Единой Европы, в которой христианству нет места) элементом своей культурной системы современный Запад выступает объектом серьезной критики, и в первую очередь, с позиции «творческого меньшинства» распадающейся русской цивилизации. Одним из его представителей и был владыка Иоанн⁴.

¹ В этом контексте важна классическая для историософии Запада самокритика, проведенная О. Шпенглером и А.Дж. Тойнби. На сегодняшний день часть западных интеллектуалов сходятся во мнении о том, что цивилизационный проект Запада близок таки к завершению. Любопытно в этом отношении мнение британского политолога К. Коукера: «Запад скорее всего истощил свои творческие возможности. Создается впечатление, что он живет за счет интеллектуальной ренты и как идеологическая концепция, по-видимому, метафизически обескровлен». См.: *Коукер К.* Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 236.

² *Лекторский В.А.* Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 4–5.

³ *Лекторский В.А.* Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 8.

⁴ Здесь уместно вспомнить одно положение концепции А.Дж. Тойнби: именно «творческое меньшинство» обязано выработать конструктивный «ответ» на «вызов» внешней среды или «давление» иных обществ. Этот «ответ», в свою очередь, должен получить духовное признание у всегда инертного большинства. Можно предположить, что часть русской эмиграции и те, кто находился во «внутренней» эмиграции, сумели-таки дать ответ на «вызов» марксистской религии, при этом руководствуясь ценностным пониманием России как самобытной цивилизации. Ныне Церковь как институт гражданского общества пользуется

Как нам кажется, духовным очам владыки открылся вполне реальный горизонт падения России, не в первый раз искушаемой «просвещенным» Западом и его полпредами «внутри» славянства. Отсюда — острота антизападных инвектив и трезвомыслие в вопросе восстановления культурной идентичности. Русский цивилизационный (имперский)¹ взгляд на мир покоится на *представлении о жизни как религиозном долге*, т.е. как «всеобщем совместном служении евангельским идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания»². Это служение возможно там и тогда, где и когда общество будет конституировано в субъект для духовно-созидательного историчесотворчества. Подобное возможно в том случае, если соби́рание земель, народов и культур (на территории Евразии) в сверхгосударственную форму осуществляется при водительстве Церкви, с присущим ей алканием горнего, с воплощенным в ней принципом соборности.

Вспомним, что соборное устройство Церкви проистекает из ее новозаветного духа, — духа нравственного равноправия каждого

наибольшим доверием россиян. Характерно также и то, что аргументация митрополита Иоанна строится на выработанном русской философией, литературой и собственно нравственным сознанием народа взгляде на трагедию XX века. В его работах встречаются аллюзии к идеям Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина, И.Л. Солоневича, Н.А. Бердяева, И.С. Шмелева, С.Л. Франка и др.

¹ Категория «империя» играет важную роль в православной историософии владыки (например: *Высокопреосвященнейший Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб.: Царское Дело, 1995. С. 91–133). Государство, объединяющее в себе различные этносы и культуры вокруг некоторой «державной идеи», — идеи «миродержавной» или принципа вселенского служения, и названа у него империей. Здесь важен ракурс, удерживающий качество плюральной социокультурной формы, содержательно связываемой ценностно-смысловой вертикалью, уходящей в небо. История свидетельствует, что не всякий народ (при наличии потребности в строительстве большого государства-империи) может воплотить имперский принцип как принцип сакрально-ценностный. Так, известны *национальные, колониальные и цивилизационные империи* (см. напр.: *Бедрицкий А.В.* Цивилизационный аспект государственного развития на постсоветском пространстве// Геополитика славянства. III Крымские Международные чтения Н.Я. Данилевского. Симферополь: Крымский архив, 1998. С. 3–12). Последние, распространяя свое влияние на территорию цивилизационного ареала, функционально развертываются как структура с централизованным мистическим, государственным и хозяйственным интервалами.

² *Высокопреосвященнейший Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Битва за Россию. СПб.: Издатель Л.С. Яковлева, 1993. С. 70.

перед Творцом и Его Истиной и, что самое важное, проецируется вовне, в мир, на вещества социальности и государственности. Соборный принцип, как теперь доказано¹, сопрягает индивидуальную свободу личности и бытие общины, коллектива, не растворяя ее в целом без остатка. Поэтому соборное начало должно быть утверждено в мире, ведь ни одна человеческая личность, этнос или народ не должны «выпасть» из Божьего замысла, из общей (небесной) участи людей, поддерживать которую вверено Церкви. Нет ничего странного в словах митрополита Иоанна о том, что: государство — это большая семья (духовно родственных членов); власть в государстве должна быть подчинена «диктатуре совести» и покоиться на принципе служения высшей задаче Истории — спасению личности и общества; светская власть обязана соотноситься с духовной властью на основе «симфонии», разработанной еще в Византии (император Юстиниан, VI новелла) и ставшей для Руси-России образцом церковно-государственных отношений². То есть, восстановив нравственно-религиозные ценности как основу жизни, можно говорить о возрождении русской цивилизации и Русского мира.

К сожалению, события настоящего говорят об обратном: по-прежнему имеет место предательство интересов России и стран СНГ, а то и отступление от ее исторических и нравственных завоеваний. Дважды доверившись идеологическим фантомам, ее народ вверг себя и других (доказательство соборного устройства цивилизации от противного) в пучину греха, завершением которого стал грех национальной гордыни (распад империи) и братоубийственных действий (например, в октябре 1993 года³). Не зря об этом молвила русская поэтесса:

Как рассказать потомкам православных
весь смрад, весь морок преднебытия?
Как начертать с высоких букв заглавных
твое призванье, Родина моя?

¹ Напр.: *Холодный В.И.* А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. М.: Академический проект, 2004.

² *Высокопреосвященнейший Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Царское Дело, 1995. С. 336–339.

³ Известно, что людей, взявших в руки меч и проливших кровь в августе 1991-го и октябре 1993-го, владыка предал анафеме.

Грядущее мертво или сонливо:
когда и ступит на бездонный двор!..
По пепелищу траурная Клио
бредет, потупя свой бесстрашный взор¹.

Такой поворот реки времени на нашей земле, тем не менее, дал и определенные надежды на будущее. Они сфокусированы на идее перманентного утверждения идеала, как коренной черты русского характера. Служение конкретно понимаемому идеалу — «жертвенное и героическое, высокое и скорбное, общечеловеческое и вселенское, — заключается в том, чтобы до конца времен стоять преградой на пути зла, рвущегося к всемирной власти. Стоять насмерть, защищая собой Божественные истины и спасительные святыни Веры»². Это «стояние в вере» и за веру возможно при блаженстве чистого русского сердца, откликающегося на богоугодные нравственные дела.

Думается, что только в свете этого положения возможно воспринимать русский народ как общность духовного порядка, тем более, что понятие «русский», считал владыка, не является исключительно этнической характеристикой. «Соучастие в служении русского народа может принять каждый, признающий Богоустановленность этого служения, отождествляющий себя с русским народом по духу, цели и смыслу существования, независимо от национального происхождения»³.

Поэтому нравственное свидетельство о величии Божьего замысла о мире и о человеке, как со стороны Церкви, так и со стороны великой русской литературы и философии, науки и хозяйства, искусства и быта, — вот тот путь, который возможен и желателен для нынешней России. Вернуться к нему, заново научившись жить, и завещал митрополит Иоанн.

¹ Глушкова Т.М. СНГ. Историк // Глушкова Т.С. Не говорю тебе прощай... Стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 395.

² Иоанн, митрополит Петербургский и Ладожский. Родиться русским есть дар служения // Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. СПб.: Царское Дело, 1996. С. 88.

³ *Высокопреосвященнейший Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Битва за Россию. СПб.: Издатель Л.С. Яковлева, 1993. С. 13.

Роль исторической картины мира XX века и механизма памяти в воссоздании позитивного образа Великой Отечественной войны*

Проблема деструкции образа Второй мировой войны (в более привычной для советской историографии, партийного и массового сознания терминологии — Великой Отечественной войны) вполне очевидна: присущая ей политическая заостренность говорит о нежелании Запада и его лидера США далее видеть в сегодняшней России партнера, а тем более, союзника. Более того, усматривать в ее политике угрозу мировому сообществу наряду с ИГИЛ и вирусом Эболой.

Причины резкого разворота США и их сателлитов — к казалось бы — забытым конфронтационным принципам и подходам, а то и прямого ведения информационной войны (резолюция Конгресса США № 758 от 04.12.2014)¹ не лежат на поверхности.

Думается, причины такого феномена нужно искать в пунктах «Публичного закона 86–90» — «Резолюции о поработанных нациях» (принятого Конгрессом США в 1959 году), основным пунктом которого является утверждение, что «империалистическая политика коммунистической России (не СССР, а России!) привела, путем прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала (Поволжья и Урала), Тибета, Казакии, Туркестана, Северного Вьетнама и т. д.».

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Материалы Международной научной конференции «Духовная составляющая Великой Победы» (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы Международной научно-практической конференции. 16 апреля 2015 года. Часть II. Луганск, 2015. С. 10–12.

¹ На полях замечу: сама резолюция, хотя и явилась реакцией конгрессменов на текущие события в Крыму и на Востоке Украины, она была подготовлена исподволь — секретными службами ЦРУ и Пентагона в виде кибервойны. Собственно все «цветные революции» последних лет, как и локальные конфликты в Грузии, на Севере Африки и Сирии уже имели это измерение. См.: *Кларк Р., Нейк Р.* Третья мировая война: какой она будет? СПб.: Питер, 2011.

Собственно, победа СССР с участием союзников по антигитлеровской коалиции не была победой в чистом виде: западные державы очень быстро (после Фултоновской речи У. Черчилля, произнесенной 05.03.1946 г. в Вестминстерском колледже (США) пересмотрели свое отношение к СССР. Якобы из-за жесткой политики в Европе.

И в последующие годы — годы «холодной войны», былые отношения больше не восстанавливались. Напротив, указанный «закон» нацеливал на разрушение Советского Союза и формирующегося социалистического лагеря.

Рассмотрение этой ситуации позволяет обратиться к помощи философии науки, которая оперирует понятием «картина мира». Последнее позволяет каждому, кто занят наукой (естественными, техническими или социо-гуманитарными науками), исходить из обобщающего представления о той или иной предметной области.

Понятие «картины мира» отсылает к: а) фундаментальным объектам (законам их организации и функционирования); б) к структуре расположения объектов в реальности; в) пространственным и временным характеристикам существования объектов; г) возможным изменениям природы этих объектов с учетом общеэволюционных, техноэволюционных, антропо- и социоэволюционных механизмов.

Разумеется, все это касается исторических наук.

Если исходить из того, что XX век — это время картины мира, в которой конститутивными событиями и процессами являются I-я мировая война (где торжествовала Антанта, но без России), великая депрессия и стратегия Рузвельта, победа западных демократий над Гитлером, устрашение Японии, одоление СССР в гонке вооружений и иных соревновательных маршрутах, начало глобальной гегемонии США, а не 1917 год, победа СССР и союзников над Гитлером (ялтинско-потсдамский мировой порядок), создание системы сдержек и противовесов экспансии капитализма и западной демократии, Хельсинское соглашение, то Великую Отечественную войну можно забыть. Более того, симметрично обвинить Гитлера и Сталина в разжигании пожара войны.

Иначе говоря, произвольное изменение фактуры и ценностей исторической картины мира, без консенсуса ученых и политических элит, чревато серьезными потрясениями.

Спрашивается, учитывают ли это не всегда очевидное обстоятельство те, кто реализует деструкцию, деконструкцию или нечто иное? Например, последователи сэра У. Черчилля.

Так, в своей Фултонской речи У. Черчилля недвусмысленно говорится следующее: «*На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень*. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям»¹ Далее, как известно, следует аналитика этой «тени», которая связана с «железным занавесом» (за которым оказались все столицы «древних государств Центральной и Восточной Европы» — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София, а также Дальний Восток), плюс призывом от Британского Содружества к администрации США к совместным действиям «в воздухе, на море, в науке и экономике» по «исключению» «неспокойного, неустойчивого баланса сил»² (курсив мой. — М.Д.).

С другой стороны, в преддверии празднования 70-летия годовщины нашей Великой Победы целесообразно задаться вопросом: является ли «Великая Отечественная война для нас — опорным пунктом национального самосознания»³, или нет? В зависимости от правильного ответа на этот вопрос, думается, Россия и ее верные союзники обретут мотивацию жить дальше и строить великий «Русский мир»; историки напишут единый учебник по истории XX века; народ сможет «запустить» механизм анамнезиса собственной судьбы, которая, с объективной стороны, — априорна, но в отношении фундаментального исторического опыта — апостериорна. В этом ценность текущего, весьма важного момента бытия России.

¹ Черчилль У. «Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ» // Источник. Документы русской истории. 1998. №1 (32). С. 96.

² Черчилль У. «Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ» // Источник. Документы русской истории. 1998. №1 (32). С. 97–98.

³ Нарочницкая Н.А. «Завоевать Россию можно, лишь стерев память народа» // Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. С. 188.

Что строим на этот раз? (заметки к незавершенному спору об исторической сущности России)*

Нынешний, посткрымский вариант развития России неумолимо еще раз ставит вопрос о ее исторической сущности. Казалось бы, проблема теоретически и практически — исчерпана, поскольку об этом предмете написаны тысячи книг и статей (начиная Н. Данилевским и К. Леонтьевым и заканчивая С. Хантингтоном и Дж. Кьеза), с той или иной степенью успешности реализованы на деле геостратегические и культурно-исторические задачи: прежде всего — российско-имперские и советско-имперские. С другой стороны, коллапс этих исторических форм существования России, равно как и поиск новой, говорит о незнании (непонимании) ее природы, стихии, судьбы.

Около двадцати лет назад в одной из своих книг А.С. Панарин писал: «Споры о том, чем является Россия — империей (насильственным объединением этносов), нацией или цивилизацией, имеют прямое отношение к методологии государственного строительства. Сегодня этот вопрос решен в духе европейской модели прошлого века — понятия России как нации. Отсюда выход из СССР. Мне это решение представляется неадекватным цивилизационной природе России. Не случайно ему сопутствует не национально-государственная стабилизация, как можно было бы ожидать, а усугубляющаяся дестабилизация и угроза распада самой России.

По-видимому, Россия скреплена тем же сплавом, который держал наше государство в границах царской империи, а затем СССР. Когда этот сплав теряет силу, то государство рушится. В зависимости от того, определяем ли мы Россию как империю, как национальное государство или как цивилизацию, решается вопрос и об основном политическом субъекте, на котором лежит ответственность за целостность и безопасность страны. *Имперская интерпретация* дает

* ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО: Материалы Международная научной конференции «Цивилизационная парадигма в философии и смыслсложившаяся рефлексия». Ростов-на-Дону: РАНХиГС, 2015. С. 128–130.

нам государственническую (этатистскую) парадигму, ориентирующую на жесткие политические технологии «сборки» российского пространства, на централизм и униформизм.

Во втором случае предстоит уповать на *технологии «правильного котла»*, постепенно растворяющего этносы в единую суперэтническую общность. Главным принципом, на котором работает «правильный котел», является неуклонное снижение зависимости между этническим происхождением индивида и возможностями его вертикальной мобильности. Когда такая зависимость падает едва ли не до нуля, индивиды начинают идентифицировать себя не с этнической группой, а с политической нацией, пространство которой выступает как место осуществления «американской мечты», «советской мечты» и т.п.

В третьем случае, когда *Россия выступает как особый тип цивилизации*, не растворяющей этносы, а объединяющей их в общем суперэтническом пространстве, каждому гражданину предлагается сочетать двойную идентичность: национальную и цивилизационную. Коды цивилизационного единства не совпадают с технологиями правильного котла, задача цивилизации — наладить тесную коммуникацию отдельных этнических культурных миров, поместить их в общее духовное, экономическое, информационное пространство, в котором существовал бы единый метаязык, а специфические этнокультурные импульсы конвертировались в форму универсального цивилизационного творчества¹ (курсив мой. — М.Д.).

Зафиксированная таким образом проблемная ситуация — при всем внимании к ней со стороны теоретиков, действующих политиков (включая Президента РФ), Патриарха, общественности, — пока так и не нашла своего адекватного разрешения. По-прежнему можно видеть идею «национального строительства» («Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»), при отказе от «имперских амбиций» (заявление Президента РФ В.В. Путина от 16.04.2015), при недостаточном внимании к цивилизационному своеобразию — культурному коду, духовной органике, аксиологии и телеологии — России (!).

¹ *Панарин А.С.* Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в Евразии // *Панарин А.С.* «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФ РАН, 1996. С. 109.

Между тем, сам же русский философ и политолог ратовал за цивилизационную парадигму, которая в теории связана с христианским (византийским) суперэтническим текстом и универсалиями Просвещения. Отсюда представление о том, что России, ее природе корреспондирует: а) *цивилизационная идентичность*, т.е. апелляция к опыту Российской империи, «доказавшей возможность континентальной солидарности людей различной этнической и конфессиональной принадлежности»; б) *социальная идентичность*, т.е. пример СССР, история которого доказала «возможность социальной солидарности народов, сообща защищавшихся от эксплуататоров и строивших великое социальное государство»¹ (курсив мой. — М.Д.).

Однако вопрос о цивилизационной природе России можно ставить и иначе, в контексте развертывания концепта «Русский мир» или «русской идентичности».

В первом случае, реальность «русского мира» предлагается осмысливать в: 1) геополитическом ключе (В. Цимбурский, А. Дугин и др.), где предусматривается некоторая изоляция и создание суверенной Евразии; 2) геоэкономическом створе (П. Щедровицкий, А. Неклесса и др.), где угадывается интеграция русских диаспор с западной цивилизацией, ее экономикой и политикой на основе технологического базиса; 3) геокультурной перспективе (С. Градировский, Б. Межуев и др.), в рамках которой Россия обязана выступить в роли ядра некоторого содружества наций, объединяя миграционные потоки и пассионарные массы для некоторого исторического рывка; 4) лингвистическом и культурологическом ключе — посредством *soft power* («поддержка русской культуры на всех континентах» — В. Никонов).

Замечу, что только последняя программа нашла свою последовательную реализацию в рамках работы Фонда «Русский мир», покрывшего сеть культурных центров и кабинетов пространство ближнего и дальнего зарубежья.

Во втором случае, принятая XVIII Всемирным русским народным собором «Декларация русской идентичности», недвусмысленно

¹ Панарин А.С. Россия в социокультурном пространстве Евразии // Москва. 2004. № 4. С. 186.

ленно очерчивает ее фактуру и содержание последней: «Принадлежность к русской нации определяется сложным комплексом связей: генетическими и брачными, языковыми и культурными, религиозными и историческими. Ни один из упомянутых критериев не может считаться решающим. Но для формирования русского национального самосознания обязательно, чтобы совокупность этих связей с русским народом (независимо от их природы) была сильнее, чем совокупность связей с любой иной этнической общностью планеты»¹ (курсив мой. — Д.М.).

Но последнее, как это ни странно, акцентирует внимание именно на цивилизационном характере русской идентичности, на полноте тех фундаментальных связей, которые образуют структуру и функциональность цивилизационного организма. Также методологически важно, что здесь мы имеем с переходом на мета уровень рассмотрения ее природы, который имеет онтологическую и аксиологическую сигнатуру² [4].

По моему мнению, системная мета уровневая развертка будет включать в себя не только *пространственно-материальные* (месторазвитие, население), *временные* аспекты (циклы культурно-политического бытия и кристаллизовавшуюся в драмах и трагедиях русской истории традицию), но и *субъектно-волевые, деятельностные* (имперско-цивилизационное «общее дело»!) и собственно *идеократические доминанты* (сотериологически-социальная «идея-правительница» и ее аксиологическое обрамление).

Именно в таком формате и с такими содержательными векторами Россия как цивилизация конституируется в качестве искомой исторической величины «*Мира миров*».

¹ Декларация русской идентичности // Официальный сайт Московского Патриархата [www.patriarchia.ru/db/text/508347.html] (10.04.2015).

² Муза Д.Е. «Да, жизнь лишь Веры воплощенье...» (этюды русской аксиологии). Saarbruken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015.

К вопросу о специфике и задачах православной философии образования*

Последние два десятилетия нашего церковного и общественного бытия, помимо пробуждения духовной жизни, частичного восстановления ее форм и содержания, принесли собой ряд противоречивых и тревожных тенденций. Одной из этих тенденций можно признать неготовность православного педагогического сообщества к реализации задекларированных Церковью в «Основах социального учения» программных принципов в сфере образования и воспитания. В особенности речь идет о положении: «образование, особенно адресованное детям и подросткам, призвано не только передавать информацию. Возгревание в юных сердцах устремленности к Истине, подлинного нравственного чувства, любви к ближнему, к своему отечеству, его истории и культуре должно стать задачей школы не в меньшей, а может быть в большей мере, чем преподавание знаний»¹.

Реализация программных замыслов, — и в этом следует отдавать себе полный отчет, — осуществляется в условиях объективного роста «заемных» (с Запада)² образовательных моделей, стандартов и критериев, вообще нивелирующих православную педагогическую традицию, или же рассматривающих ее как маргинальную в век торжества высоких технологий, доминирования неконгруэнтных моделей рынка и неолиберального представления о личности и ее культурных запросах.

Отсюда становится понятной общая озабоченность состоянием дел в локальных точках образовательного процесса, будь то воскресные или духовные школы, будь то светские учебные заведения. За редким исключением (Свято-Тихоновский православный гума-

* Материал был подготовлен для участия в «Рождественских образовательных чтениях», но по не зависящим от автора причинам не увидел свет.

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // О социальной концепции русского православия / Под общ. ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2002. С. 378.

² По сути своей, либеральных, секулярно-прогрессирующих, эклектичных или несущих в себе импульсы псевдодуховности.

нитарный университет, отдельные авторские курсы)¹, православная педагогика находится в состоянии некоторой растерянности. Научно-образовательные Рождественские чтения, призванные аккумулировать разносторонний опыт изучения и преподавания широкого спектра значимых для современной ситуации дисциплин, носят скорее элитарный, чем массовый и масштабный характер.

Кроме того, исправлению и стабилизации ситуации не способствует расширяющийся «разрыв культурного пространства» (А.И. Солженицын)² православно-славянской цивилизации. Думается, что возникшие трудности вызваны, во-первых, отсутствием координации усилий церковных и светских педагогов в вопросах образовательных методик и стандартов; во-вторых, не вполне четким пониманием методологических оснований, формата, структуры и самой направленности педагогического процесса; в-третьих, непониманием и отторжением большей части госчиновников огромного пласта культуры, аккумулировавшегося внутри православного предания в виде личностно-этического и соборно-этического комплексов.

В данной статье, не претендуя на охват проблемы по ширине и глубине, мы намерены показать необходимость и возможность создания синтетической области знания — православной философии образования, способной к комплексной постановке и решению задач образовательного и воспитательного порядка. При этом нужно заметить: в современной светской гуманитаристике уже намечилось движение к синтезу различных образовательных парадигм³, вызванное сверхсложностью современной природно-

¹ Напр.: *Дивногоорцева С.Ю.* Теоретическая педагогика. Теория и методика воспитания в свете православного педагогического мышления: Учебное пособие. М.: ПСТБИ. 2003; *Куломзина С.С.* Наша Церковь и наши дети. М.: Паломник, 2002; *Протоиерей Евгений Шестун.* Православная педагогика: Учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп. М.: Про-Пресс, 2001.

² *Солженицын А.И.* Разрыв культурного пространства // Десятина. 2000. № 11–12 (44–45). С. 6.

³ См.: *Гершуинский Б.С.* Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998; *Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И.* Введение в философию образования: Учебное пособие. М.: Логос, 2000; *Кочергин А.Н.* Философия образования // Философия социальных и гуманитарных наук: Учебное пособие для вузов под ред. С.А. Лебеде-

социальной и антропологической ситуации, и желанием их коррекции в пользу нагруженного ответственностью бытия. Поэтому поиск междисциплинарного синтеза как раз и объявлен главной задачей светской философии образования¹.

Сама философия образования, прежде чем нетривиально зафиксировать свою специфику, отталкивается от оппозиции рационализму и технократизму, властолюбию и «золотому тельцу», этим «подаркам» эпохи Просвещения и буржуазного общества. В таком случае «западный рационализм, помноженный на российскую действительность, дает потрясающий эффект: тьма людей тянется в «Голливуды» — районные и областные центры, в крупные города и столицы. Вроде бы за самореализацией, *но без духовного роста* и с жадной охотой обладания осязаемыми вещами и высоким социальным статусом»² (выделено нами. — Д.М.). Однако разрешение этой оппозиции в пользу воссоздания духовно-нравственной специфики образования уже не только объективно необходимо, этому положены кратчайшие сроки. Отсюда задача по созданию философии образования как «самостоятельной области научных знаний», предметом которой выступают «фундаментальные основания функционирования и развития образования»³. Но самое важное, что в образовании видят ту силу, способную «переломить катастрофически нарастающие негативные тенденции в духовной сфере», в т.ч. путем «интеграции и гармонизации *знания и веры*»⁴ (выделено. — Б.Г.).

В православной педагогике также приходит сознание необходимости трансформации формы образовательного процесса: от прикладной педагогики — к синтезирующему знанию с рефлексией собственных оснований. В частности, диакон Андрей Кураев

ва. М.: Академический проект, 2006. С. 761–819; Сидоров Н.Р. Философия образования. Введение. СПб.: Питер, 2007; Базалук О.А. Философия образования в свете новой космологической концепции: Учебник. К.: Кондор, 2010.

¹ Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. С. 33.

² Сидоров Н.Р. Философия образования. Введение. СПб.: Питер, 2007. С. 11.

³ Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. С. 90, 91.

⁴ Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. С. 21.

указывает: «сегодня основания нашей веры неочевидны для большинства. Попытки культурологически изложить христианство — это и есть учет вот такой неочевидности. Это попытка из режима проповеди или доказательства перейти в совершенно другой режим интеллектуальной работы — объяснения»¹.

Подобные соображения дают возможность предположить: православная философия образования как метадисциплинарная система обязана выработать собственную специфику понимания педагогического процесса, с одной стороны, не сводимую к богословию, педагогике, психологии, культурологии, и этике, а с другой — методично фокусирующую внимание образовательного сообщества на христианской природе человеческой души².

Итак, для того чтобы ввести читателя в суть обсуждаемой проблемы, необходимо учесть ряд методологических тонкостей.

Сегодня православная педагогика и психология отталкиваются от ряда важнейших принципов, один из которых гласит: «религиозное, духовно-нравственное воспитание должно опережать информационно-рационалистическое наполнение ума». Проще говоря, научность — это «придаточное качество» к Богоугождению³. При этом отметим, что ранее французский философ М. Фуко предложил оригинальное различие двух способов трансляции истины: педагогики и психогоники. В его понимании педагогика — это деятельность по «передаче такой истины, функцией которой является снабжение субъекта какими-либо отношениями, способностями, знаниями, которых он до этого не имел и которые должен будет получить к концу педагогических отношений». В свою очередь, психогоника — это деятельность по «передаче такой истины, функцией которой будет не снабжение субъекта какими-либо отношениями, а скорее изменение

¹ Кураев А, диакон. Культурология православия: готова ли школа к новому предмету? М.: Грифон, 2007. С. 65.

² Митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Путь жизнеутверждающей любви // Пути просвещения и свидетели правды: Личность. Семья. Общество / Сост. К. Сигов. К.: Дух і літера, 2004. С. 7.

³ Дивногорцева С.Ю. Теоретическая педагогика. Теория и методика воспитания в свете православного педагогического мышления: Учебное пособие. М.: ПСТБИ. 2003. С. 19.

способа существования субъекта»¹. На первый взгляд эти положения корреспондируют с вышеприведенными, однако сам Фуко полагал, что психогогика — это продукт греко-римского культурного процесса, а педагогика — христианства. Проблема здесь состоит в понимании фактуры субъекта, объекта и самого процесса трансляции истины.

Если вслед за М. Фуко признать, что христианство — педагогично, а не психогогично, то не на учителя, как в греческой *παιδεία*², а на ученика приходится «основная цена истины». Это происходит вследствие того, что «от души, находящейся под психологическим воздействием, т.е. от ведомой души», требуется «говорить ту истину, которую может сказать лишь она одна, которой обладает она одна...»³. Намек на тайну всякой души человеческой, но и на присутствие в человеке образа Божия.

На самом деле, о чем говорит огромный опыт святоотеческой наставнической деятельности, трансляция истины духовного опыта может выглядеть гораздо сложнее, как двусторонний процесс: «силою дара духовного общения... старец Амвросий делается духовным советником и наставником любого, пришедшего к нему, и это значит, что он до глубины входит в его опыт и мир, и принимает их в свой собственный мир, делает своими, и откликается на них»⁴. Тем самым, артикулируемая многими педагогами триадичная схема «знание — познание — преобразование»⁵, получает новую редакцию и требует иного обоснования.

Думается, что это обоснование может быть построено на использовании — в качестве рабочих — двух эвристических моделей. Их опытно выявила святоотеческая антропология в виде мо-

¹ Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 311.

² Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997.

³ Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 311.

⁴ Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М.: ИД «Парад», 2005. С. 55.

⁵ Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. С. 134.

делей — *падшего* и *спасающегося* человека. По сути дела в дальнейшем теоретизирование на психолого-педагогические темы было поставлено в зависимость от общего понимания природы человека, его структурной определенности: а) *димерии* (душа — тело) и б) *тримерии* (дух — душа — тело).

Иллюстрацией первой антропологической парадигмы могут служить слова прп. Максима Исповедника: «Поскольку человек состоит из души и тела, то он зависит от двух законов — я имею в виду от (закона) плоти и от (закона) духа. И первый стяжает действие по чувству, а второй — по уму; действующему по чувству присуще сочетать плоть с материей; а действующему по уму присуще осуществлять непосредственное соединение с Богом»¹. Примером второй, основывающейся на триипостасном представлении о Едином Боге, слова святителя Николая Велимировича: «Для духовного человека в небесах существует три окна: в первое смотрит верующий разум, второе открыто для уповающего сердца, третье — для любящей души... Чтобы увидеть Божественную троицу в Ее Единстве, мы должны узнать самих себя как троицу в единстве. Ибо только троица может созерцать Троицу»². Отсюда следует, что процессы познания и сама душевно-духовно-телесная деятельность человеческой личности не просто «замкнуты» на ступень самосознания, но имеют своей главной целью воссоздание единства, нарушенного грехом.

В таком случае, можно сделать предварительный вывод о том, что обе антропологические парадигмы подразумевают модель падшего человека, но они же несут в себе представление о спасении и его средствах, хотя и понимаемых вариативно, но включающих в себя — в качестве обязательных — когнитивные и воспитательные моменты.

Итак, первая модель — модель падшего человека, включает в себя идею о нарушении, разрыве, «онтологическом расщеплении», «порче первозданного тварного бытия» (С.С. Хоружий)³, которая задает зем-

¹ *Максим Исповедник*. Творения. М.: Мартис, 1993. Кн.2. С. 91.

² *Святитель Николай Сербский*. Мысли о добре и зле. М.: Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2001. С. 104.

³ *Хоружий С.С.* Грех и греховность // *Хоружий С.С.* К феноменологии аскезы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 36–38.

ному человеческому существованию иную — в сравнении с эдемской — фактуру бытия, а именно: *бытия-в-грехе*. Разумеется, она может быть квалифицирована (по онтологическому, этическому и психологическому основаниям) как отрицательная, на смену которой приходит фактура человеческого бытия-во-Христе, жизнь «внутреннего человека», наследника Царства Божия. Ей, в свою очередь, соответствует новая онтология, психология и этика. На уровне законов бытия первый вариант отображает закон греховный, действующий в членах человеческих, который воюет с законом Божиим, законом духа (Рим. 7, 23). Думается, что для общей экспозиции и выстраивания синтетической педагогической стратегии этих дистинкций недостаточно, нужны более тонкие процедуры, указывающие на возможность объединения знания и преобразования.

В этом случае достаточно любопытен подход, предложенный современным православным автором, сербским психологом, профессором В. Йеротичем¹. В методологическом плане важно следующее: Йеротич предлагает видеть в современном человеке своеобразную комбинацию из трех людей — *языческого, ветхозаветного и новозаветного*, которым, в свою очередь, соответствуют определенные ментальные, психоэмоциональные, волевые и ценностные архетипы и установки. Более того, сербский автор настаивает на том, что «их взаимоотношения, борьба между ними, большая или меньшая развитость или закоренелость одного из этих пластов в душе человека представляет динамику индивидуальной и общественной жизни»².

На самом деле, кризис современного мира — это антропологический кризис, кризис «заглохшего сердца» (И.А. Ильин), т.е. проявляющийся как восстание «языческого человека» против двух других структурных элементов общеантропологической конструкции. В этой связи любопытной выглядит характеристика языческого человека. Согласно Йеротичу, — это гедонист, человек

¹ Йеротич В. Языческое, ветхозаветное и новозаветное в современном человеке // Йеротич В. Психологическое и религиозное бытие человека. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. С. 145–162.

² Йеротич В. Языческое, ветхозаветное и новозаветное в современном человеке // Йеротич В. Психологическое и религиозное бытие человека. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. С. 146.

природы, находящийся в поиске удовлетворения своих инстинктов. Его экзистенциальные и психологические ориентиры определяются принципом удовольствия (З. Фрейд), причем повсеместно актуализируемого и культивируемого начиная с детского и юношеского возраста. Нужно заметить, что соотношение величин принципа удовольствия и принципа реальности выглядит как отношение бессознательного и «я», т.е. образует конфликт на уровне структуры и функций психической жизни¹. Понятно также и то, что этот кризис во многом вызван устранением из структуры личности — «сверх-я», т.е. высоких моральных чувств и требований к поведению, воспроизводивших целостного индивида, традиций и ценностей, которые до поры до времени выступали главными регуляторами его психической активности. Элиминирование «сверх-я» в своем психолого-этическом итоге оборачивается отключением «механизма» совести, блокированием процедур самонаблюдения и сворачиванием работы по формированию «я — идеала»².

Кроме того, согласно В. Йеротичу, языческий человек обладает своеобразной верой: анимизм, вера в злых и добрых духов, хтонических и небесных, в духов предков, его отличает склонность к магии. Вообще же, его внутренний мир — это набор атавизмов, по не вполне понятным причинам, вновь и вновь воспроизводящий архаичные фантазии. Правда, данному процессу способствует современная массовая культура, методично внедряющая в сознание (в ментальной и эмоциональной упаковке, понятной современному обывателю) образы языческой эпохи жизни человечества, тем самым поддерживая соответствующие ей психологические стереотипы.

Не секрет, что вызванные технологической революцией изменения человеческой телесности и превращение социальной реальности в «желающее производство» породили новый антропологический сюжет — «машину желаний»³. «Эдип», если следовать

¹ См.: «Принцип реальности» и «принцип удовольствия» // Психология. Словарь / Под. общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. С. 292.

² Именно эти функции, по З. Фрейду, выполняет «Сверх-Я». См.: *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С. 341–344.

³ *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 13–82, 414–427.

аргументации французских интеллектуалов, еще больше драматизирует свои жизненные задачи, а значит, порождает, условно говоря, новые конфигурации греха, задаваемые тотальностью желаний. Капитализм с порожденной им социальностью и культурой *программирует* грех, т.е. обрекает человека на подавление в себе лучшего и усиление негативного.

Следующий пласт душевной жизни — «ветхозаветный», включает в себя: архетип Отца, сложившийся у древних иудеев в ходе восприятия ими Богооткровения; архетип закона (Сверх-Я — в терминологии З. Фрейда), нравственно организующий и регулирующий жизненный процесс. Покорность Богу и долг перед Ним становятся нравственно-значимыми, следовательно, педагогически содержательными императивами. При этом православный психолог обращает внимание на тот факт, что весь объем душевных драм и духовных исканий ветхозаветного человека своим общим знаменателем имел страх перед Творцом. Страх — в контексте ветхозаветной антропологии и психологии — не просто квалифицируется как «древний неприятель человека», он осмысливается как низшее чувство. Оно, в свою очередь, должно быть преодолено, в психологическом плане «снято» на новом уровне, — уровне бытия новозаветного человека, внутренним императивом которого выступает любовь. Но самое, пожалуй, интересное состоит в том, что апостол любви четко провозгласил: «Боящийся не совершенен в любви» (1 Ин. 4, 18). Йеротич видит в этих словах проблему, связанную с переходом на более совершенную ступень экзистенции, ступень «новозаветного человека». Эта ступень характеризуется кардинальным изменением психологии под воздействием новой ценности, точнее, сверхценности. «Принять сущность Христовой жертвы как приношения себя, безгрешного, всякому человеку, который желает стать христианином, но свободно и вольно, под видом хлеба и вина, на любой литургии, это и значит свидетельствовать и всякий раз заново утверждать новозаветного человека в современных людях»¹. Эта сверхценность земной жизни осознается даже эмпирически. На

¹ Йеротич В. Языческое, ветхозаветное и новозаветное в современном человеке // Йеротич В. Психологическое и религиозное бытие человека. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. С. 158.

фоне того, что потребности тела «обслуживают» наука, экономика и социальная политика, для души единственным шансом сохранить себя остается «забота о человеческом духе и будущей потусторонней жизни»¹ (выделено нами. — Д.М.).

В целом позиция В. Йеротича нам представляется конструктивной в том отношении, что она позволяет: а) выстраивать критику двух психологических пластов в человеке; б) иллюстрировать — всеми возможными средствами обучения и воспитания — универсальность психологического мира и ценностных установок «новозаветного человека»². Подобная иллюстрация будет наиболее действенной с опорой на жития святых, на личный опыт показавших и «механизм» преобразования души, и гармонию образа Божия в человеке, вставшего на путь поиска, а затем и уподобления Богу.

Разумеется, и критика, и демонстрация должны иметь привязку к конкретному контексту (физическому и духовному возрасту, уровню подготовки обучающихся, славянской ментальной карте). Кроме того, используя в качестве предпосылки образовательных усилий не принцип *подобосущия* («одинаковости» психической и духовной жизни людей), а *единосущия* (единство природы человеческой, при реальной «многоипостасности» людей)³, православная педагогика может рассчитывать на адекватность своих притязаний, апеллируя к каждому по отдельности и ко всем вместе.

Дело в том, что духовное развитие человека, каким его видит православная психология, опирающаяся на святоотеческое насле-

¹ *Йеротич В.* Языческое, ветхозаветное и новозаветное в современном человеке // *Йеротич В.* Психологическое и религиозное бытие человека. М.: Библиско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. С. 159.

² В православной литературе, посвященной антропологии и этике, образ «новозаветного человека» представлен достаточно полно. Но здесь хотелось бы обратить внимание на работу о. Илии Гумилевского, досконально исследовавшего антиномию «душевного» и «духовного» человека, которые в реальной педагогике нередко смешиваются. См.: *Гумилевский Н., прот.* Учение святого апостола Павла о душевном и духовном человеке. К.: Пролог, 2004.

На самом деле, этико-психологическая точка зрения нацеливает на пневматологический характер природы человеческой личности. См.: *Нефедов Геннадий, протоиерей.* Основы христианской нравственности. М.: Паломник, 2006. С. 13–23.

³ *Протопресвитер Василий Зеньковский.* «Соборность». Не «подобосущие», а «единосущие» // *Протопресвитер Василий Зеньковский.* Смысл православной культуры. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. С. 223.

дие, включает в себя ряд закономерностей духовного развития: закон незаконченности (вплоть до своей смерти человек подвержен возможности падения); закон восхождения (возрастания и усовершенствования); законы постепенности, поэтапности и целостности; закон уникальности пути¹. Все они проецируются на каждого человека по отдельности, будь то подвижник, педагог, работник физического труда, школьник и т.д., затем на группы (семья, трудовой коллектив, общество), но связываются вместе в процессе поиска Христа (нового Адама) или собственно духовном собирании личности и других личностей для встречи с Божественной Личностью как главным Педагогом. Проще говоря, уникальные земные жизненные пути каждого и всех вместе в идеале пересекаются в одной точке — Логосе, в то время как в реальности духовные траектории могут расходиться². Не случайно св. Григорий Синаит указывал: «Никто там не будет едино со Христом, или членом Христовым, не сделавшись здесь причастником благодати, и не возымев чрез то в себе образ разума и истины о Христе»³. Последнее обстоятельство делает всю православную педагогику христоцентричной и иконичной, поскольку наставничество и ученичество связаны с образом Спасителя.

Думается, что разрешимость задачи по преобразованию человеческой души образовательными средствами становится возможной, если ее «технологии» будут включать в свой состав: 1) знание Откровения, усвоенного и транслируемого преданием в лице святых и праведников; 2) индивидуальное и коллективное восприятие, познание и оценку Откровения и его результатов в жизни отдельных людей, групп, обществ; 3) варианты индивидуального и соборного преобразования души, основанной на Декалоге и Евангельских заповедях.

Тот же, кому поручена функция педагога, должен помнить о том, что законы духовного развития — это и его собственные

¹ *Зенько Ю.М.* Основы христианской антропологии и психологии. СПб.: Речь, 2007. С. 211–218.

² В т.ч. из-за свободной воли человека, постоянно совершающей выбор между добром и злом, праведностью и грехом.

³ *Григорий Синаит.* Главы о заповедях и догматах, угрозах и обетованиях // *Добротолюбие.* 2-е изд. М.: б.и., 1900. Т. 5. С. 188.

законы, и законы его подопечных, и законы для людей, культивирующих в себе «языческого» или «ветхозаветного» человека.

В таком случае, для православной философии образования главной очевидностью становится «образ разума и истины о Христе», который должен быть открыт, развит и сохранен как духовный свет Воскресения и Жизни Вечной в каждом человеке.

Заключение

Итак, рассмотрение заявленной темы в структуре тематических блоков обнаружило некоторый общий сюжет. Сюжет метафизического порядка. Он, на мой взгляд, состоит в том, что самоопределение России совершается в нескольких направлениях и в привязке / развязке к нескольким координатам.

Во-первых, это *славянофильское направление (инвариант)*, но за годы, прошедшие с момента провозглашения панславизма («Россия и Европа» Н.Я. Данилевского), пройдя через балканскую, Первую и Вторую мировую, «холодную» войну и глобализацию, Россия освободилась от «славянобесия» (К.Н. Леонтьев). Иначе говоря, эта сторона международных отношений с близкими по этногенезу, религии и культуре, историческим свершениям народам показала, кто друг, а кто враг. Причем подлинными критериями исторической вменяемости тут выступили восточнохристианский суперэтнический текст и универсалии Просвещения (А.С. Панарин).

И дело здесь не в их, славянских стран и народов, вовлеченности в проект Европейского союза (с его политикой экономической целесообразности, прав человека, лаицизмом и мультикультурализмом), или сотрудничества с НАТО, хотя внешнее экономическое, политическое и военное управление как никогда разрушительно для западных, в особенности для балканских славян. Но их самосознание, например, благодаря свт. Николаю (Велимировичу) или прп. Иустину (Поповичу) остается прорусским и прославянским (!). Равно как и наше, координаты которого заданы великим А.С. Пушкиным:

Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос¹.

¹ Пушкин А.С. Клеветникам России // Пушкин А.С. Сочинения. М., 1962. Т. 1. С. 317.

Тем не менее, оно — в сохранении причастности к высшему духовному смыслу исторического существования, которое видится как Богом заповеданное единство. Как общая перспектива обустройства значительной части Евразии не на началах подстегиваемой Европой этничности¹, но для традиции, в рамках которой братство во Христе не является пустым звуком.

Во-вторых, *евразийская ориентация России*, ее реальное вхождение в свои культурно-цивилизационные права в этом мегарегионе определяются как историческими факторами, так и насущной политико-экономической целесообразностью. В первом аспекте, история Евразии — это история не столько конфликтов и жесткого соперничества, сколько история компромиссов и поиск формулы согласия. Нелишне напомнить, что империя Романовых и СССР как раз осуществляли такую политику, которая интегрировала этносы в большое евразийское пространство, плюс открывала перспективу их реализации в большом историческом времени. Но наши недруги (маркиз де Кюстин и К^о) пытались нивелировать эти пункты имперской политики, которую можно смело назвать политикой созидания России-цивилизации, русско-евразийской цивилизации.

Но пришло другое время, и обозначились иные моды. Главным образом, мегакорпоративные. России был предложен транзит, который не сразу был распознан и квалифицирован как «социально-экономическая редукция». В другой терминологии — «экономическая война» на полное поражение (деиндустриализацию, лишение народно-хозяйственных опор, профессиональную дисквалификацию населения и т.д.). Резонно, что Вашингтонский консенсус, соревновательность по правилам ВТО, неопределенность с инвестициями России в западные экономики, «открытие» рынков для западных ТНК, привязка к американской валюте, принудительная стандартизация, — все это не могло вызывать энтузиазма у отечественных производителей, организаторов производства и людей труда. Тем более, после откровений А. Паршева о том, «почему Россия не Америка». Но с лета 2014 года эта война стала открытой и потребовала транспарантных действий².

¹ Дворник Ф. Слов'яни в Європейській історії та цивілізації. К.: Дух і літера, 2005.

² См.: Катасонов В. Америка против России. Холодная война 2.0. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2015.

Однако главное событие последнего года — это своеобразный ментальный сдвиг в отношении Евразии, который стал ответом на американско-европейскую экспансию на Украину, на кабальный, по сути, договор об ее ассоциации с ЕС, бесконечное заигрывание с НАТО и, наконец, управляемую и поощряемую Америкой и Европой войну в Донбассе.

И как в свете происходящего не признать правоту инициативы академика Е.С. Троицкого о необходимости параллельного конституирования Евразийского и Славянского союзов для обеспечения безопасности и самостоятельного развития¹.

В-третьих, *нынешнее столкновение с крайне агрессивным Западом*, как вовне, так и изнутри², невиданное ранее давление на Россию со стороны Америки в ходе «евразийской шахматной партии», идущее при помощи четырех областей мировой власти: 1) в военной области; 2) в области экономики; 3) в технологическом отношении; 4) в области культуры³, заставляет еще и еще раз задуматься о лидерстве сверхдержавы. Ее кровавая и безответственная поступь, а также вовлечение в ее систему доминирования самых разнообразных «союзников» говорят о неспособности к глобальному управлению на основе идеи однополярности⁴, а также с навязываемой специфической моделью демократии и прав человека.

В-четвертых, *острый социально-политический кризис на Украине*, крымская и донбасская мотивации по уходу от фашистско-бандеровского режима в направлении России⁵ неожиданно обозначили не только тему войны, но и тему Победы. Естественно, эта тема по-особому зазвучала в год 70-летия Великой Победы над германским фашизмом. Важно то, что парады Победы, как и марш

¹ Троицкий Е.С. Движение России к неоимперии. Русская нация. Славянская цивилизация. Евразийство. М.: АКИРН, Издательская группа «Граница», 2013. С. 107–114.

² Речь о 5-й и 6-й колоннах, как внутреннем Западе.

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 36.

⁴ Примаков Е.М. Мир, в котором находится Россия // Примаков Е.М. Мысли вслух. М.: Российская газета, 2011. С. 156.

⁵ Муза Д.Е. КРЫМ — ДОНБАСС — РОССИЯ: о факторах формально / неформального притяжения в контексте Русской весны // Новая земля. Журнал Изборского клуба Новороссии. 2015. № 2 (5). С. 43–46.

«бессмертного полка» состоялись не только по всей России, но также в Донецке и Луганске!

В этой связи хочу обратить внимание не только на факт посещения А.А. Прохановым священной для жителей Донбасса Саур-Могилы, возложение цветов на могилы героев Великой Отечественной и нынешней войны, презентации там своей новой книги — «Убийство городов», но и то художественное обобщение, которое в ней сделано.

Один из героев романа — Рябинин «оказался на войне, которая не закончилась семьдесят лет назад, а продолжалась. Смысл этой войны открылся здесь, на вешей горе, и заключался в том, чтобы не отдать Победу. Не проиграть ее, добытую Родиной в смертельной схватке»¹. Тем самым установлена важная метафизическая связь между событиями на Миусском фронте и фронте нынешнего противостояния ополченцев с инспирированными духом С. Бандеры украинцами. При этом в Донецкой и Луганской народных республиках верят не только в Победу, но и в Победную Пасху, которая по пророчествам о. Ионы Одесского обязательно наступит.

Этим размышлениям созвучны строки петербургской поэтессы Валентины Ефимовской:

Без креста в сорок первом встречала
Русь-Россия врагов своих.
«Жди меня» — молитвой звучало,
Словно ладанка был тот стих.
Как с икон, смотрела с плакатов
Богородицей Родина-мать.
Уходили на фронт солдаты,
Не умевшие крест целовать,
Но, как витязи в русской сказке,
Сокрушили логово зла...
День Победы и праздник Пасхи —
Жизни два багряных крыла!²

¹ Проханов А.А. Убийство городов. М.: Эксмо, 2015. С. 217.

² Ефимовская В. Война священная // Точка отсчета (Антология современной петербургской поэзии). СПб.: Общество памяти игуменьи Таисии, 2010. С. 247.

В-пятых, как бы ни пропагандировали недруги России — в самой России и за ее пределами — ирредентистские настроения, *Россия наконец-то возвращается к своему имперскому modus vivendi*, к своей цивилизационной функции, выражающейся, между прочим, не только собирании земель, но в опеке «униженных и оскорбленных».

И последнее. Пути в будущее разнообразны. Они кому-то видятся в создании мощных технологических кластеров (инновационном прорыве), кому-то в сборке новых экономических отношений, релевантных задачам империи, кому-то в демографической плоскости, что само по себе архиважно, кому-то в новых формах русской культуры.

На мой взгляд, путь в будущее пролегает через идеократическое фундирование бытия, придание ему ярко выраженной перфектной формы и ценностно оправданного содержания. Разумеется, именно Россия выступает той одновременно реальной и чаемой величиной, к которой обращено религиозное отношение, отношение, включающее служение, труд, подвиг... Именно поэтому как никогда *нужно сосредоточение на заботе о духе подлинной России*, неважно, реализуемое в политике и экономике, искусстве и быту, едином учебнике Отечественной истории или медиапространстве.